

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВО
ВИЛЛИАМ МОНТГОМЕРИ БРАУН,

Доктор Богословия; Пятый епископ Арканзаса, в отставке;
Член Палаты епископов Протестантской Епископальной Церкви;
Бывший Архидиакон Охайо и Специальный лектор в Бого-
словской семинарии Кенионского Колледжа. Ныне „Episcopus
in partibus bolschevikium et infidelium“ („епископ большевиков
и неверующих“).

W 179
73
ВИЛЬЯМ МОНТГОМЕРИ БРАУН

КОММУНИЗМ И ХРИСТИАНСТВО

ИССЛЕДОВАНИЕ и ПРОТИВОПО-
СТАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

АВТОРИЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД

Л. ГРЮНБЕРГА и И. ПЛОТНИКОВА
с 7-го (последнего) исправленного и допол-
ненного автором английского издания

Кит-302

Изгоните богов с небес;
капиталистов с земли; подго-
товьте мир к коммунизму.

РАБОЧЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ПЕТРОГРАД—1923

1500088973

Тираж 10.000.

Военная Типография Штаба Рабоче-Крестьян. Красной Армии (пл. Урицкого, 10).

.....

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Эта книжка посвящается с благодарностью пролетариату, из которого вышли епископ БРАУН и его жена; неоплаченному труду пролетариата (а не божьему провидению) они обязаны своим благосостоянием, досугом и жизненными благами.

.....

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ	5
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ВИЛЬЯМА БРАУНА	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	13

ЧАСТЬ I.

КОММУНИЗМ	19
---------------------	----

ЧАСТЬ II.

ХРИСТИАНСТВО	79
------------------------	----

ЧАСТЬ III.

КРИТИКА	141
ПОСЛЕСЛОВИЕ	191

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ.

РАСПАД старых общественных форм и взаимоотношений, растерянность среди промежуточных, мелко-буржуазных элементов общества вызывают известную тягу к религиозному мистицизму, который в нынешних тяжелых условиях жизни способен внести разложение в ряды борющегося за коммунизм рабочего класса, ослабив тем самым его дееспособность и революционную энергию. Правда, официальная церковь в своей последней попытке, во время изъятия церковных ценностей, поднять на защиту своих „попранных прав“ народные массы, потерпела полное крушение, более того, эти попытки ускорили распад старой церковной организации с ее традицией рабского прислуживания господствующим классам дворянства и буржуазии. Это обстоятельство не должно, однако, ослабить нашего революционного натиска на церковь и на религию во всех их проявлениях, так как исторический опыт достаточно показал, как искусно церковь умеет приспосабливаться к переменам в общественной жизни, в целях сохранения своего влияния на умы трудящихся масс. Присматриваясь к современной действительности, мы замечаем ту же тенденцию со стороны разрозненных церковных элементов перестроить свои ряды, перегруппироваться и, подновив свои истрепанные знамена кое-какими свежими „советскими“ лозунгами, сохранить свое право на дальнейшее безбедное существование. Отсюда и вытекает необходимость более сосредоточенного внимания ко всему тому, что делается в лагере врагов рабочего класса, в какие бы одежды они ни рядились, и неослабной борьбы с ними.

Ненасытная жажда к знанию среди широких народных масс, повышенный интерес их к вопросам текущей

революционной действительности значительно облегчают эту борьбу за коммунистическую идеологию. Весь вопрос сводится поэтому к хорошо и тщательно подобранному материалу. Присматриваясь, однако, к литературе по религиозному вопросу, появившейся в годы революции, мы без преувеличения можем сказать, что она частью не отвечает своему назначению, частью недостаточно доступна. Не считая отдельных брошюр, больше говорящих о взаимоотношениях между церковью и государством, нежели о религии по существу, наиболее распространенными книгами по вопросу следует считать Кунова, „Происхождение веры в бога“, и Каутского, „Происхождение христианства“. Не отрицая за ними больших научных достоинств, мы можем, однако, сказать, что они страдают одним недостатком: они слишком сухи, недостаточно доступны рядовому читателю. Вот почему мы считаем перевод нашедшей в Америке книжки епископа Брауна, „Христианство и коммунизм“, крайне своевременным. Она выгодно отличается от всех других произведений по религиозному вопросу тем, что не ограничивается одной уничтожающей критикой принципов религии, но одновременно противопоставляет им принципы научного социализма „религии трудящихся“, выполняя тем самым тот пробел в нашей антирелигиозной пропаганде, который состоит в том, что, освободив сознание от религиозного дурмана, мы часто забываем насытить это освобожденное сознание положительным знанием, что является необходимой предпосылкой успешности всякой антирелигиозной пропаганды.

Появившись впервые в Америке в октябре 1920 г. книжка епископа Брауна сразу же приобретает огромную популярность, выдержала в относительно короткий период времени семь изданий и переведена уже на многие иностранные языки. Не будет преувеличением утверждать, что появление этой книги в свет—событие огромного значения в мировой литературе. В самом деле, разве не симптоматично, что столп американской церкви—наиболее ханжеской и наиболее верной слуги капиталу—под влиянием мировой войны и пролетарской революции

в России, выбрасывает целиком весь балласт своих старых верований и с необычайным мужеством и прямоотой бросает вызов всему буржуазному миру, провозглашая себя убежденным сторонником коммунизма. С огромной силой непреклонного убеждения и жаром вновь обращенного он метко поражает своими стрелами капитализм в самую голову, страница за страницей разоблачая всю ложь и гниль современного буржуазного общества.

Более того, епископ Браун с большой проницательностью оценивает действительное значение российской революции, утверждая, что „свержение капитализма в России—величайшее событие в мировой истории, которое превратило интернациональный социализм марксистского революционного направления из теории в факт. Теория проходит, а факты остаются и побуждают к действию. Оныне революционный социализм будет действовать и денно и ночью, со всей силой, тут и там, в любое время и в любом месте, и перед ним будут стоять три исполинские задачи: 1) свергнуть империализм, основанный на конкуренции, 2) установить великую демократию, основанную на взаимопомощи в промышленности, и 3) подготовить мир для бесклассовой демократии. В продолжение менее трех лет революционный социализм в России сделал больше для осуществления этих трех задач, чем все государства и все церкви со всеми своими волами сделали в течение всей человеческой истории в продолжение двухсот тысяч лет“.

И не кажутся ли после этой оценки величайшей революции жалкими и ничтожными некоторые наши „свободомыслящие“ профессора и интеллигенты, до сих пор не узревшие мирового значения нашей революции и продолжающие в той или иной форме говорить о „здоровом капитализме“.

Капиталистический мир после вызванной им войны, приведшей человечество на край нищеты, заключил мир, о котором сами буржуа не говорят иначе, как употребляя это слово в кавычках. Противоречия между отдельными капиталистическими государствами все более и более

углубляются, порождая политический и экономический хаос, усиливающийся с каждым днем и показывающий как буржуазное общество зашло далеко вперед в своем разложении. Тот же хаос наблюдается и среди идеологов буржуазного общества, растерянно ищущих объяснения настоящему положению и выхода из него. Обращаясь, однако, к одной буржуазии, они этого выхода не находят, так как творческие силы буржуазии иссякли, она ничего нового не может дать миру, ее роль в истории сыграна до конца. Отсюда необычайный скептицизм у одних, тоже „социологов“, в роде Уэльса, говорящих о революции тоном самовлюбленных учителей, свысока ее наставляя и поучая, и крайний пессимизм у других, в роде Шпенглера, объявляющих гибель культуры. Наиболее чуткие и благородные умы, еще вчера находившиеся в лагере врагов рабочего класса, в поисках общественного идеала обращаются к рабочему классу, начиная понимать, что будущее принадлежит ему, и что служба ему и борьба в его рядах и есть борьба за высшую культуру, за спасение человечества от опутывающих его оков духовного и физического рабства. Книжка епископа Брауна — „*meemento mori*“ буржуазии и бодрый призыв к пролетариату, который силою об'ективного исторического развития призван освободить мир от капиталистической анархии.

Книжка „Христианство и коммунизм“ рассчитана на широкий круг читателей-рабочих, и все усилия наши были направлены к тому, чтобы передать ее текст наиболее доступным для широких масс языком.

Приходится, однако, сознаться, что выполнению этой задачи мешали огромные трудности текста английского подлинника, который мы старались передать наиболее точно. Мы поэтому лишь частично выполнили свою задачу в этом отношении и просим товарищей читателей отнести эти трудные места к самому содержанию книжки. Мы надеемся, что любой читатель найдет среди своих товарищей более развитого, который в наиболее трудных местах придет ему на помощь, и глубоко убеждены, что партийные и советские организации, руководящие поли-

тическим воспитанием пролетариата, окажут заслуженное внимание книжке епископа-революционера, сделав ее содержание достоянием самых широких масс Советской России.

Стихотворения, расброшенные, точно цветы, по всей книжке, переведены при любезном содействии поэта Адриана Ивановича Пиотровского, которому мы выражаем свою искреннюю товарищескую признательность.

Краткая биография епископа В. Брауна¹⁾.

Слово о человеке.

Епископ Виллиам Монтгомери Браун принадлежит к тем людям, которые поражают мир избытком своей духовной честности. Такими людьми в истории были Руссо, Пэн, Дарвин и Карлейль. Проникнутые руководящей идеей, они пренебрегают всеми препятствиями и свободно идут вперед.

Обратите внимание на важнейшие факты его жизни. Родившись в 1855 году в штате Огио, который тогда был еще слабо заселен, деревенский парнишка мог рассчитывать лишь на самое элементарное образование. В возрасте 6½ лет он попадает в семью немецкого колониста. В этом нежном возрасте мальчик лишен родительских забот, не знает отдыха, не знает никогда игр и всего того, что окружает своей теплотой детство каждого человека. Это обстоятельство до того бросается в глаза, что соседи жалуются областным властям на плохое обращение с ребенком, которому, без надлежащей заботы, в таких условиях не выжить. Ему было уже тогда восемь лет. Производившие расследование чиновники нашли ребенка больным тифом, при смерти.

¹⁾ Эта биографическая заметка была прислана американским издателем для русского перевода по поручению епископа, которого переводчики просили дать им свою автобиографию.

Прим. перев.

Одна женщина, по фамилии Гарденер, о которой епископ не может говорить без оттенка беспредельной нежности в голосе, взяла мальчика к себе и усыновила его. Хорошее обращение и опрятный уход совершили чудеса. Энергия мальчика не позволяет ему, однако, задержаться надолго дома. Его слишком тянет к знанию. Ценою упорной работы на лесопильном заводе и инструментальной фабрике он попадает в школу в Омаге, штата Небраска, в возрасте 21-го года. И вот рослый, неотесанный молодой человек оказывается в одном классе с 12-тилетними детьми. И—характерная черта этого человека на протяжении всего его жизненного пути—он принялся усердно за поставленную себе задачу, быстро пробился через все трудности, так что мы его вскоре встречаем в Клёвеленде, штата Огио, куда он привлечен прекрасной школой, и, наконец, кончающим университет в Бексли в 1883 году.

Последующие семь лет своей жизни он посвящает всецело работе в церкви и обогащает епископский мир книгой „Церковь для американцев“, выдержавшей 5 изданий в одном году и вышедшей уже 12-м изданием.

В этот период своей жизни он женится на девице Элле Бродфорд дочери г-жи Беренти Бродфорд, которая становится его помощницей и вдохновительницей, и доброты которой он никогда не забывает.

В 1898 году его посвящают в сан епископа, и он назначается в Арканзас.

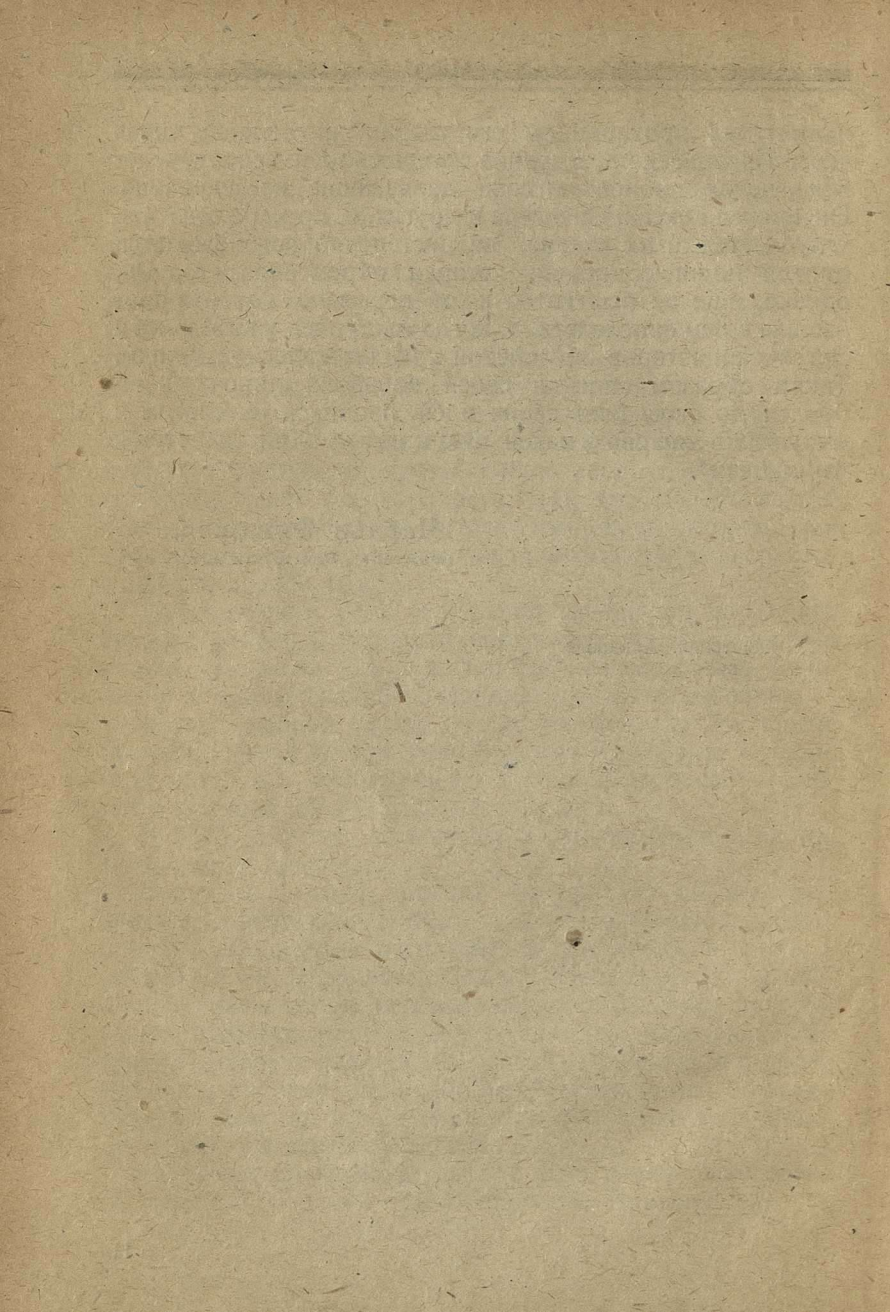
В течение этого времени он работал со всей ему присущей энергией. В 1907 году он опубликовал свою работу „Вопрос о распинаемых расах“, а в 1910 г. „Общий план Церковного Союза“. Последняя книга производит впечатление взорвавшейся бомбы у ног тех, которые всячески мешали ему выполнить намеченную им задачу, которую они считали своей. После этого расхода духовной энергии наступает неизбежная пауза, во время которой епископ в мае 1911 года отправляется в Огио, где предается научной работе.

Однажды он заявляет автору этих строк следующее: „Я полагаю, что мне нужно прочесть Дарвина, так как

я выступал противником его теории, никогда не читав его". Произведения Дарвина совершенно изменили человека, но он продолжал свои дальнейшие исследования. Он прочел Гексли, Спенсера и других, и, по мере того как углубляется в их чтение, он постепенно освобождается от той ноши сомнений, которая обременяла его. Он, однако, еще не был готов к той перемене, которая произошла в нем впоследствии, когда он прочел уже Маркса и Энгельса и авторов английской социалистической школы. Таким образом епископ своей борьбой одиночкой добился до осознания своих идей, проникся их светом и выпустил в мир свою маленькую книжку „Христианство и Коммунизм“.

Чарльз Финджер,
издатель „Блага для всех“.

Файтсвилль, Арканзас.

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹⁾.

Религия — опиум для народа. Уничтожение религии, как счастья для народа — условие его подлинного счастья. Предложение оставить иллюзии своего положения есть предложение оставить положение, нуждающееся в иллюзиях. Критика религии является таким образом началом критики юдоли слез, святое отражение которой — религия.

Маркс.

БОРЬБА с религией не только полезна в интересах умственного развития, но и необходима, так как религия используется господствующими классами всех стран против социалистического движения. Уничтожение религии еще не означает уничтожения эксплуатации, так как с отменой религии приводится к молчанию лишь одно из орудий врага. Перед рабочими стоит, прежде всего, задача свержения власти капиталистов. Религиозный вопрос, как все прочие вопросы, подчинен этой главной задаче.

Условием допущения в социалистическую партию должно быть признание следующих семи основных принципов политики социализма, как классового движения:

1) Современное общество основано на частной собственности капиталистов (господствующего класса), на средствах существования (земля, фабрики и заводы, железные дороги и т. д.) и на вытекающем из этого порабощении рабочего класса, трудом которого создаются все богатства.

2) В обществе, таким образом, существует противоположность интересов, которая выражается в классовой

¹⁾ Из официального манифеста Социалистической Партии Великобритании, показывающего антагонизм между марксистским социализмом, или коммунизмом, и религией.

Прим. автора.

борьбе между теми, кто владеет, но ничего не производит, и теми, кто производит, но ничем не владеет.

3) Этот антагонизм может быть уничтожен только с освобождением рабочего класса от господства капиталистов путем обращения средств производства и обмена в общественную собственность и установления всенародного демократического контроля над ними.

4) В ходе социального развития пролетариат — последний класс, которому предстоит освободить себя; его освобождение повлечет за собой освобождение всего человечества без различия расы и пола.

5) Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих.

6) Так как аппарат всякого капиталистического правительства, включая вооруженные силы народа, служит средством охранения монополии капиталистов на богатства, отнятые у рабочих, то пролетариат должен сознательно организовать в политическую партию для захвата государственной власти, центральной и местной, чтобы правительственный аппарат, включая вооруженные силы, мог быть превращен из орудия подавления в средство освобождения и уничтожения аристократических и плутократических привилегий¹⁾.

7) Всякая политическая партия выражает классовые интересы; поскольку интересы рабочего класса прямо противоположны интересам всех групп господствующих классов, партия, борющаяся за освобождение рабочего класса, должна быть враждебна всякой другой политической партии. Всякий, кто поддерживает церковь или в какой-либо степени принимает религиозные идеи, которые стоят поперек пути семи вышеуказанных основных

¹⁾ Это место было сильно изменено, чтобы предостеречь от поведи вооруженного восстания во что бы то ни стало. Коммунисты всех стран желают мирного перехода от капитализма к коммунизму; но произойдет ли это так или иначе, как предсказывает Ленин, зависит в каждой стране от поведения капиталистов по отношению к своим рабочим. В ответ одному английскому писателю на этот спорный вопрос Ленин сказал: „В Англии или в других странах тактика класса капиталистов определит программу рабочего класса“. [Прим. автора.]

принципов социализма или деятельности партии, доказывает тем самым, что он не придает социализму основного и первостепенного значения; такому не место в партии.

Нельзя быть одновременно социалистом и христианином. Нужно поставить во главе либо социализм, либо религию: стремление сочетать их свидетельствует либо о шарлатанстве, либо о недомыслии. Нет поэтому надобности для вновь вступающих в специальной антирелигиозной декларации. Признание социализма настолько необходимо ведет к исключению всего сверхъестественного, что социалист не имеет нужды именовать себя атеистом, свободомыслящими или, даже, материалистом: правильно понятое слово „социалист“ означает человека, который по всем этим вопросам опирается на положительную науку, объясняющую все явления чисто естественными причинами. Социализм — не только социально-экономическая теория, но и цельное философское мировоззрение.

Пока существует хаос, порождаемый конкуренцией в современном обществе, обусловленные им неустойчивость и запутанность общественной жизни будут поддерживать суеверие. Последнее обстоятельство подтверждается ссылкой Маркса на Соединенные Штаты: „Когда мы видим, что в той самой стране, которая достигла полной политической эмансипации, религия не только существует, но и пользуется большим влиянием, нет надобности в другом доказательстве, нам думается, что существование религии вполне совместимо с полной политической зрелостью государства. Существование религии вытекает из несовершенства социальной организации, причину которого нужно искать в самой сущности государства“.

Классовое господство — сущность современного государства. Оно основано на конкуренции и паразитизме, что является очевидным свидетельством несовершенства социальной организации. Оно предоставляет место для религии, потому что характером своего строя и своими противоречиями поддерживает невежество; религия, как

служанка классового господства, находит опору в государстве.

Однако, рост производительных сил современного общества и рост понимания рабочими истинного характера их отношений к природе и друг к другу ослабляют опутывающие их цепи религии и мистицизма и подрывают значение религии, как политического орудия в руках господствующих классов, подготавливая одновременно материальные и духовные предпосылки планомерно организованного общества.

Последнее ослепительно ясно сформулировано Марксом в I т. „Капитала“ во главе I¹⁾:

„Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным и планомерным контролем. Но для такого общества необходима определенная материальная основа или ряд определенных материальных условий существования, которые, в свою очередь, представляют естественно выросший продукт длинного и мучительного процесса развития“.

Таким образом глубокая истина—положение, что социализм—естественный враг религии. Только при социализме отношения людей к природе и между собой станут разумными, упорядоченными и совершенно ясными, не оставляя ни малейшей щели или уголка для суеверия. Пришествие социализма есть, следовательно, исход религии.

¹⁾ Цитировано по „Капиталу“ в переводе под редакцией Базарова и Степанова. Изд. 1909 г., стр. 45. *Прим. перевод.*

ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилия мы разроем,
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья—
Ни бог, ни царь и ни герой!
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горяче!..

(Пр и п е в).

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты—никогда!
И если гром великий грянет
Над сворбой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей!..

(П р и п е в).

„Все донныне существовавшие виды общественного устройства основывались, как мы видели, на противоположности угнетаемых и угнетающих классов. Но, чтобы угнетать известный класс, — нужно создать условия, среди которых он мог бы, по крайней мере, поддерживать свое подневольное существование. Под гнетом лежавшего на нем ига крепостной возвысился, однако, до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы возвышаться вместе с прогрессом промышленности, все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Работник становится нищим, и нищета развивается еще быстрее, чем население и богатство. Все более делается очевидным, что буржуазия не способна оставаться господствующим классом и возводить условия своего существования в норму, регулирующую весь общественный строй. Она неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабского существования, потому что она вынуждена была довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может более жить под ее властью; другими словами — жизнь буржуазии несовместима более с жизнью общества“.

Маркс и Энгельс ¹⁾:

¹⁾ Цитировано по „Коммунистическому Манифесту“ изд. „Буревестник“ 1905 г., перевод Плеханова, стр. 11—12. *Пр. перев.*

Приди и помоги нам; покинь
христианский социализм для
коммунизма.

КОММУНИЗМ и ХРИСТИАНСТВО

ИССЛЕДОВАНИЕ и ПРОТИВО-
ПОСТАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

Часть I

КОММУНИЗМ — естественно - научное
земное евангелие для грядущих веков
бесклассового равенства и экономиче-
ской свободы.

Открытое письмо брату епископу и
товарищу — христианскому социалисту.

ПРОЛОГ ¹⁾.

ИДЕЯ божества, как средства для объяснения мира, становится совершенно неприемлемой в наш век научного исследования. Законы сохранения энергии и материи, как и бесконечное сцепление причин и следствий, делают попытку приписать происхождение вещей человекоподобному богу, не имеющему начала, такой же несерьезной, как представление восточной мифологии, утверждающей, что мир покоится на слоне и, как добавление к этому, что слон стоит на черепахе. Непреложные законы известного нам мира не могут, с точки зрения здравого смысла, потерять свою силу там, где для нас невозможно непосредственное наблюдение, и тем открыть дорогу ненаучному представлению о не имеющем начала и причины творце. Идея творения опровергается очевидностью и резко противоречит научным законам.

Социализм совместим только с тем монистическим мировоззрением, которое рассматривает все явления как выражение реально существующего объективного мира материи и энергии и как части единой природы, действующей согласно непреложным законам. Социализм является применением науки, величайшего врага религии, к социальным отношениям людей. Поскольку основной принцип философии социализма оказывается враждебным религии, точно так же, выступая как общественное движение, он находит религию в числе своих врагов.

¹⁾ Из неофициального манифеста Социалистической Партии Великобритании, показывающего существующий антагонизм между коммунизмом и религией.

Прим. автора.

Коммунизм—естественно-научное, земное евангелие для грядущих веков бесклас- сового равенства и экономической сво- боды.

Чтобы подготовить мир к коммунистическому, бесклассовому строю, нужно перевернуть его вверх дном, поставив рабочих вверх, а собственников вниз, поставить привилегированных перед выбором: стать паразитами и погибнуть или взяться за труд и жить.

Мой дорогой брат и товарищ!

Ваше письмо от 13-го июня ¹⁾, относительно назначенной на 27-ое конференции с целью усилить радикальное течение в социалистическом движении в нашей церкви, мною было своевременно получено; я был весьма польщен содержащимся в нем приглашением присутствовать на этой конференции или, по крайней мере, написать вам. Боюсь, что для меня возможность личного участия уже прошла. Я не чувствовал себя в силах поехать даже на ежегодный конгресс социалистической партии штата Огио, хотя последний происходил гораздо ближе, того же 27-го июня, и закончился 29-го большим пикником — товарищеским собеседованием, столь же действительным и священным, как и любое религиозное общение.

Я даже не уверен, что буду с вами в епископском дворце во время заседания генерального собора в октябре.

¹⁾ Это письмо было написано в июле 1919 г. и напечатано в сентябре 1920 г. В течение этого промежутка времени некоторые из приведенных в нем аргументов и мыслей были развиты шире, поэтому некоторые из добавлений несут отпечаток более позднего времени.

Прим. автора.

Однако, я намерен был написать вам письмо и 26-го принялся за него, но я работаю сейчас медленно, и пока я делал с этой целью набросок, у меня остался в распоряжении только один час. Я использовал его для попытки изложить в телеграмме в сжатом виде все, что я хотел сказать в письме. В этот же день, в 7 час. пополудни, я передал по телеграфу то, что считаю наилучшим результатом своих усилий: подготовьте мир для экономической свободы, изгнав богов с небес и капиталистов с земли. Вот некоторые из многих, необходимых для этого, усилий: 1) Придите и помогите нам. Покиньте христианский социализм ради коммунизма. 2) Подготовьте мир для экономической свободы, перевернув его вверх дном, поставив рабочих вверху, а собственников внизу. 3) Изгоните революционным путем капитализм из государства и официальную веру из церкви. 4) Придите и помогите нам. Покиньте реформизм ради революционного социализма.

Я хотел, чтобы вы поняли мою точку зрения: мир не может избавиться от подавляющих его бедствий, пока в религии царит вера в провидение, а в политике—капитализм.

I.

Религия и политика—две половины единого шара, в котором человечество существует, движется и живет общественной жизнью. Религия—идеологическая, а политика—практическая половина этого шара. Обе половины существуют как естественное следствие одного и того же закона естественной необходимости, того закона природы, который делает для человека необходимым питаться, одеваться и укрывать свое тело, чтобы сохранить свою жизнь.

Марксизм одновременно—и религия и политика, все, что в них служит для блага мира, как целого,—в нем есть.

Научный социализм—революционное движение, ставящее своей целью уничтожение современной, основанной

на конкуренции системы производства и распределения основных жизненных благ (пищи, одежды, жилища) в интересах немногих паразитов и ее замену системой производства и распределения на благо всех трудящихся.

Основанные на конкуренции, обмане, грабеже и порабощении системы производства и распределения этих благ были фундаментом всякой религии и всякой политики; особенно же это верно по отношению к христианству и американской политике: взвешенные на опыте, они все оказались в высшей степени непригодными. И, действительно, они превращают всю землю, а нашу страну, в частности, в ад.

Христианство, как религия, обанкротилось. Оно обещало принести на землю мир и доброе согласие, но, в действительности, никогда не было больше раздоров и ненависти. Ужасающая англо-немецкая (или, если угодно, немецко-английская) война была вооруженным конфликтом самых крупных христианских народов, провозгласивших, что война ведется во имя высокой цели окончательного прекращения подобных конфликтов, на деле же она расбросала пылающие уголья войны по всему миру. Одни из них были раздуты в яркое пламя так называемыми мирными конференциями, другие же зловеще тлеют под пеплом.

Американская государственность обанкротилась. Она сулила бесклассовое народное правительство, избранное всем народом, правящее в интересах всего народа, но вместо этого она дала классовое правительство, избранное одним классом, правящее в интересах того же класса. Это—класс капиталистов, собственников средств производства и обмена, составляющий не более $\frac{1}{10}$ всего населения; не являясь необходимым ни в производстве, ни в обмене, он извлекает и из производства, и из обмена прибыль за счет многочисленного класса рабочих, своим трудом создающих все средства производства и жизненные блага—класса, который составляет, по меньшей мере, $\frac{9}{10}$ населения.

Наше правительство обязалось обеспечить демократию путем свободы слова, собраний, установлением незави-

симой печати и права апелляции против всех несправедливостей, но уже наши отцы не пользовались в большой мере этой свободой, у нас ее еще меньше, а наши дети не будут пользоваться никакой свободой, если основанная на конкуренции система производства и распределения жизненных благ в интересах немногочисленного класса собственников будет существовать и впредь.

И действительно, это несомненно верно по отношению к подавляющему большинству нации — рабочему классу. Его представители играют ничтожную роль в правительстве. Они почти всецело подчинены власти господствующего класса. Никогда еще не было более уничтожающего тело, ум, душу рабства, как по количеству захваченных им жертв, так и по степени нищеты, на которую они обречены.

Но это не все еще. Мировая война скорее усугубила это рабство.

Американские рабы вызывают к своему правительству, как некогда зывали иудейские рабы к одному из своих царей с просьбой о помощи и получают от него тот же ответ, не словами, а делами, еще громче вопиющими:

„Твой отец наложил на нас тяжкое бремя, облегчи нам теперь тяжкое бремя, которое возложил на нас твой отец, и мы будем тебе служить. И он ответил им: уйдите и вернитесь ко мне через три дня. И народ ушел. На третий день, как царь приказал, народ вернулся, и царь сурово сказал им: мой отец наложил на вас тяжкое бремя, а я его отягощу. Мой отец наказывал вас бичами, а я накажу вас скорпионами. И когда Израиль увидел, что царь не внял их мольбам, народ ответил царю: нет у нас общего с домом Давида“.

История не повторяется во всех своих деталях, а потому я не думаю, чтобы на других планетах (а их, несомненно, биллионы) жили такие же люди, как на земле; не думаю также, чтобы мужчины, женщины и дети на земле возрождались после смерти. Существование людей на других планетах, как и возрождение людей после смерти на земле, означало бы повторение в мельчайших

подробностях бесчисленных процессов эволюции, совершающихся в вечности.

Но повсюду в мире и во все времена одинаковые причины вызывали и будут вызывать всегда одинаковые последствия. Поэтому, если поведение иудейских правителей по отношению к своим рабам привело к победоносному восстанию десяти племен из двенадцати, есть полное основание полагать, что подобное же поведение американских правителей рано или поздно приведет к революции.

Эта революция сметет и господ и рабов, установит бесклассовую Америку и новое правительство; оно, нужно полагать, займется исключительно изготовлением средств существования, чтобы обеспечить всех, кто может и желает работать, в изобилии необходимыми жизненными благами и предметами комфорта, а не такое, которое обеспечивает бездельников сливками жизненных благ и полной чашей изобилия, предоставляя действительным производителям снятое молоко.

При новом правительстве тем, кто может, но не желает работать, будет предоставлено право жить впроголодь, пока они не образумятся и не откажутся от своей лени. Дети и старики, больные и инвалиды будут пользоваться правом получать от государства все необходимое для их существования и комфорта.

Освобождение мира от империализма и установление социалистической демократии предотвратят большинство ненужных страданий. Осуществление этой великой задачи стоит на первом плане и зависит от знания истины: „Познайте истину, и она освободит вас“ — освободит от всех устранимых жизненных невзгод, в том числе от дьявольской тройцы: войны, нищеты и рабства.

Осуществление счастья на земле будет ускорено распространением среди людей двух истин:

1) открытого Марксом материалистического понимания истории, указывающего нам путь к освобождению от капиталистической политики грабежа и насилия,

2) открытого Дарвином объяснения природы, указывающего нам путь к освобождению от оков спиритуалистической религии, опоры грабежа и насилия.

Система производства и распределения жизненных благ всегда являлась основой сознания, веры и действий людей. Это открытие Маркса известно под названием научного или материалистического понимания истории.

Согласно материалистическому пониманию истории, основной идее научного социализма, средства, которыми человек добывает себе пищу, одежду и жилище, определяют как его самого, так и созданные им учреждения.

Согласно традиционному объяснению истории, которому учит христианство, откровение, данное богом и переданное нам его вдохновенными представителями на земле, великими пророками и государственными людьми, как Исаия, Лютер, Моисей и Вашингтон, определяет сознание, веру и действия людей.

Наилучшее, быть-может, доказательство правильности научного объяснения человеческого развития и неправильности традиционного или религиозного дает нам история нравственности, центральной оси как религии, так и политики, без которой немыслимо их существование.

Раньше открытия земледелия человек всецело зависел в своем существовании от плодов, корней, дичи и рыбы. Когда эти источники существования иссякали, племена, жившие по соседству, вступали в войну друг с другом, и победитель съедал побежденного. В течение этого времени людоедство получало свое моральное оправдание, и оно, вероятно, продолжалось, по меньшей мере, двести тысяч лет вплоть до эпохи Ветхого Завета. Насколько это считалось допустимым и священным, показывает то обстоятельство, что жертвы рассматривались как боги-искупители, и вкушение их плоти и крови символизировало трапезу, в которой вкушали бога.

Людоедство лежит в основе нашего таинства причащения хлебом и вином. Промежуточным звеном между людоедством и причащением, этими крайними звеньями цепи, было употребление в пищу жертвенных животных. Таинством, имеющим такое происхождение, вы и я совершаем наш высший акт веры; вы при этом все еще обращаетесь к одному из спиритуалистических божеств, я же теперь—к человечеству. Вы говорите о боге: „Гос-

поди, ты создал меня по своему образу и подобию, и сердце мое не может успокоиться, пока я не упокоюсь в тебе". Я говорю о человечестве: "Господи, ты создал меня по своему образу и подобию, и сердце мое не может успокоиться, пока оно не упокоится в тебе". В человеческом обществе человечество — мое новое божество, ваше же божество (мое старое) — его символ или иначе, как я полагаю, в лучшем случае — фикция, в худшем — суеверие. Вы будете поражены, и я даже не думаю, чтобы вы меня поняли, если я вам скажу, что испытываю такое же, если не больше, благотворное влияние, переводя службу и песнопения с языка прежней буквальной веры на мой символический язык. Я люблю церковную службу, особенно величайшую из них, святое причастие и песнопения, особенно важнейшие из них, в роде: "Руководи мною, о ты, великий Боже", "Веди, нежный свет", "Будь со мной, Иисус, любовь души моей".

Мой опыт убедил меня в том, что элементы чувства и поэзии в религии, которым попрежнему я приписываю большое значение, так же легко возбуждаются и поддерживаются мыслью и симпатией, сосредоточенными на человеческом мученике — рабочем классе, как и на распятом божьим спасителе, который ведь, в конце концов, как страждущий сын божий, является лишь символом страждущих сынов и дочерей человеческих, создающих все блага рабочих.

Обеденная молитва не что иное, как обращение к богу, который является символом рабочего класса, создавшего бесчисленные блага, необходимые для производства и потребления, без чего невозможно было бы пользоваться благами стола.

Говоря об удовольствии, которое доставляет мне церковная служба, и о ценности ее для меня и высказывая вам в этом письме многие другие мысли, я все время помню и о вопросе, который вы задали мне в одном из своих писем от 25 февраля 1919 года. Вы спрашивали в нем, каким образом человек, отрекшийся от основного учения и целей так, как они официально излагаются церковью, может оставаться в ее лоне?

Я оправдываю свое поведение правом на революцию, которого, конечно, не может отрицать ни один последовательный протестант или американский гражданин; ведь и протестантство, и американская гражданственность основаны на революции. Наша национальная декларация независимости содержит знаменитое оправдание политических революций, одинаково применимое к религиозным: религия и политика—идеальная и практическая половина единой социальной действительности. Для нас очевидна истина, что люди рождаются равными; что им присвоены создателем определенные, неотчуждаемые права; среди них—право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Именно, для защиты этих естественных прав и учреждена государственная власть, источником полномочий которой является согласие управляемых; и если какая-нибудь форма государственной власти противоречит этим целям, народ в праве изменить или свергнуть ее и установить новую форму власти, принципы и организация которой способны, по его мнению, обеспечить безопасность и счастье граждан. Благоразумие требует, однако, чтобы пустячные причины не были поводом к свержению правительства, и, действительно, исторический опыт свидетельствует, что человечество более склонно терпеть, пока бедствия не стали невыносимыми, чем осуществлять свое право, изменяя привычные формы власти. Но когда целый ряд злоупотреблений и насилий, преследующих одну и ту же цель, ясно обнаруживает стремление подвергнуть граждан режиму деспотизма, их право — и это их обязанность — свергнуть такую власть и поставить новых хранителей своей безопасности.

Иисус был таким революционером. Как бы то ни было, церковь официально изображает предполагаемую мать Христа верящей в его предопределение и вкладывает ей в уста следующий псалом:

„Он показал силу своей длани, он сокрушил гордеца в сердце его, он унизил сильного, он возвысил униженного и слабого, он накормил голодного и отослал богача с пустыми руками“.

Христианский социализм, как и большевизм, выбрасывает вон богатых бездельников; но в то время, как христианство лишает их всех средств существования, большевики предоставляют им столько же, сколько и беднякам, при условии, что они также будут работать.

Допуская для доказательства, что Христос существовал, как историческая личность, и проповедывал те доктрины, которые в Евангелии приписываются ему, я тем не менее считаю правильным утверждение, что он являлся еретиком по отношению к правоверному иудаизму в такой же степени, в какой и я выступаю еретиком к правоверному христианству.

По отношению к еврейской вере он сказал о себе то же, что и я говорю о себе: „Во мне самом заложены все возможности. Я и мой бог едины суть; бог обитает во мне, и я в нем, и мы на земле, а не на небе“.

О еврейской церкви и государстве Христос учил, что они чрезвычайно устарели, и что назначение его и его учеников в том, чтобы установить новое небо, т.-е. преобразовать церковь, и новую землю, т.-е. преобразовать государство.

Оба преобразования ставили своей целью служение человечеству, просвещая его и обличая его бедствия тут, на земле, но вовсе не учили искать света и счастья где-нибудь и когда-нибудь в будущем ¹⁾).

Нет основания думать, что он относился бы мягче к официальной христианской вере и церкви, чем я. Он был предан истине и трудящимся, тогда как и вера и церковь, поддерживая всегда религиозные традиции против науки и собственников против тружеников, изменили им.

Иисус оставался до самой смерти в еврейской церкви, несмотря на свои многочисленные и серьезные ереси. Имея перед собой такой пример, безразлично, считать ли

¹⁾ Согласно научным данным библейской критики существует несколько Христов, о которых повествует новый завет: 1) естественный, земной, миролюбивый, человеколюбивый Христос и 2) сверхъестественный, потусторонний, воинственный, божественный Иисус правоверного христианства.

Прим. автора.

его, подобно вам, историческим, или же, как я полагаю, драматическим, я не вижу никаких оснований добровольно уходить из христианской церкви.

Религия, вообще, а христианство в частности, не что иное, как воплощение морали; мораль же вовсе не состоит в признании веры и бога и его откровения, как это передано в библии и резюмировано в катехизисе, но в желании и стремлении приобрести знание законов природы с тем, чтобы соответственно им сделать жизнь продолжительнее и счастливее.

Когда такое желание и усилие делаются по отношению к самому себе, то это мораль; когда же они имеют место по отношению к семье и окружающим, то это религия; распространенные же на всех современников и будущие поколения, они образуют христианство.

Но, делая такие различия, мы не должны упустить из виду, что, по существу, нет разницы между моралью, религией и христианством. Это—синонимы для тех же добродетелей, желания и стремления знать и жить по правде, как она раскрывается нам в действиях природы; нет никакого другого откровения истины, никакой другой морали, религии или христианства.

Социализм для меня не что иное, как понятное обозначение—синоним морали, религии и христианства. Марксизм и большевизм—две половины одного целого, теоретическая и практическая. Марксизм—теоретический социализм, большевизм (быть-может, еще несовершенный теперь)—практический социализм. Доколе боги господствуют на небе, а капиталисты на земле, нет опасности для империализма предоставляющего уголок в раю ногим богачам и обширный ад многим бедным рабам.

Приди к нам и помоги нам очистить мир для трудящейся демократии, изгнавши личных, обладающих сознанием, богов с небес, а лживых капиталистов с земли“.

Но для этого нет никакой надобности покинуть церковь или оставить государство.

В течение того короткого времени, что мне остается прожить, я останусь как в церкви, так и в государстве; поскольку позволят мне мои силы, я сделаю все, что

смогу, чтобы революционизировать их, т.е. превратить церковь в школу для обучения истине вместо лжи, а государство — в общество, работающее в интересах всех, а не в интересах немногих. Поступая так, я буду шествовать по стопам человеческого Иисуса.

После того, как люди узнали, что обработанная почва производит жизненные блага, всякий раз, как умножающемуся племени оказывалось тесно на своей земле, оно шло войной против слабейшего из соседних племен для захвата его территории. С этого момента побежденных перестали с'едать, и людоедство стало рассматриваться как порок. Их оставляли в живых и заставляли работать на своих победителей.

Так возникло рабство и вместе с ним его нравственное оправдание, даже в странах свободных граждан, как, напр., в Америке еще при поколении, предшествовавшем тому, к которому я принадлежу.

Тем не менее рабство не прекратилось и не прекратится, пока существует капиталистический способ производства, основанный на конкуренции, и ставящий себе целью прибыль, а не удовлетворение общественных нужд. Рабство, так сказать, сущность такого способа производства. Говоря вообще, человеческая история знает три формы рабства — личное рабство, феодальную зависимость и наемный труд — наиболее тяжелую форму его. Личное рабство, как показывает самое слово, означало, что раб был собственностью своего господина в такой же степени, как лошадь и мул, при помощи которых он работал, и о нем заботились в такой же степени и по тем же побуждениям, как и о домашних животных.

Крепостной раб был в действительности таким же рабом, как его предшественник; он должен был только заботиться о себе в большей мере. От него, впрочем, требовалось больше специальных познаний, необходимых для обогащения и прославления своего господина, в особенности потому, что богатство и слава его зависели от успешности ведомых войн.

Наемный раб является в такой же степени собственностью своего господина, как и крепостной или личный

раб. Однако, когда хозяин не нуждается в услугах первого, он его выбрасывает вон, чего он не делал с крепостным и еще менее с личным рабом, хотя первый выполняет работу в пользу своего господина в 10 раз большую, нежели каждый из его исторических предшественников. Таким-то образом люди производили и распределяли жизненные блага при системе, основанной на конкуренции. Существующая ныне форма такой конкуренции известна под именем капитализма. Капитализм вытеснил или превзошел, по крайней мере, все другие формы производства и господствует, так сказать, над всеми пережитками прежних форм.

Установившаяся ныне система разделяет мир на две части: меньшинство — собственников, живущих в изобилии, и большинство — живущее впроголодь, своим трудом. Все богатства для обеих частей создаются рабочим и никоим образом собственником.

Более того, пользуясь классической иллюстрацией, можно сказать, что рабочий нужен собственнику, как собака нужна блохе, но собственник так же мало нужен рабочему, как блоха — собаке. Как собака жила бы значительно лучше без блох, так и рабочие обошлись бы без хозяев. Открытие паразита чесотки является характерным для целой эпохи, так как оно привело к открытию, что многие, если не большинство, болезни, от которых страдает человеческий род, происходят от паразитов. Это также приложимо к обществу, как и к физическому организму. Капитализм — солитер современного общества.

Существование класса господ и класса рабов неизбежно вызывает четыре формы борьбы: 1) борьбу рабов против господ за лучшие условия жизни, переходящую в мятеж; 2) борьбу господ между собой за преимущества на рынках, кончающуюся войнами; 3) борьбу между рабами из-за работы — результатом которой является физическая и духовная нищета; 4) борьбу рабов против господ за уничтожение этих условий, приводящую к революциям.

Эта борьба между классами и внутри их приводит к двум результатам для обоих классов. В отношении

господствующего класса она ведет к уменьшению количества богачей и к возрастанию их богатства.

В отношении угнетенного класса результатом этой борьбы является увеличение количества наемных рабов, что ведет к еще большему ухудшению их положения.

Пока существует капитализм, всякие разговоры о мире на земле и доброжелательстве в отношениях между людьми,—сплошное лицемерие, так как до его падения мир будет разделен на господствующий и угнетенный классы, и эти четыре формы борьбы с их результатами будут продолжать наполнять мир ненавистью и борьбой.

II.

Свержение капитализма в России—величайшее событие в мировой истории, которое превратило интернациональный социализм марксистского революционного направления из теории в факт.

Теория проходит, а факты остаются и побуждают к действию. Отныне революционный социализм будет действовать и денно и ночью, со всей силой, тут и там, в любое время и в любом месте, и перед ним будут стоять три исполинские задачи: 1) свергнуть империализм, основанный на конкуренции, 2) установить великую демократию, основанную на взаимопомощи в промышленности, и 3) подготовить мир для бесклассовой демократии.

В продолжение менее трех лет ¹⁾ революционный социализм в России сделал больше для осуществления этих трех задач, чем все государства и все церкви со всеми своими войнами сделали в течение всей человеческой истории в продолжение двухсот тысяч лет. Правда, ни церковь, ни государство не работали в этом направлении; напротив того, достигнутый прогресс совершен вопреки их упорному сопротивлению на каждом шагу.

¹⁾ Книга написана в 1920 г. *Прим. перевод.*

Революционный социализм—мировое движение, направленное к освобождению поработанного производителя от паразита хозяина, укравшего у него плоды его труда и оставившего его полумертвым на дороге,—единственное действительное движение, ведущее к этой цели.

Революционный социализм, или коммунизм,—добрый самаритянин для ограбленного и раненого рабочего. Реформистские направления в социализме—те многие священнослужители, которые проходят мимо него. Из всех реформистских направлений в социализме это особенно верно для христианского социализма. Христианский социализм абсолютно негоден, и его характер вполне соответствует паразитической сущности спиритуалистического или правого христианства.

До реформации в христианстве господствовали монахи-паразиты, жившие нищенством, обманом и преследованием; со времени реформации—в нем господствуют капиталисты-паразиты, живущие грабежом, ложью и войнами. Монахи и капиталисты имеют между собой то общее, что они являются одинаково уроженцами царства паразитизма.

Мы никогда не будем иметь мира на земле и доброго согласия между людьми, пока не исчезнут паразиты в обществе, а этого мы дождемся только тогда, когда оно будет бесклассовым. Паразитизм—попутчик классового общества.

Никогда земля не освободится от паразитов, пока небо не будет освобождено от классовых богов, которых создали капиталисты по своему образу и подобию, и пока земля не освободится от классовых государств и законов, церквей и евангелий, с королями, президентами, священниками или проповедниками, навязавшими миру своих богов в соответствии с своими интересами и для увековечения своей системы обмана, грабежа и войн.

И капитализм, и христианство—не что иное, как система паразитизма, и, как таковые, они имеют поразительные сходства, словно перазлучные близнецы.

Они имеют богов, церкви и институт священников, которые есть не более как символы,

Однако, символический бог капитализма,—настоящий золотой телец под подлинным небосклоном, и почти весь мир преклоняется перед ним. Не менее символический бог христианства, скорее, наоборот,—нереальный, воображаемый дух, обожествленный человек без тела над воображаемым небосклоном, и лишь незначительная часть людей искренно поклоняется ему.

Интернациональный социализм марксистского или русского направления зажигает энтузиазмом всех, кто впроголодь живет своим трудом, и смертельно угнетает тех, кто обильно живет своей собственностью.

Умные люди не особенно ломают голову, размышляя над теорией, но зато изучают реальную действительность, глубоко вдумываясь в нее.

Миллионы благоразумных американцев изучали до сих пор социализм как теорию, в будущем же они будут его изучать как факт, единственным путем, которым он может быть изучен точно—путем чтения его официальных документов, засвидетельствованных периодическими изданиями и книгами. Наиболее важным документом социализма является „Коммунистический Манифест“ Маркса и Энгельса.

Этот манифест—евангелие марксизма. Я прочитываю две страницы его ежедневно с таким же постоянством, как я когда-то читал главу из евангелия Иисуса, и с большей для себя пользой, ибо в то время, как евангелие Маркса интересуется исключительно земным миром, относительно которого я знаю много и для которого я могу кое-что сделать, евангелие Иисуса интересуется исключительно небесным миром, относительно которого я ничего не знаю и для которого я ничего не могу сделать. Как образец этого евангелия, я приведу половину прочитанного мною вчера и большую часть прочитанного сегодня:

„Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий—организация пролетариата в класс, низвержение господства буржуазии, завоевание политической власти пролетариатом,

„Теоретические положения коммунистов не основываются вовсе на идеях, на принципах, изобретенных или открытых тем или другим исцелителем мира.

„Они являются лишь общим выражением действительных условий существующей классовой борьбы, совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение существовавших до сих пор имущественных отношений не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

„Все имущественные отношения были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

„Так, например, французская революция отменила феодальную собственность в пользу буржуазной.

„Для коммунизма является характерным не уничтожение собственности вообще, а уничтожение буржуазной собственности.

„Но современная буржуазная частная собственность является последним и самым полным выражением производства и присвоения продуктов, опирающегося на классовые противоречия, на эксплуатацию одних другими.

„В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

„Нам, коммунистам, делали упрек, будто мы хотим уничтожить лично приобретенную, добытую своим трудом собственность,—собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

„Заработанная, приобретенная, лично заслуженная собственность! Говорите ли вы о мелко-мещанской, о мелко-крестьянской собственности, предшествовавшей собственности буржуазной? Нам нет надобности уничтожать ее, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает ежедневно.

„Или, быть-может, вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

„Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? Нет. Он создает капитал, т.-е. соб-

ственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, могущую увеличиваться лишь при условии, что она создает новый наемный труд, чтобы снова эксплуатировать его. Собственность в ее современной форме обращается в пределах противоположности между капиталом и наемным трудом. Присмотримся же к обоим сторонам этой противоположности.

„Быть капиталистом, значит, занимать не только личное, но и общественное положение в производстве. Капитал представляет общественный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, пожалуй даже, в конечном счете, всех членов общества.

„Итак, капитал—общественная, а не личная сила.

„Следовательно, если капитал будет превращен в общую, всем членам общества принадлежащую собственность, то при этом не произойдет превращения личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Он утратит свои классовые черты.

„Перейдем к наемному труду.

„Средняя цена наемного труда представляет минимум заработной платы, т.е. сумму средств потребления, необходимых для того, чтобы поддержать существование рабочего, как рабочего. Следовательно, того, что наемный рабочий присваивает своею деятельностью, хватает лишь для поддержания его голого существования. Мы вовсе не намерены уничтожать это личное присвоение продуктов труда в целях поддержания непосредственной жизни, присвоение, не оставляющее чистого дохода, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим только уничтожить жалкий характер этого присвоения, при котором рабочий живет лишь постольку, поскольку это требуется интересами господствующего класса.

„В буржуазном обществе живой труд является лишь средством увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд является лишь средством расширить, обогатить, облегчить жизненный процесс рабочих.

„В буржуазном обществе, следовательно, прошедшее господствует над настоящим, в коммунистическом обществе—настоящее над прошедшим. В буржуазном обществе капитал самостоятелен и индивидуален, в то время, как трудящийся индивидуум не самостоятелен и безличен.

„И уничтожение подобного отношения буржуазия называет уничтожением личности и свободы! И она права! Речь идет бесспорно об уничтожении буржуазной личности, самостоятельности и свободы“.

В „Коммунистическом Манифесте“ мы имеем одно из первых изложений марксистского евангелия. Он был опубликован в середине прошлого столетия. За короткий промежуток времени, прошедший с тех пор, он изменил почти все идеи большой и все растущей части каждой нации по всем вопросам социальной жизни. До середины нашего века он революционизирует все народы вслед за Россией.

Людендорф, величайший из военных авторитетов Германии, видел и опасался этого, почему и призывал Европу к борьбе против угрожающей опасности. В своем пламенном воззвании он говорит:

„Большевизм наступает сейчас с востока на запад, уничтожая на своем пути все между Средиземным морем и Атлантическим океаном. Легко было предвидеть, что большевистские армии атакуют поляков в середине мая и разобьют их, как это и произошло. Весь мир должен поэтому считаться с большевистским наступлением в Польше в направлении Берлина и Праги. Падение Польши повлечет за собою падение Германии и Чехо-Словакии. За ними последуют северные и южные соседи. Эта участь надвигается со стихийной силой. Пусть никто не думает, что буря не коснется Италии, Франции и Англии. Даже семеро морей не остановят ее“.

При капиталистическом хозяйстве большинство людей—рабы и продолжают быть таковыми. Если ты раб

¹⁾ Из „Коммунистического Манифеста“ (перевод П. Орловского), изд. 1917 г., стр. 52—54.

Прим. перевод.

(а все люди, занятые наемным трудом,—рабы), социалистическая литература, величайшая из всех, воспламенит тебя надеждой свободы. Читай, вдумывайся, усваивай ее. Ни один наемный рабочий, поступающий так, не станет голосовать за демократический или республиканский ярлык. В целом эта литература блестяще просвещает и дает с неопровержимой силой убедительное объяснение самого здорового, благотворного и многообещающего движения за освобождение всех трудящихся, без различия пола и возраста ($\frac{9}{10}$ всего человечества) от разрушающего тело и иссушающего душу рабства.

Сократ и Иисус, как говорят, объявили спасителем мира истину. Между раскрепощающими человека истинами (нет истины, которая не вела бы к освобождению человека), наивеличайшая открыта и совместно формулирована Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Сущность ее сводится к следующему.

Все, что служит для блага человеческого, зависит в конечном счете от трудолюбия строителей и работников, создающих средства производства и обмена всего необходимого для жизни, но вовсе не от собственников этих машин, являющихся в лучшем случае бездельниками, в худшем эксплуататорами и уже безусловно паразитами.

„В начале был труд. Все создано им; без него ничто не может существовать. В нем жизнь; жизнь—свет для людей“. Так объясняются начальные стихи в евангелии от Иоанна.

Комментатор утверждает, что они не читаются так теперь, но уверяет, и не безосновательно, что если когда-либо в них заключалась истина, то только в таком первоначальном тексте. В том же виде, в каком они дошли до нас, в них нет истины. Представление о производительном труде, как о спасителе мира, в котором мы живем и движемся,—великая истина евангелия международного социализма, величайшего из всех движений, несущего единственную реальную надежду на освобождение человечества от всех ненужных и мучительных страданий, причиняемых великой троицей зла: войной, нищетой и рабством.

Капитализм и христианство сходны не только тем, что имеют символических богов, но имеют и специально устроенные большие здания для поклонения им.

Представители бога, царящего под небесным сводом, поклоняются ему в банках под руководством тройного священства: директоров, кассиров и бухгалтеров.

Представители бога, правящего над небесным сводом, поклоняются ему в церквах под руководством тройного священства: епископов, попов и дьяконов.

Говоря, в частности, о христианстве и Америке, нас вовсе не интересуют божество Иисуса и боги дяди Сама, но символизируемый ими капитализм, бог обманщиков, грабителей и жандармов.

Иисус и дядя Сам должны были символизировать бесклассовые божества: 1) закон—господин физического мира и 2) истину—госпожу морального мира. Явления природы—закон; не существует никакого другого закона. Этот закон—бог физического мира. Боги спиритуалистической религии (Иисус, Иегова, Аллах, Будда и проч.) либо—олицетворение символа этого же бога, либо—суеверие.

Правильность этого представления доказана на практике тем фактом, что, с одной стороны, никому нет необходимости быть в каких-либо отношениях к одному из этих богов, хотя бы даже к Иисусу; с другой стороны, никто не мог бы жить, нарушая свои отношения к богу—закону природы.

Каждое явление природы, то-есть, любой, физический или психический феномен мира,—откровение этого бога. Другого откровения нет. Все должны постоянно жить, соглашаясь с природой, иначе им грозит немедленная смерть.

Истина—объяснение этого закона при свете человеческого опыта, разума и исследования в целях улучшения человеческого существования, как своего собственного, так и всех тех, которые находятся с нами в связи.

Тот, кто искренно стремится познать закон и жить согласно с ним в этих целях,—нравственен. Такой человек во всем добродетелен.

Религия лишь постольку хороша, поскольку она синоним такой морали, и это одинаково справедливо по отношению к политике.

Война уносит много жизней, многих делает несчастными, следовательно, она в высшей степени безнравственна, это одинаково правильно по отношению к бедности и рабству.

То, что я говорю о войне здесь и в некоторых других местах, на которую я смотрю, как на особенное зло, относится к тем войнам, которые во все времена раздирали мир—к войнам между различными группами собственников с противоречивыми интересами, а не к войне между собственниками и рабочими, которая происходит теперь. Эта война—священная война, потому что она ведется за освобождение класса рабов, а не за обогащение одной группы господ за счет другой, что увеличивает нищету рабов, подвластных обоим группам.

Если есть доля правды в представлении, что настоящая религия и настоящая политика одинаково заключаются в желании и стремлении сделать земную жизнь (нет небесной жизни, насколько известно) продолжительной и счастливой, голосующие за войну—самые отъявленные еретики по отношению к христианству и злейшие предатели по отношению к Америке.

Война—неизбежная, отличительная черта растений и животных, потому что они не могут производить машины для удовлетворения своих нужд.

Мир—неизбежный признак человечества, потому что оно может производить и пользоваться машинами для своих надобностей.

Война между капиталистами неизбежна так же, как между двумя голодными собаками, когда у одной имеется кость, от которой зависит жизнь обоих. Единственная разница между капиталистами и собаками заключается в том, что собаки сами дерутся в то время, как капиталисты сначала ограбят рабочих, которые производят материальные блага для них же, а затем убеждают или принуждают их воевать за своих хозяев, конкурирующих с другими за распределение награбленного.

С одной стороны, справедливо утверждение, что лишь немногие капиталисты теряют деньги в войне, а еще реже теряют свою жизнь, но, с другой стороны, также справедливо и то, что большая часть их стала богаче благодаря войне, а что рабочие производители выносят на своих плечах каждую копейку огромного финансового бремени; на каждого фабриканта убитого или раненого приходится сотня наемных рабов, погибших на войне.

Однако, не изготовление машин и не работа при машине делают работника человеком. Таковым его делает сотрудничество. Но сотрудничество само по себе недостаточно. Пчелы, муравьи тоже работают совместно, равно как и капиталисты, однако сотрудничающие муравьи и пчелы продолжают оставаться животными так же, как и капиталисты.

Сотрудничество, установленное и поддерживаемое в целях обеспечения каждого плодами его труда, тем самым повышая общее благосостояние,—это сотрудничество заключается в сознательной жизни и взаимопомощи; оно-то и превращает животное в человека. В таком сотрудничестве заключается наиболее существенная разница между животным и человеком. Лишь для животных борьба за существование основа их жизни и прогресса.

Люди, основывающие свою жизнь на том же принципе, не в праве именовать себя людьми.

Пока человечество не перешло к цивилизации, основанной на сотрудничестве в производстве и распределении жизненных благ, не может быть речи о человечности, так как такое требование было бы невыполнимо.

Естественно и необходимо собакам иметь воинственные наклонности для добывания костей, потому что они не могут мирно сотрудничать для их производства, а люди, которые могут это сделать, гораздо более свирепы в своей борьбе за кости, которые являются необходимостью для их существования.

Революционные социалисты-марксистского, или большевистского, толка предлагают единственное разрешение обоих великих вопросов мира в настоящее время:

1) как спасти мир от периодического и меньшего ада страданий, причиняемых кровавыми войнами между соперничающими шайками капиталистов и 2) как спасти его от постоянного и большего ада страданий, создаваемого бескровными войнами между собственниками орудий производства и промышленными рабами—войнами, если и менее мучительными, то более разрушающими и жизнь и счастье людей.

I. Что касается кровавых войн, то Лига Наций могла бы помешать им только в то время, когда собаки еще спят в изнеможении.

Однако, капиталистическое правительство не могло бы положиться на ее защиту. Оно стало бы увеличивать армию и флот. Не прошло бы более одного-двух десятилетий, как наши дети оказались бы перед теми или даже большими страданиями, чем мы вынесли в последнюю войну между английским бульдогом и немецкой ищейкой.

Мы совсем не обязаны победе бульдога (Англии) над ищейкой (Германией), некоторой гарантией от будущей войны, но всецело ньюфаундлендской собаке (России), которая тихонько отошла с костью раздора, в то время, как остальные грызлись за нее.

Несмотря на всю видимость, этой костью в действительности никогда не был ни Париж, ни Берлин, но то одна, то другая из следующих стран: балканских государств, Мексики, Персии, Марокко и России.

Под конец, именно, Россия стала главной костью раздора. И все брюзжание направлено против русского большевизма, одного из порождений того хаоса, который создан в России со времени войны. Представители большевизма проложили дорогу во многие страны Европы, и скоро станет очевидным, что ростки, пущенные им, распространятся по всему миру.

Когда все эти большевистские ростки принесут свои плоды, они сделают мир вполне подготовленным для демократии—не для демократии, основанной на конкуренции бульдогов и ищеек, но для демократии, основанной на сотрудничестве, по образцу России. Тогда, но не раньше, мир будет гарантирован от войны.

С момента начала перемирия там и сям были страхи, что оно может оказаться временным, так как бульдог, пользуясь успехом, может начать новую войну из-за русской кости; но для многих теперь эти страхи исчезли вследствие полнейшего краха Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля, поднявших мятеж внутри страны при полной поддержке союзников, а также вследствие отражения польского вторжения, за спиной которого стояли Англия, Франция и Соединенные Штаты.

Поразительную иллюстрацию правдивости марксистской теории материалистического или экономического понимания истории представляет собой тот печальный факт, что крупнейшие представители капиталистического мира в союзных странах с удовольствием откликнулись на призыв генерала Людендорфа объединиться с юнкерами (немецкими помещиками), с которыми союзники еще так недавно воевали, для общей войны против России, сделав Германию центром военных операций. Было сделано общее усилие, чтобы организовать такую войну, но политическое воспитание, полученное в школе мировой войны рабочим классом всех стран привело к их энергичному сопротивлению этому призыву, что и вызвало крушение плана.

II. Как ни велики страдания мира из-за кровавых войн капиталистов друг с другом, но это только капля в море по сравнению со страданиями от бескровных войн между хозяевами и рабочими—между капиталистами и производителями. Только прекращение этой бескровной войны, которое возможно лишь с торжеством интернационального коммунизма, положит конец кровавым войнам.

При капиталистической системе каждое учреждение (государство, церковь, школа, законодательство, суд, промышленность, более того, даже благотворительность) неизбежно является орудием грабежа, посредством которого немногочисленный класс непродуляющих, эксплуататоров грабит многочисленный класс производителей, наемных рабов, сдирая с них не одну, а несколько шкур.

1) Непроизводитель-хозяин лишает наемного рабочего трех важнейших условий материального существования: пищи, одежды, жилища.

Даже в Соединенных Штатах Америки, „стране изобилия“, в настоящее время, как и всегда, 75% населения недостаточно питаются, одеваются и не имеют удовлетворительного жилища.

2) Непроизводитель-хозяин лишает наемных рабов всего необходимого для их духовной жизни—свободы изучения явлений природы, ознакомления с их правильным толкованием для соответствующего устройства жизни и, наконец, свободной пропаганды научных завоеваний и их значения.

Даже в Соединенных Штатах Америки, „твердые политическая и религиозная свободы“, никто не может изучать истину и обучать ей, не рискуя быть изгнанным из храма и водворенным в тюрьму. Это будет продолжаться до тех пор, пока империализм и спиритуалистическое христианство, отец и мать целого выводка грабителей, лжецов, преследователей и жандармов не будут низвергнуты.

Боги капитала—в политике и боги спиритуализма—в религии символизируют одну и ту же сущность—паразитическое присвоение.

Как Иегова в религии, так и дядя Сам в политике опасны не столько сами по себе, а той реальной сущностью, которую они символически изображают.

Я чувствую, однако, что царство политики и религии,—его практическая и идеологическая половины—оскудели бы без своих Иеговы и Сама так же, как детский мир без св. Клауса.

Если символы, как мы видим, не безусловно необходимы для религии и политики, то, тем не менее, они всегда были, есть и, вероятно, будут их украшениями, и я верю в их длительное существование, но не как объективных фактов, а как субъективных представлений.

Все империалистические толкования политики и все спиритуалистические толкования религии должны быть уничтожены, иначе мир погибнет. Всемогущий и везде-

сущий спаситель, который должен нас спасти от них, уже находится в мире. Его имя—Интернациональный Коммунизм, самое великое и святое имя, которое когда-либо было создано и произнесено, и евангелие этого спасителя, как оно было передано Томасом Карлейлем, написано на каждой стене, так что оно может быть прочитано всеми:

„Помните это хорошенько, самый глубокий закон нашего существования, проявляющийся в более или менее отчетливой форме: быть свободным. Свобода—единственная цель, к которой, сознательно или бессознательно ведут все страдания и борьба людей на земле“.

Мораль—самая великая вещь в мире; без нее человеку не стоило бы жить. Да и не было бы возможно; но как бы это ни казалось парадоксальным, свобода все же выше морали: без нее мораль оказалась бы невозможной.

Можно достигнуть высшего уровня морали, религии и святости без малейшей необходимости знать, что говорили или делали боги спиритуалистических религий—это одинаково относится к Иисусу, как и к другим многочисленным божествам, но нельзя достигнуть даже низшего уровня морали, а также религии и святости, без постоянного общения с богом истины.

Но все же есть разница между законом и истиной. Закон—это явление природы, и, как таковой, он является фактом или откровением. Других фактов или иного откровения нет.

Согласно традиционным суеверным понятиям, истина—откровение воли божьей, обязывающее прямо или косвенно служить богу; мораль же состоит в исполнении этой воли.

Согласно современному, научному пониманию истина—объяснение факта, что влечет за собой возможность новой услуги человечеству. По научному миропониманию, всякая человеческая истина—либо результат личного достижения, либо заимствована от других.

Но ни один человек не может морально жить, основываясь на истине другого так же, как он не может

прожить физически—если другой принимает пищу за него. Каждый, мне кажется, должен иметь свою собственную истину так же, как он должен сам вкушать свою пищу.

Отсюда для морали—необходимость свободы. Отсюда невозможность моральной жизни при тех ограничениях, которые налагают официальные религии в своих официальных догмах и при тех ограничениях, которые применяют воюющие государства в своих законах против шпионажа.

Капитализм всем своим существом основан на конкуренции, а потому он по своему характеру особенно воинственен: отсюда совершенно невозможна при нем идеальная моральная жизнь; но и та мораль, которая при других условиях могла бы быть возможной, при капитализме умалется наполовину официальными догмами и законами против шпионажа. Если бы руководители церквей и наций хоть отчасти заботились о нравственности своих сочленов и сограждан, то они уничтожили бы эти догмы и никогда не создавали бы других.

Демократия, которая означает свободу изучения законов, регулирующих человеческую жизнь (демократия, которая обеспечит каждому самую счастливую и продолжительную жизнь при наиболее благоприятнейших условиях, была бы возможна), должна ждать до тех пор, пока капиталистическая система производства и распределения, основанная на конкуренции, не будет целиком заменена социалистической системой сотрудничества.

В заключение всех этих рассуждений каждому сознательному пролетарию должно быть ясно следующее: „Необходима полная перемена экономической системы. Частная собственность на орудия производства стоит поперек пути дальнейшего мирного социального развития, а потому должна быть устранена. Капиталисты сами не уничтожат ее. Это несомненно. Это, стало-быть, задача рабочего класса. Чтобы выполнить эту задачу, рабочим необходимо взять в свои руки орудие, посредством которого капиталисты поддерживают свою собственность на средства производства—политическую власть. Это—

историческая миссия рабочего класса. Задача социалистов—организовать и повести рабочих к этому завоеванию политической власти.

Между знаменами времени (а наше славное время полно ими), которые безошибочно указывают на великий день счастливого завершения движения к пролетарской революции—выделяется тот факт, который усвоен миром на свежем опыте великой войны, что человек должен сам добиться своего освобождения, не ожидая ни малейшей помощи от богов спиритуалистических религий:

Этот опрокинутый свод они называют небом
Под которым, запертые, как в клетке, ползая, мы живем и
умираем;

Не простирайте ваших рук к нему за помощью;
Так как оно также беспомощно движется, как вы и я.

Омар.

Да, бог движется еще беспомощнее человека. В то время, как бог движется согласно законам материи и энергии, существованием и взаимодействием которых, проявляющимися в эволюционных процессах, мир таков, каков он есть, и не в силах действовать иначе или диктовать миру свою волю; человек, если только изучит эти законы, может сочетать их, направлять и использовать для заранее определенной цели, даже для перехода от ада классового капиталистического общества к раю коммунизма.

III.

Спасение мира от его ненужных страданий зависит от правильного распределения труда, занятого изготовлением орудий производства и обмена и от справедливого распределения продуктов труда, которое будет иметь место в бесклассовом обществе. Это может быть осуществлено лишь путем революции, которая уничтожит класс собственников орудий производства и обмена.

Эта задача бесклассового равенства составляет теоретическую сущность революционного социализма. Те,

которые борются с этим социализмом, исходя из неизменности существующих религиозных и политических учреждений, проповедуют наиболее губительную ересь.

Что представляет собой эта ересь и к какой губительной политике она ведет, находит свое классическое выражение по отношению к религии в формуле, приглашающей „предоставить раз навсегда веру святым“, а в отношении политики—в выражении „законы мидян и персов не меняются“.

Нет такой веры и не может быть, потому что раз вера становится шаблонной, она теряет религиозный характер и вырождается в суеверие.

Нет также неизменных законов в политике и быть не может; поскольку закон каменеет, он теряет свой политический характер и вырождается в тиранию.

Религия, которая является идеологической половиною, а политика—практической половиною той же действительности человеческого общежития, как и все прочее в мире, постоянно изменяются, и это необходимо, потому что жизнь и прогресс заключаются в движении.

Ортодоксальность в религии и политике—позорное пятно прошлого, потому что из этого делается вывод, что великие учреждения—семья, государство и церковь с их обычаями, законами, учениями—в том виде, как они существуют в настоящее время, составляют основу общества, без которого оно не могло бы существовать. Эти учреждения по большей части, если не всецело, являются тем, чем они должны быть, и, следовательно, благополучие общества, даже его существование, зависят от их дальнейшего сохранения без каких-либо перемен, или лишь с незначительными исправлениями. Основой общества всегда была система производства и распределения жизненных благ, а потому социальные учреждения, обычаи, законы и верования всегда являются следствием системы экономических отношений.

Если мы сравним систему производства предметов первой необходимости (пища, одежда, жилище) с королем или епископом (мы можем это сделать, потому что во все времена такие системы были реальной силой за

спиной каждой королевской привилегии и каждой епископской курии), мы увидим, что государство со своими законами, полицией, армией и тюрьмами и церкви со своими небесами и преисподними являются лишь удобными орудиями для сохранения существующей системы без изменений.

Что справедливо в отношении государства и церкви, одинаково относится и к семье, школе, печати, жилищу, клубу, книгоиздательству, театру и, вообще, почти к каждому учреждению.

Почему в течение ряда долгих лет существуют все эти предохранительные меры против всякой перемены?

Потому что, поскольку каждая экономическая система разделила общество на два класса: сравнительно немногочисленный класс, владеющий благами, и многочисленный класс, производящий их,—и если немногие частные собственники хотят сохранить свою собственность, ставя под божественное покровительство лозунг „хватай все“, они должны быть защищены от многих бесчестных производителей—рабочих, которых дьявол искушает формулой: „возьми кое-что“.

Эти „божьи дети“ с круглым брюшком имеют столько же общего с изможденными отпрысками дьявола, сколько муха с собакой или дождевой червь с человеком.

Давид как-то в сердцах заявил: „все люди—лгуны“; он мог бы вполне обдуманно сказать это о всяком представителе официальной религии или политики, так как они настаивают, что их религия и их политика—неотъемлемая составная часть социальной истины, всегда неизменной на протяжении веков; тогда как на деле ни религия, ни политика не остаются одинаковыми в продолжение одного десятилетия или даже одного года.

Правоверные христиане говорят, что Иисус основал их сектантские церкви, и в то же время каждая секта утверждает, что их церковь—единственно истинная церковь, им основанная. Я даже сомневаюсь в том, что он когда-либо жил. Во всяком случае, я уверен, что если он жил и основал церковь в первом столетии нашей эры, то, вернувшись на землю в двадцатом столетии, он не мог бы,

если бы и хотел, и не хотел бы, если бы и мог, сделаться членом какой бы то ни было церкви вследствие происшедших в них изменений.

Церкви со своими учениями и государства со своими законами далеки от неизменяемости; они в большей или меньшей степени изменяются с развитием экономической системы, которой они обязаны своим существованием, и слугами которой они являются.

В каждой стране ее господин—экономическая система, всегда была грабительницей и поработительницей подавляющего большинства народа, а церковь и государство были лишь руками, посредством которых она осуществляла грабеж и порабощение.

Католическая церковь лишь тем отличается от протестантской, что первая отражает свое происхождение из феодальной экономической системы, в то время как вторая—религиозное отражение капиталистической системы экономики.

Протестантизму отдают предпочтение перед католицизмом стоящие во главе финансового мира, потому что протестантизм—детище капитализма, так сказать, его родная сестра, в то время как его соперник—только двоюродная сестра.

И католическая, и протестантская церкви стоят на одном фундаменте. Я бы и пальцем не пошевелил в защиту превосходства одной над другой: при свете современной науки обе они совершенно устарели и противоречат здравому смыслу.

Правоверные католики и протестанты имеют в основе одну и ту же Библию и тот же символ веры. По моему мнению, как и по мнению всех коммунистов, равно как сторонников дарвинизма, всякое представление о сверхъестественном должно рассматриваться либо как аллегория, либо как суеверие, так как ни одно из этих представлений не способно выдержать научной критики; именно так дело обстоит в наш век науки и разума. Различие между католицизмом и протестантизмом отнюдь не является вопросом относительного преобладания в них элемента сверхъестественного, ни правильности или непра-

вильности их, но всецело об'ясняется различием между экономическими системами, их породившими.

Если вы спросите, не является ли это различие, по крайней мере, отчасти результатом особенностей эпох, в которые они возникли, я отвечу: „да“, но эпоха сама зависит от экономической системы.

Как бы то ни было, хотя экономическая система является фундаментом всякой религиозной и политической надстройки, но под самым экономическим фундаментом всегда имеется твердая основа, на которой, в конце концов, он покоится, и этой основой являются орудия и средства производства и распределения предметов первой необходимости.

Феодальная эпоха была по своему существу эпохой традиции и метафизики.

Эпоха капитализма по преимуществу научна и экспериментальна.

Такая разница между этими эпохами происходит оттого, что в прежнее время вещи делались ручными инструментами, а в позднейшее время машинами.

Машина в эпоху метафизики и традиции была бы анахронизмом. Машины для своего развития требуют эпохи науки и опыта и, как бы парадоксально это ни звучало, такая эпоха должна быть создана самой же машиной. Отличительные черты каждого периода человеческой истории вытекают из характера орудий труда, которые создавали его.

Сверх'естественному нет места в наблюдениях, исследованиях и опытах, необходимых для изобретения, постройки и производства больших машин, а потому машины изгнали богов с поверхности земли и дьяволов из подземного мира, предоставляя нам перенести мир сверх'естественного по нашему выбору в потусторонний рай или ад.

В своем блестящем труде, под названием „Социальные и философские этюды“, Поль Лафарг пишет:

„Работа на фабриках и заводах ставит рабочих в соприкосновение с ужасными силами природы, неизвестными крестьянину, и вместо того, чтобы находиться у них в подчинении, он над ними господствует.

„Гигантский механизм железа и стали, который наполняет завод и автоматически приводит его в движение, сплошь и рядом причиняет рабочему более или менее значительные ушибы, а иногда и серьезные увечия, и все же это не вызывает в нем суеверного страха, как гром в крестьянине. Рабочий остается спокойным, так как знает, что части механического чудовища были выделаны и отлиты его же товарищами, и что лишь от него зависит пустить в ход или остановить механизм машины. Машина при всей своей чудесной силе и производительности не имеет тайн для рабочего. Рабочий электрической станции, которому стоит лишь повернуть рукоятку мотора, чтобы привести в движение трамвай или зажечь фонари на улице, подобен библейскому богу; стоит ему сказать: „да будет свет“, и свет является. Самая богатая фантазия не могла бы вообразить себе подобного чуда, а для рабочего это чудо самая естественная вещь. Он был бы весьма поражен, если бы кто-нибудь сказал ему, что некий бог может, если пожелает, остановить ход машины или потушить свет, когда электричество действует; он ответил бы, что этот анархический бог—просто провод, поставленный не на место или порванная проволока, и что ему не стоит особенного труда найти этого бога-разрушителя.

„Практика современного завода учит рабочего научному пониманию явлений, для этого он не должен обязательно пройти теоретическую школу науки“.

Земля будет преисподней до тех пор, пока мы позволяем капиталистической системе продолжать свое существование и поработать огромное большинство ее обитателей. Коммунизм прогонит ад человеческого рабства старой эпохи и приведет к новой эре с ее раем, основанным на подчинении машин человеку.

Одно должно быть понято и усвоено всеми, кто желает понять перемены, происходящие в обществе, а именно: они обязаны различию в орудиях труда, или машинах, посредством которых производятся предметы первой необходимости.

Человек поднялся над низшими животными, с которыми он имеет общих предков, вследствие превосходства над их конечностями своих рук, которыми он производит вещи. Если бы тело человека в целом, а руки в частности, не были более совершенными, чем тело и конечности обезьян, то его разум и нравственность были бы немногим выше, чем у них.

Превосходство цивилизации нашей эпохи, по сравнению с предшествовавшими всецело зависит от орудий труда, при помощи которых увеличилась и производительность человеческих рук.

Если бы современные машины были изъаты у нашего поколения и были заменены теми орудиями, которыми удовлетворялись нужды каменного века, то цивилизация ближайшего поколения начала бы падать и в течение одного столетия достигла бы старого уровня.

В отношении великой истины, о которой мы здесь рассуждаем, мы находим особенно яркое выражение в замечательном манифесте Социалистической Партии Великобритании:

„Очевидно, что для существования идей в человеческой истории необходимы два материальных условия: человеческие существа, а также пища и кров для них, и основной факт, который так редко принимается во внимание, сводится к следующему: место, способы и степень удовлетворения человеком своих потребностей в пище и крове определяют место и способы человеческого существования, как и формы общественных учреждений и идей“.

Действительно, основа марксистской философии заключается в следующих словах Фридриха Энгельса:

„В каждую историческую эпоху господствующий способ производства и обмена и с необходимостью вытекающая из него общественная организация образуют основу, на которой она построена, и только на этой основе можно объяснить политическую и духовную историю этой эпохи.

„Материалистическое понимание в марксизме — ключ к объяснению истории.

„Этот первый принцип науки об обществе, прямо противоположный всякой религиозной философии, предназначен изгнать эту „философию“ и все ее суеверия из их последнего убежища“.

Цивилизация не умрет со смертью капиталистической системы производства, как она не умерла с гибелью феодальной системы; она усовершенствовалась при капитализме, вследствие улучшений в орудиях производства, и ей предназначено и впредь продолжать свой прогресс до тех пор, пока будут создаваться новые и лучшие машины.

Коммунизм означает уверенность в прогрессе машинного производства. При коммунизме число машин и их производительность возрастут значительно быстрее, чем при капитализме и феодализме, потому что он стремится к производству средств существования в кратчайшее время с наименьшей опасностью и затратой труда.

Что же касается перепроизводства, то-есть заполнения рынков, то оно вытекало из заинтересованности капитализма в поощрении техники; но его способность в этом отношении ограничена, и это для нас ясно из того, что мы слышим все чаще и чаще о перепроизводстве.

Машины, которые уже теперь у нас имеются, дают возможность производить больше товаров, чем может быть продано при условии наличия незанятых рабочих. Но ленивый, умирающий от истощения раб является опасностью для ленивого, пресыщенного хозяина. Следовательно, при капитализме не может быть дальнейшего развития техники, по крайней мере, в более широком масштабе.

Социалистическое правительство поставило бы целью производить достаточно для всех с наименьшей затратой энергии и времени. Следовательно, при социализме величайшими благодетелями и героями явились бы изобретатели машин для сбережения труда и увеличения досуга.

Мы много слышим относительно умственного превосходства представителей господствующего класса над

рабочими классами. Но в этом мало или даже совсем нет правды. Изобретение быстро работающей машины, этого средства сбережения труда, вообще говоря, является величайшим торжеством человеческого разума. Почти все такие машины изобретены, изготовлены, пущены в ход и усовершенствованы самими рабочими.

Хозяева могут быть хитрее рабов, но хитрость не есть доказательство высшего духовного уровня. Многие из низших животных в этом отношении совершенно равны, если не превосходят капиталистов, но ни одно животное несравнимо с человеком, не говоря уже об исключительно одаренном рабочем, способном создавать мощные машины для производства и распределения жизненных благ.

Католицизм начал свой жизненный путь, как детище феодализма, имевшего целью улучшение производства и распределение продуктов и орудий для обработки земли в интересах землевладельцев.

Его историческое назначение состояло в помощи своему родителю-феодализму в грабеже и порабощении трудящихся, которые обрабатывали землю; и ни один слуга не исполнял более преданно своей задачи, как католицизм, в продолжение долгого периода времени.

Протестантизм начал свой путь, как детище капиталистической системы в интересах собственников орудий и машин для изготовления продуктов. Историческое назначение протестантизма — содействие своему родителю-капитализму в грабеже и порабощении рабочих, которые производят и приводят в действие машины; и никакой слуга более преданно не исполнял своей задачи в более широком масштабе и на более плодотворном поле деятельности, чем протестантизм.

Следовательно, у всех экономических систем одна душа — конкуренция, и поэтому каждая из них была основана на дьявольской троице: ложь — бог отец, грабеж — бог сын, происходящий от отца, а убийство — святой дух, происходящий от бога отца и бога сына.

Труд, „некто в сером“, каждой нации лежит полумертвый во рву, в стороне от дороги, ограбленный и изра-

ненный, жертва капитализма, величайшего лгуна, грабителя и убийцы всех времен.

Церковь является архангелом или первым министром, при помощи которого этот Вельзевул-капитализм больше всего обманывал массы, хотя за последние сто лет ее деятельность настолько расширилась, что явилась необходимостью учредить должность помощника этому архангелу—прессу.

Государство является архангелом или первым министром, при помощи которого этот князь дьяволов—капитализм совершал, главным образом, свои грабежи и убийства, хотя и церковь нередко прилагала свою милосердную руку к этому дьявольскому делу.

Почти целиком отсталость человечества и большая часть ненужных страданий его происходит вследствие старания предотвратить перемены в религии и политике. Наша нация как-раз переживает самый мрачный период своей истории вследствие таких усилий со стороны государственной власти, поддерживаемой церковью.

Говоря о переменах, которые здесь нас особенно интересуют, и одна из которых заключается в вытеснении старой экономической системы новой, нужно заметить, что было несколько таких революций в истории; новая—неизбежна и неотвратима.

Когда экономическая система банкротится, как в настоящее время капитализм, и не может кормить, одевать и обеспечить жилищем рабочих, которые производят всю пищу, одежду и жилище, то время, когда она должна уступить место новой, не за горами.

Капитализм обанкротился в этом основном назначении всякой экономической системы. Он, конечно, с излишком удовлетворяет потребности $\frac{1}{10}$ части человечества, но при этом он относится пристрастно к остальным $\frac{9}{10}$, лишая их в большей или меньшей степени пищи, одежды и крова, несмотря на то, что они это создали своими руками.

Облагодетельствованные этой системой не будут в состоянии предотвратить ее падение, подготовляемое обойденными ею.

Наших материалов, заводов, железных дорог и знаний было бы вполне достаточно для удовлетворения всех потребностей, но как до этого далеко; миллионы нуждаются в пище, платье, жилище и тепле и осуждены на постоянную, истощающую работу, которая не оставляет им ни досуга, ни энергии для духовного развития.

Эксперты по экономике и статистике нашего правительственного департамента труда говорят, что нормальные потребности жизни для рабочей семьи из 5-ти человек требуют для своего удовлетворения ежегодного дохода в 1500 долларов, а для простого комфорта, почти также необходимого, требуется добавочных 1000 долларов—всего 2500 долларов в год.

Сколько американских семейств из 5-ти членов имеют меньше этой суммы в своем распоряжении; подавляющее большинство имеет меньше 1000 долларов. Будем справедливы к другим странам и перестанем прославлять нашу страну, как „страну изобилия и свободы“, до тех пор, пока не произойдет большой перемены к лучшему.

Наемное рабство может быть продолжено, опираясь на вооруженную силу, но оно не может иметь своим продолжением какую-либо другую форму человеческого рабства. Вооруженная сила на некоторое время продлила существование личного рабства и, таким образом, привела к тому, что мы называем мрачной эпохой человеческой истории. Если наемное рабство продолжится, опираясь на вооруженную силу, то человечество должно будет пережить вторую эпоху средневековья. Лига Наций предназначена служить делу военного порабощения угнетенного человечества, но будем надеяться, что эта коалиция окажется непрочной, и что за наемным рабством скоро последует эпоха подчинения человеком машин, которая навсегда покончит с человеческим рабством; только тогда мир воцарится на земле и благоволение в человеках, тогда перекуют свои мечи на плуги и копыя на кирки: народ не поднимет меча на другой народ, и не будут больше обучаться военному делу.

Разве вы не соглашаетесь со мной, что Христос—не сознательный личный бог, а бессознательная, безличная машина; не агнец божий, а машина, созданная человеком, дает нам надежду, что мир освободится от греха.

Невежество, самое большое несчастье мира—его дьявол, а рабство—его ад. Машина—избавитель, который спасет человека от дьявола и ада.

Да, как ни странно, даже богохульно может показаться такое представление, тем не менее верно то, что машина—название того избавителя, которым мир может быть спасен.

Цивилизация означает спасение. Цивилизация, которая является спасением, зависит от досуга, а досуг от рабства. Но до тех пор, пока досуг основан на человеческом рабстве, цивилизация ограничена ничтожным меньшинством.

Революционный социализм—движение, направленное к равномерному распределению досуга между всеми членами общества путем уничтожения классов и замены человека, как объекта эксплуатации, машиной.

Мое, вытекающее из действительности, представление о зависимости нравственности от системы экономических отношений безусловно верно, и, несомненно, ложно религиозное представление, которое ставит нравственность в зависимость от богов; это одинаково верно и по отношению к нравственности и по отношению к истории, безразлично—идет ли речь о вселенной в целом или о человеке в частности. Лавуазье и Р. Майер доказали, что какой бы то ни было бог (Иисус, Иегова, Аллах, Будда) не мог создать вселенной из ничего, так как материя и энергия, которые являются сущностью вселенной, вечны и вездесущи.

Кант и Лаплас доказали, что земля и небесные тела вовсе не созданы богом, а развились из газообразной туманности. Кеплер и Ньютон доказали, что эти тела управляются в своем движении не богом, но законом притяжения. Дарвин и Уоллес доказали, что животные и растительные виды не были созданы каким-

нибудь богом, но как высшие, так и низшие виды развились из простой протоплазмы.

Х Маркс и Энгельс доказали, что судьба людей предопределена не каким-либо богом, а системой производства и распределения жизненных благ.

Эти 10 человек — величайшие учителя, каких когда-либо знал мир, и такова сущность всех их великих учений. Вселенная существует сама по себе, сама себя поддерживает и собой управляет, содержит все возможности в себе самой, и то, что справедливо по отношению ко всей вселенной, одинаково относится и ко всем ее явлениям, включая и человека; человек, будучи высшим из явлений вселенной, такое же явление, как и все остальные, не исключая и низших. Микробы и человек имеют ту же основу, как в отношении происхождения и их назначения, так и в том отношении, что содержат в себе способность поддержания своего существования.

Мы — часть каждой скалы, ручья, птицы и зверя
То же, что хищные твари,
Что нас обращают в добычу,
То же, что те, которых убиваем мы.

Дарвинизм и марксизм составляют одно евангелие, единственно правильное, понятное и вполне достаточное среди всех, которыми когда-либо обладал человек; будущее человечества вне этого евангелия безнадежно. Если оно ложно, человечество обречено на гибель, но оно не окажется, да и не может быть ложным, потому что его слова подтверждаются действиями или явлениями природы.

Всякий факт — явление природы, и, как таковое, часть единственного, естественного закона, от познания и исполнения которого только и всецело зависят земная жизнь и счастье.

Да, жизнь долгая, счастливая, все, что относится к человеческой или божественной жизни, если таковая есть, зависит всецело от познания и согласования с этими законами природы, а вовсе не от закона, исходящего от бога, если даже такой закон есть.

Ни религии, ни политики революционного социализма нет дела до небес или преисподней, если имеются такие места: нет, задача и религии, и политики социализма изгнать преисподнюю с земли и обратить ее в рай.

Ни религия, ни политика революционного социализма не имеют ни малейшего отношения к раю над нами и к аду под нами, если такие места существуют; единственно к чему он стремится, — уничтожить ад и завоевать рай на земле.

Ни религия, ни политика социализма несколько не интересуются службой божеству (Иисусу, Иегове, Аллаху и Будде или иным), выполняя его волю; но и та, и другая заняты службой человечеству, состоящей в правильном изучении, объяснении и применении законов природы, единственно с целью сделать земную жизнь возможно долгой и счастливой, без всякого отношения к какой-либо потусторонней жизни над или под землей.

Религия и политика—взаимно дополняющие и нераздельные части социальной жизни; религия—ее идеология, а политика—ее практика.

Религиозная идеология—социальная душа, воплощением которой должна была бы быть церковь.

Политическая практика—социальная душа, воплощением которой должно было бы быть государство.

В противоположность представлению официального христианства душа не может существовать без телесной оболочки.

В действительности тело производит душу, а не душа—тело. Церковь и государство должны соответствовать тому, что мы считаем их идеологической и практической душой.

Как? Если душа способна подняться из праха
И облаженная летать по небу,
Не позор ли, не позор ли для нее
Остаться связанной в своей земной оболочке!

Омар.

IV.

Церковь и государство имеют общую основу по своему происхождению и значению. Оба—человеческие учреждения, и каждое из них необходимо для другого. Вовсе не желательно и невозможно освободить мир от этих учреждений, но совершенно необходимо, чтобы оба они были коренным образом изменены. Библия и символ веры должны быть переделаны на основе истины, открываемой нам природой, а государство должно в корне изменить или, по меньшей мере, реорганизовать свои учреждения на основе служения всем, а не лишь немногочисленному классу собственников-хозяев.

Все идеалистические цели церкви и все практические предприятия государства должны непосредственно интересоваться тремя вопросами:

- 1) как достичь того, чтобы земная жизнь для каждого мужчины, женщины и ребенка была так длительна и счастлива, как это возможно на основе познания законов природы;

- 2) как наиболее успешно добиться распространения знания законов природы среди всех и

- 3) как убедить людей возможно легче жить согласно этим законам.

Это и есть единственная сущность и цель революционного социализма, но они не могут поощряться или даже открыто признаваться христианскими социалистами.

Великое преступление эпохи это—ограбление производящих все необходимое для удовлетворения основных потребностей человеческой жизни производителей.

Капитализм—грабитель, а политика и религия старых государств и церквей,—это правая и левая руки, при содействии которых производится грабеж.

Революционный социализм—предприятие, цель которого сбросить систему, предоставляющую возможность тем, кто ничего не производит, жить в сытости и вынуждающую тех, кто все производит, вести голодное существование.

Бедность—бич, вызываемый несправедливой системой наемного труда, свойственной капитализму, обогащающей немногих собственников орудий и средств производства и обмена. Эта вредная болезнь не может быть вылечена милосердием, и она будет распространяться до тех пор, пока капиталистическая система не будет вытеснена справедливой системой социализма, основанного на сотрудничестве, при которой все блага будут производиться и распределяться между производителями.

Каждый милосердный дар богача—грабеж по отношению к бедняку. Вы этого, быть-может, сразу не заметите, и я не стану вас осуждать за это. Я тоже не замечал этого, даже когда был старше вас, но теперь я вижу это так ясно, как солнце в безоблачный полдень; и это также замечают быстро растущие миллионы людей, которые преисполнены решимостью покончить с господствующей ныне системой благотворительности, согласно которой капиталисты могут грабить у рабочих плоды их труда, давая им ровно столько, сколько нужно, чтобы душа держалась в теле у самого рабочего, и для воспитания детей, заранее обреченных занять место своих отцов. И когда их жертвы лишились последних сил, капиталисты дают самим избранным из них кровать в госпитале или богадельне, где они преждевременно умирают, и безымянные могилы на кладбище, где они могут с надеждой ожидать воскрешения из мертвых и вознесения на небо, где для них уготовлен счастливый удел, в котором им было отказано на земле.

Время настало, когда повсюду безработные и плохо оплачиваемые рабочие начинают безудержное наступление к экономическому равенству под знаменем, на котором красуется девиз: нам не нужна благотворительности, мы требуем права на труд и на плоды нашего труда, чтобы мы и наши дети имели все необходимое для своего полного физического и духовного развития.

В продолжение более чем целого поколения г-жа Браун и я не произвели ни одной ложки пищи, ни одной нитки для одежды и не добыли ни одного камня для постройки дома, и все же у нас было достаточно пищи и одежды,

равно как и жилье; при этом мы имели возможность скопить кое-что в то время, как сами производители всех этих жизненных благ имели их недостаточно, и им приходилось во многом нуждаться.

Во время войны дурной для производителей ветер приносит нам тысячу долларов, а дурной для нас ветер перемещал эти деньги в распоряжение комитета, формально на нужды госпиталя, что мы одобряли, но, в действительности, на приобретение займа в интересах ведения войны, которой мы не одобряли.

Отцы настоящего поколения производителей были ограблены для того, чтобы мы могли унаследовать собственность, плоды от которой составляют наш доход; сыновья и дочери снова подвергаются ограблению из года в год для того, чтобы собственность могла по-прежнему приносить нам доход.

Следовательно, мы ничего своего не платили по займу. Средства, на которые его приобретали, были награбленным добром, которое великий грабитель—капитализм пожаловал нам, своим излюбленным детям, отняв это у своих несчастных жертв.

Таким образом, те же лица, их дети или потомки были или будут ограблены сначала, чтобы создать нашу собственность, затем, чтобы оплатить доходы с нее, позднее, чтобы купить облигации; теперь их грабят, чтобы уплатить проценты на облигации и, в конце концов, они будут ограблены, чтобы заплатить их стоимость. Если капитализм останется, безусловно жертвами этого грабежа окажутся еще и будущие поколения; но удлинение срока не что иное, как длительное несчастье для многих грядущих поколений.

Если бы грабеж, связанный с этим займом, был ограничен первоначальной стоимостью, одной тысячью долларов, с нарастающими на нее процентами, которые со временем составят несколько тысяч долларов, это было бы уже достаточно скверно, но не так скверно, как при настоящих печальных обстоятельствах, так как деньги, уплоченные на покрытие займа, тратятся на убийство или на калечение производителей, если и не тех, кто

произвел именно эту тысячу долларов, то других членов того же класса, которым мир обязан всем своим богатством; следовательно, тысяча долларов, пошедшая на заем, была предназначена на грабеж у тех, кто их лишился, самых ценных благ: здоровья и жизни.

Вы спросите, как можем я и г-жа Браун при теории, согласно которой все, кто живет собственностью, являются грабителями тех, кто живет трудом, получать и тратить доходы от своего наследства. Вот что мы ответили на вопрос друга, почему мы не последовали героическому примеру одного молодого американца, который недавно отказался от своего наследства. Мы считаем наше поведение более целесообразным, так как богатство, от которого он отказывается, может перейти к кому-либо, кто не питает симпатии к пролетариату; мы предпочитаем использовать полученное наследство на уничтожение экономической системы, дающей нам возможность иметь кое-что, ничего не делая, и лишаящей основного тех, кто все создает.

Капиталисты, как таковые, живя за счет своей собственности на орудия производства и обмена, вместо того, чтобы производить, много возражают против анархизма коммунистов, и, тем не менее, именно они неизбежно являются грабителями и убийцами, в чем обвиняют анархизм.

Каждая копейка прибыли, процентов, ренты—грабеж, каждая война—столкновение капиталистических бандитов вовлеченных в нее стран. Каждая мирная конференция—после войны—попытка бандитов, имевших в ней успех, получить как можно больше добычи и выгодно поделить ее между собой. Пасхальная неделя 1921 года, неделя, во время которой из года в год, в течение многих долгих веков, темный народ приносит своего Христа в жертву Маммоне.

К несчастью для человечества, Иисус, если он действительно жил и был Христом, не был, ни первым, ни последним в своем роде, так как и до него, и после него было много таких жертв. Разве те, кто суеверно повел свои жертвы на Голгофу, были больше грешниками по

отношению к человечеству, чем те, кто из жадности в течение войны гнал огромные армии молодых людей в ужасные траншеи в качестве массового жертвоприношения в интересах властвующих и богатых, а ныне, в результате войны, в которую они вовлекли огромное большинство народов, они привели их к ужасающему духовному и физическому рабству и нищете?

Нет. Современные разбойники нуждаются еще больше прежнего в молитве: „Прости им, Господи, ибо они не ведают, что творят“.

Коммунизм и христианство имеют следующие общие черты: их цель создать долгую, счастливую жизнь, и оба они в полной мере задавлены, опутаны и преследуемы.

Но, на ряду со сходством в евангелии коммунизма и христианства есть и разница в целях их первоучителей; такая же большая, как между Востоком и Западом, создающая огромную непроходимую пропасть между ними.

Маркс—первоучитель коммунистического евангелия—сказал: „я пришел в мир, чтобы дать ему земную жизнь для тела, ума и души, в самой широкой и полной мере для каждого, в пределах возможного, посредством сотрудничества в открытии законов природы и в подчинении их делу обеспечения человечества пищей, одеждой, кровом, здоровьем и комфортом для тела, досугом для развития ума и совершенствования души“.

Иисус—первоучитель христианского евангелия, говорит, согласно официальной церкви: „я пришел в мир, чтобы дать вам небесную жизнь для ума, тела и души в самой широкой и полной мере для каждого, убеждайте каждого и всех принять откровение воли сознательного и личного бога, переданное через пророков, сохраненное в библии и объясненное церковью“.

У меня печальное, но неотвратимое убеждение, что если бы правоверное христианство соединилось с социализмом, как Кингслей и вы их сочетаете, то мы вскоре получили бы ослепительное подтверждение справедливости двух поговорок: „один человек не может служить двум господам“ и „дом, в котором происходят раздоры, не может устоять“.

Больше того, я верю: если бы христианский социализм должен был стать дверью к марксистскому коммунизму, через которую официальное христианство могло бы войти и расположиться, как у себя дома, революционные цели рабочего класса были бы извращены, и мир испытал бы новое крушение цивилизации, как это было при обращении Константина в христианство, когда христиане стали самыми преданными гражданами и доблестными солдатами империи.

В то время личное рабство шло по своему пути, как теперь наемное рабство и, если бы оно не было продлено военным деспотизмом, чего я сейчас и опасаясь, мир перешел бы к подобию крепостного права, но не было бы крушения цивилизации, что было ядовитым плодом христианства. Христианство задержало развитие человечества вместо того, чтобы приблизить его к цивилизации.

Христианизация коммунизма, согласно программе Кингслея и нашей социалистической церковной лиги, помогла бы новому военному деспотизму продлить развивавшуюся донныне систему наемного труда, которая идет к своей гибели; но, если революционеры не достигнут своей цели, попранные железной пятой, мы окажемся на пороге новой гибели цивилизации и снова пройдем через все несчастья.

Меня очень интересовало бы движение в самой нашей церкви к христианскому социализму более радикального и революционного характера—если бы только я мог полагать (мне было бы это очень желательно), что христианский социализм, которому мы посвятили все лучшие годы своей жизни, и коммунизм, которому я посвятил те немногие годы, что остаются мне на закате жизни, не являются резко несовместимыми, настолько, что совершенно невозможно их осуществление и сотрудничество для какой-либо благой цели.

Непримиримая несовместимость христианского социализма и коммунизма обязана тому, что христианский социализм, по своему существу, империалистичен, коммунизм же—демократичен. Причина этого основного и не

опровержимого различия и вытекающая из него несовместимость заключаются в факте, что официальная религия—будь то христианство, иудейство, магометанство или буддизм—основана на вере в сверхъестественное и на традиции, а марксизм, как и дарвинизм основаны на естественно-научном объяснении мира.

Чтобы вы яснее видели причину, как я ее понимаю, этой широкой, глубокой и неопределимой разницы, я нарисую следующие контрасты между главными догмами коммунистов и правоверных христиан:

1. Коммунизм, по существу своему, естественно-научное мировоззрение. Правоверное христианство, по своему существу, спиритуалистично. Сознательный коммунист говорит: „все возможности моей жизни заключаются во мне самом“. Сознательный христианин говорит: „моя сила от бога“.

2. Коммунизм, по существу, враждебен классовому обществу. Официальное христианство, по существу, основано на классовой системе, по которой мир разделен на два класса: грешников и святых. Сознательный коммунист говорит: „каждый человек—брат мой“. Сознательный христианин (подобно верующему любой религии—иудею, магометанину, буддисту и др.) говорит: „каждый правоверный—мой брат, а инаковерующие—лишь условно братья“.

3. Коммунизм, по существу, приверженец земной жизни. Официальное христианство—небесной. Сознательный коммунист говорит: „земля—мой мир“, сознательный же христианин говорит: „мой мир—на небесах“.

4. Коммунизм, по существу материалистичен, правоверное же христианство, по существу, спиритуалистично. Сознательный коммунист говорит, что основные жизненные блага—пища, кров, одежда, комфорт, досуг. Сознательный же христианин говорит: „и не думай об этом, а прежде всего и только о вере и служении богу, смотри на все остальное, как на вещи второстепенной важности“.

5. Коммунизм, по существу, носит пролетарский характер. Официальное же христианство—буржуазно. Сознательный коммунист говорит: „я, в силу своего происхо-

ждения, дитя природы и, по существу, равен по своему происхождению и предназначению любому представителю человечества и всего живого вообще". Сознательный христианин, подобно верующему всякой религии, говорит: „я (вследствие своего крещения, веры или обращения) принц или принцесса, сын или дочь короля-бога“.

6. Коммунизм, по существу, демократичен. Правоверное же христианство, по существу, империалистично. Сознательный коммунист говорит: „я живу согласно воле большинства. „Сознательный христианин говорит: „я живу согласно воле бога“.

7. Коммунизм, по существу, миролюбив ¹⁾. Правоверное же христианство—воинственно. Сознательный коммунист говорит: „раз ты человек, я сотрудничаю с тобой“. Сознательный христианин говорит: „раз ты неверующий, я могу лишь бороться с тобой“.

8. Коммунизм, по существу, не носит сектантского характера. Правоверное же христианство, по существу, носит сектантский характер. Сознательный коммунист говорит: „весь мир—мой дом; желание и стремление оказать услугу людям—моя религия“. Сознательный христианин говорит: „только церковь—мой дом; желание и старание служить богу—моя религия“.

9. Коммунизм по своему источнику познания и средствам к его достижению, по существу, научен. Правоверное же христианство основано на традиции. Созна-

¹⁾ Это справедливо в отношении коммунизма, когда он побеждает, но не тогда, когда его преследуют. Социалистическая Россия просила мира после каждой войны, которую капиталистические нации (Англия, Франция, Италия, Америка) начинали против нее, не потому, что она не могла больше защищаться, но потому, что ее социализм, основанный на сотрудничестве, необходимо предписывает человечность: капиталисты же не могли признать его, потому что их капитализм, основанный на конкуренции, предписывает им бесчеловечность. Капиталистический мир агрессивен по отношению к социалистической России и должен им быть, так как жизнь капитализма зависит от смерти социалистической России, а последняя защищается против всех капиталистических наций. Капитализм и социализм не могут вместе существовать на земле. Или тот, или другой должен владеть ею целиком. Человечество в целом подтверждает собою истину поговорки: „дом, раздираемый раздорами, не может устоять“.

Прим. автора.

тельный коммунист говорит: „спасение мира зависит от того, что добыто при помощи опыта, наблюдения и исследования явлений природы—материи, энергии, закона“. Сознательный христианин говорит: „спасение зависит от того, чему учит откровение, традиция и вдохновение, выражающие волю бога-отца, бога-сына и духа святого“.

10. Коммунизм объясняет историю человечества, основываясь на естественной теории, согласно которой каждый период истории определяется существующей системой удовлетворения материальных потребностей. Правоверное же христианство объясняет историю спиритуалистической теорией, согласно которой история определяется провидением божественной троицы. Сознательный коммунист говорит: „если вы меня познакомите с экономической системой, на основе которой народ питался, одевал себя и находил кров, я скажу вам, хотя бы в общих чертах, какова была его история“. Сознательный христианин говорит: „если вы мне скажете, какова была воля моего бога в отношении народа, я вам скажу его историю“.

11. Коммунизм написал на одном из своих знамен: свобода. Правоверное же христианство имеет на своем соответствующем знамени надпись: покорность. Сознательный коммунист говорит: „знамя свободы является символом моей свободы, как сына человеческого, познающего и проповедывающего все развивающееся откровение природы, для того, чтобы жить согласно ему, это значит знать и жить земной жизнью в постоянно растущем объеме, тут же, теперь же, где-либо или когда-либо, если вообще можно говорить о какой-либо иной личной, сознательной жизни“. Сознательный христианин говорит: „знамя покорности есть символ моего рабства, как сына божьего, с которым я связан, от которого я получил жизнь и должен проповедывать веру, раз навсегда переданную мне святыми в ветхом и новом заветах, или иначе я потеряю вечную жизнь на небе, которая следует за временной жизнью на земле“.

12. Коммунизм написал на другом своем знамени: „Справедливость к Человеку“. Правоверное же христианство написало на своем соответствующем знамени: „лю-

божь к богу". Сознательный коммунист говорит: „моя цель—делать по отношению к другим то же, что я хотел бы от них по отношению к себе при таких же обстоятельствах". Сознательный христианин говорит: „моя цель—любить бога всем сердцем, разумом и душой“.

И если есть еще дальнейшие контрасты между социализмом и христианством, то все они обнимаются нижеследующими тремя положениями, достаточными, чтобы показать, насколько невозможно сознательному христианину стать сознательным коммунистом.

1. Маркс хочет спасти мир посредством уничтожения обоих классов—господ и рабов, Иисус—превозношением класса рабов над классом господ.

2. Маркс призывает класс рабов полагаться на себя самих для своего освобождения, Иисус учит полагаться на бога.

3. Маркс обещает спасение на этом свете, здесь; сейчас, в хорошо всем известном мире; Иисус обещал его в другом мире, неизвестно где и когда, в мире, о котором никто ничего не знает.

Мир никогда не имел более превосходного евангелия, чем евангелие коммунизма. Евангелие Иисуса Христа, согласно официальному толкованию, не составляет исключения, потому что, допуская его превосходство над моисеевыми, буддийским, магометанским и др. евангелиями, нужно все же поставить его бесконечно ниже марксистского евангелия.

Евангелие, предназначенное для спасения мира от его страданий, евангелие Иисуса и Маркса—сходны в том, что имеют общей целью спасение пролетарского мира.

V.

Приблизительно три года тому назад ¹⁾ я пришел к выводу, что я провел свою долгую жизнь в усердной службе церкви, проповедуя ложь, ценой постоянного ущерба для своего здоровья и временных денежных

¹⁾ В 1917 г.

Прим. автора.

затруднений; следовательно, я имел несчастье убедиться, что вся эта часть моей жизни, ее цвет, была в большой степени, если не целиком, потеряна напрасно, даже хуже. Что же оставалось делать?!

Мои друзья говорили мне весьма откровенно, а некоторые в довольно грубой форме, что, потеряв веру в спиритуалистические догмы официального христианства, как они буквально истолкованы церковью, я утратил драгоценную жемчужину.

Моя душа сказала мне, что я никогда не обладал этой драгоценностью, но что даже при небольшом времени и слабых силах, которыми я располагаю, я могу найти ее, если перестану искать ее в мире сверхъестественного под руководством божественного авторитета, и начну ее искать в реальном мире, под руководством человеческого разума.

К счастью, когда вера исчезла, мужество явилось у меня, и оно росло вместе с моим отчаянием, хотя я стою на пороге смерти, на пороге глубокого и неведомого потока, который течет во мраке, отделяя настоящее от будущего. До тех пор, пока я не собрался с силами и не взялся за высшую задачу моей жизни—порвать цепи, которыми я был привязан, как раб, к унижительному суевию; с одной стороны, я был обречен на это, благодаря наследственному и усиленному воспитанием предрасположению, с другой стороны, благодаря врожденной слабости, беспомощный и бессильный сам себя освободить.

Из таких сковавших меня цепей назову три самых крепких, отдельные звенья которых теперь разбросаны вокруг меня:

1. Цепь страха божьего, 2) цепь страха перед дьяволом и 3) цепь страха перед человеком.

До сих пор я был дитя, мыслил как дитя, понимал как дитя и говорил как дитя.

С этих пор я должен стать человеком, великим, сознательным существом, который связан с этим миром, и, как человек, я отбрасываю от себя все детское, особенно наиболее ребяческое из всего: страх перед богом, страх перед дьяволом и страх перед человеком.

Проповедники спиритуалистической религии говорят, что в страхе божьем спасение. В нем—проклятие. Всякий, питающий страх перед сознательным личным господином, кто бы он ни был, где бы он ни был, бог ли на небе, дьявол ли в преисподней, или человек на земле—несвободен, он раб, он еще не вырос до уровня человека. Лишь страх перед невежеством спасителен, невежество—бог-разрушитель. Нет никакого дьявола, ни на земле, ни в преисподней. Существует лишь один дьявол в нас самих—страх перед познанием.

Бог, спаситель мира,—знание. Нет никакого Христа на земле или в небесах над ней. Существует лишь один Христос в нас самих—страх перед невежеством.

К счастью, я прислушался к голосу своей души и нашел драгоценную жемчужину. Да, целый клад. Так что теперь я могу заменить в своих проповедях каждую ложь, которую я раньше проповедывал, истиной, и, таким образом, спасти себя; но горе для меня, если я не совершу этой замены борьбой против лжи за торжество правды.

В течение трех последних лет я узнал, что так как я не был производителем с начала моей священнической деятельности, т. е. более чем целое поколение, у меня ничего нет собственного для дел благотворительности; это также верно по отношению к госпоже Браун.

Тот не производит, кто не выращивает хлеба на поле, не производит ценностей на заводе, не делает открытий в лабораториях или не оказывает необходимых или важных услуг тому, кто производит такие ценности. Я ничего такого не делал. Если бы я проповедывал истину, я оказал бы такую услугу, но я проповедывал ложь.

Всякая собственность по справедливости должна быть в руках производителя-рабочего, а не ленивого бездельника.

Это одна из двух величайших и спасительных истин, известных человечеству. Недавно я отметил это на квитанции Красного Креста, написав на верхнем левом углу: „Дар неизвестных рабочих через посредство епископа и г-жи Браун, чья собственность — плоды каторжного труда и жертв этих безымянных рабочих“. Этим призна-

нием, я победил огромную ложь, ложь, согласно которой спасение мира зависит от капиталистов и их слуг, — священников — одесную и политиков — ошуюю. Спасение, или что то же, цивилизация, всегда зависело и будет всегда зависеть от производителя. Оно не будет достигнуто до тех пор, пока рабочий класс не покончит с классом капиталистов. Идеальная цивилизация (которая является спасением мира от его ненужных страданий, особенно происходящих от дьявольской троицы — войны, нищеты и рабства) по самой природе вещей невозможна на основе классового общества даже в нашей англо-саксонской церкви, наилучшей выразительнице традиционной религии, и в нашей американской демократии — лучшей выразительнице буржуазной политики.

Между трогательными картинами в связи с войной нужно заметить следующую — рабочий класс приносит величайшие жертвы не только своей жизнью, но и деньгами.

В полном противоречии с общим впечатлением, капиталисты, как таковые, нисколько не участвуют в огромных и разорительных расходах, связанных с войной. Когда Рокфеллер выплачивает 3 миллиона долларов военного налога, он распоряжается тем, что принадлежит по справедливости рабочим, потому что они заработали это, а не он. Капиталисты, как таковые, ничего не зарабатывают и ничего своего не платят, ни во время войны, ни во время мира.

Такова первая великая истина, другая, еще большая, такова: все по праву принадлежит производительному рабочему. В человеке заключаются все возможности его собственной жизни. Это справедливо по отношению к миру в целом, а потому необходимо верно для всего, что в нем находится.

Итог обеих истин — спасение мира — всецело зависит от производителей, каждый из них должен только заботиться о развитии своих духовных и физических сил и совместно сотрудничать для выполнения своей исторической миссии.

Во всей своей прошлой священнической деятельности я боролся с этими великими истинами и проповедывал великую ложь, представляя, что спасение мира зависит от потусторонней силы, которая на небесах, а не в человеке, что рай над землей, а ад под землей, а не на ней.

Когда я начал свою теперешнюю деятельность, предаваясь научным занятиям,

Я послал свою душу через невидимое
Принести вести потусторонней жизни,
И мало-по-малу она вернулась ко мне
И ответила: „во мне самой и рай и ад“.

Омар, поэтический астроном, мог бы прибавить еще одно четверостишие, которое оканчивалось бы словами: „я сам—бог“.

Это в сущности то, что сказал Иисус: „Я и Отец мой едины суть“. То же верно по отношению к вам, ко мне и ко всякому человеку.

Иисус заявлял, что как бог-отец, так и бог-сын живут в сердцах верующих. Но каждый выдающийся факт, научно установленный (а их огромное множество) приводит к заключению, что христиане не более божественны, чем другие народы, и что по самому существу своей природы человек не стал бы менее божественным, чем он есть, если бы даже Иисуса никогда не было.

Боги на небесах (Иисус, Иегова, Аллах, Будда) все хороши, как суб'ективные символы человеческих сил и качеств и законов природы, так же, как и знаки Зодиака для звезд. Дядя Сам в Капитолии и св. Клаус в санях вполне хороши, как символы, но все такие боги—ложны, если смотреть на них, как на об'ективные реальности, существующие независимо от тех, кто создал их божествами и поместил их в небесные жилища.

То, что справедливо в отношении богов, одинаково справедливо и в отношении различных спиритуалистических религий. Поскольку они не являются чистым суеверием, они служат символом воображаемых событий, о которых народ думает, что они должны произойти в будущем, или же произошли в прошлом. Это вовсе не изло-

жение исторических событий, которые были или будут. Так же, как я не нашел необходимым отказаться от христианского бога, или от того, что связано с ним, и не имею намерения так поступить в будущем, я не отказываюсь и от американского дяди Сама и всего, что к нему относится, но для меня и брат Иисус христианской религии, и дядя Сам американской политики—на одном уровне так же, как и другие, им подобные субъективные символы. Я мог бы быть евреем и англичанином, с той же добросовестностью, как и христианином и американцем.

Многие из первых христиан были также язычниками, поклонниками других богов, на ряду с Иисусом.

Все это не больше половины моих религиозных и политических воззрений.

С одной стороны, в отношении религии я могу быть чем угодно, но только не правоверным сектантом.

Это правоверие—пасквиль на человечество. Мир обязан ему большей частью ненужных страданий, теми, которые внесены в мир дьявольской троицей: гонением, невежеством и суеверием.

С другой стороны, как политик, я тоже могу быть чем угодно, но только не националистом-сектантом. Этот национализм—пасквиль на человечество. Мир обязан ему большей частью ненужных бедствий, тех, которые внесены в него дьявольской троицей: войной, нищетой, рабством.

В надежде, что вы покинете христианский социализм ради коммунизма и соедините свои усилия с моими для изгнания богов суеверия и вымысла с небес и лживых грабителей—капиталистов с земли.

С пожеланием всего лучшего сердечно ваш

В. М. Браун.

ПОБЕДА ПРИСПОСОБИВШИХСЯ.

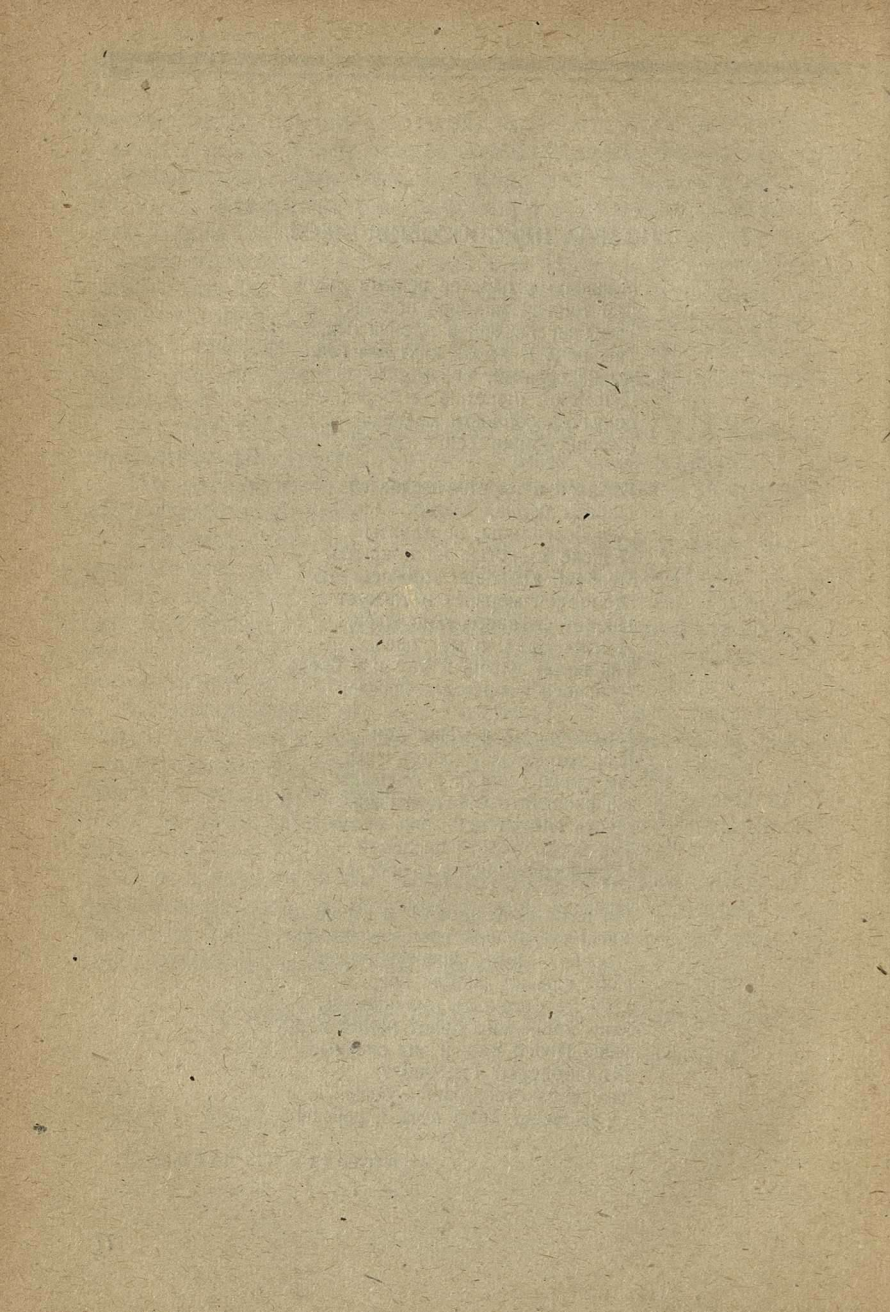
Медведю в царстве вечных льдов
Дан теплый меховой покров.
Там снег глубок и крепок лед,
Там ночь и холод круглый год.
Но не страшит его мороз,
Пушистой шерстью он оброс.
Ведут способности медведя
Приспособившихся к победе.

Явилась в царство медведей
Порода цепкая людей.
Они бессильны, неразвиты
И даже шерстью не покрыты.
Медведь злорадно торжествует,
Пришелец мерзнет и тоскует.
Но вот он зверя подглядел,
И мясо съел, и мех одел.
Так водит жизнь в яву и в бреде
Приспособившихся к победе.

Миллионеры в наши дни
Как тот медведь защищены.
Им среди бедных и больных
Не сосчитать богатств своих.
Пусть гибнут все—они живут.
Так водит золото наследий
Приспособившихся к победе.

Но вот народ простой и странный,
Бессильный, без гроша в кармане,
Простых людей простой народ
Себе сказал: „пойду вперед.
Нам не страшны миллионеры,
Мир наш—мир будет нашей веры.
Ведь много нас, и мы сильны.
Миллионеры? Где они“?
Так чрез страдания и беды,
О, человек! Твой путь к победе!

Шарлотта Ститсон.

Гоните капитализм из государства и ортодоксальную веру из церкви

КОММУНИЗМ и ХРИСТИАНСТВО

ИССЛЕДОВАНИЕ и ПРОТИВОПО-
СТАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ДАРВИНИЗМА и МАРКСИЗМА

Часть II

ХРИСТИАНСТВО—спиритуалистическое, потустороннее евангелие прошлых веков классового неравенства и экономического рабства.

Открытое письмо христианскому теологу и брату церковнослужителю.

ПРЕДИСЛОВИЕ ¹⁾.

ПОНЯТИЕ христианского социализма, противоречивое в самом сочетании этих слов, по существу своему безусловно враждебно интересам рабочего класса и его классовой борьбе.

Политика христианского социализма есть политика примирения классов, братства грабителя и жертвы, но не уничтожения классов. В самом деле, нескрываемая им задача состоит в том, чтобы очистить социалистическое движение от пропитывающего его материализма (а это значит очистить его от социализма) и отвлечь его от материальных целей и бесплодной погони за блуждающими огнями потустороннего мира. Христианский социалист, по существу—противник социализма.

Ясно, что социалистическая философия в самой своей основе безусловно несовместима с религиозными взглядами; в самом деле, последние доведены до логического абсурда в так называемой „христианской науке“.

Больше того, последовательный христианин, если таковой есть, должен был бы рассматривать мир, как результат промысла божьего, изменяющимся по воле божьей, и объяснить его только богом. Он должен был бы рассматривать тех, кто стремился объяснить общественные условия чисто-естественными причинами, и кто пытается использовать экономическое развитие с тем, чтобы обратить эту юдоль стенаний в благоуханный сад, как людей, своими действиями отрицающих самую основу его веры.

¹⁾ Из официального манифеста коммунистической партии Великобритании, указывающего на противоречие между марксизмом или коммунизмом и религией.

Прим. автора.

Христианство—спиритуалистическое, потустороннее евангелие прошлых веков классового неравенства и экономического рабства.

Придите и помогите нам. Покиньте реформизм во имя революционного социализма.

Дорогой мой брат!

Ваше письмо (от 1-го апреля 1920 г.), заключающее в себе попытку объяснить „существует ли бог“, попало мне в руки как-раз во-время, за что сердечно благодарю вас; попытка эта удалась мастерски, и я надеюсь, что вы представите мне эту копию или сделаете новую для меня, чтобы я мог ссылаться на нее, когда буду говорить на эту тему.

I.

В вашем споре с другом, о котором вы говорите, вы правы, а он всецело ошибается. В последнем счете вопрос сводится к тому, содержит ли иудейская и христианская библия непогрешимое откровение всеведущего существа—триединого бога-отца, сына и святого духа. Это не так. Об'ективно такого божества нет. Оно существует лишь суб'ективно, в воображении верующих христиан. Вы не согласны в этом со мною, но каждый день глубокого размышления и изучения этого вопроса усиливает убеждение, что это так. Ни один из сверх'естественных богов положительных религий не существует об'ективно. Более примитивные из них обыкновенно духи умерших людей, более совершенные—версии солнечного мифа.

Единый бог евреев и христианская троица, если говорить серьезно,—суеверие; и библейские откровения об их воле и деяниях, если понимать их буквально,—ложь.

И ветхий и новый завет, как исторический документ, не представляют никакой ценности; 12 патриархов библейского Иеговы—не исторические личности, а мифы; то же можно сказать о 12 апостолах евангелия.

Да, ветхий завет—иудейская версия, существующая с незапамятной старины общераспространенного солнечного мифа, неоднократно переделанного не в интересах истины, но чтобы вызвать убеждение, что Иегова и его народ—величайшие проявления сверхъестественного существа; новый завет—христианская версия того же мифа, только с тенденцией доказать, что не Иегова и евреи, а Иисус и христиане таковы.

Сам по себе солнечный миф, как символ, не только поэтически прекрасен, но научно верен; но понимаемый буквально невеждой он становится суеверием, а образovanным человеком—самообманом.

В действительности солнце есть бог-творец, которым живет и движется весь мир: оно—бог-спаситель, который родился от непорочной туманности и который каждую зиму спускается в преисподнюю и воскресает из мертвых (зимнее солнцестояние) и поднимается на небеса, чтобы сесть по правую руку отца—в северном солнцестоянии—и, наконец, это бог, который освещает каждого человека, рождающегося в мир.

А апостолы, которые проповедывали евангелие об искуплении мира,—12 знаков Зодиака, которые солнце проходит в своем годовом движении от летнего солнцестояния к зимнему.

Но это не все: „Агнец божий, который искупает грехи мира“—знак зодиака Арий, через который солнце проходит к концу марта, когда все боги-спасители ежегодно умирают и снова воскресают. Восхождение символизирует возвращение солнца к летнему солнцестоянию от зимнего, вследствие чего возвращается время посевов и от чего зависит урожай, без которого погиб бы мир, конечно, не от грехов, а от голода.

Иегова—солнечный миф—совпадает с идеалами и надеждами господствующего класса собственников иудеев.

Иисус—солнечный миф—совпадает с идеалами и надеждами господствующего класса христиан.

Христианский бог Иисус, благодаря разделению труда, совершеннее иудейского Иеговы. Задача господствующего класса собственников—двойная: обирательство сильными собственниками слабых, путем войн, и обирательство рабов господами, что при капиталистической системе выражается в прибавочной стоимости.

Иегова служит христианам как бог войны. Во имя его они ведут войны, либо как отдельные группы наций, с различными торговыми интересами, как это было во время гражданской войны в Соединенных Штатах, либо с теми или иными народами против других народов, с различными торговыми интересами, как это было в революционную войну колоний с Англией или мировую войну союзников с центральными странами.

Иисус служит христианам, как бог рабства. Когда они выигрывают завоевательную войну, как наши предки против индейцев Америки, или когда они, как повсюду капиталисты, присваивают орудия производства, они стремятся примирить угнетенных с земным адом рабства, нуждой, лишений, скорби, проповедуя иисусово евангелие, обещающее на небесах награду, вечный покой, радость, довольство и свободу.

Одни о славе мира воздыхают,
Другие грезят о грядущем рае.
Берите дар! Не верьте обещаниям:
Труба затрубит, вас не ожидая.

Заставляя иудейского бога служить их грабежам и рабству, христианский господствующий класс заботится о дальнейшем разделении труда созданием святого духа, который приносит новые откровения воли Иеговы и истолковывает более ранние, как они подобраны в библии. Обыкновенно предполагают, что господствующий класс—самый сильный, но это не так. В действительности труд является гигантом-Самсоном, и было бы невозможным

для пигмея-капитала обокрасть его, если бы не невежество. Святой дух поэтому старается держать класс рабов в невежестве.

Английско-германская или, если угодно, германско-английская война открыла глаза гиганту-труду, и капитал будет разрушен, если ему не удастся снова усыпить труд.

Капитал знает, что Маркс был прав, характеризуя ортодоксальное толкование религии, а в особенности христианской, как опиум.

Церкви были усыпальницами, в которых рабы спали в темные ночи веков невежества, но свет веков науки засиял над миром, и большинство рабов покинуло церкви и теперь—вне влияния своих пастырей-священников.

Когда я писал соответствующий план ¹⁾ о соединении церквей, я верил, что это соединение их будет благословением для мира, но теперь я убежден, что это было бы проклятием. Объединенная церковь сотрудничала бы с Лигой Наций в общих грабительских и угнетательских целях, так как церкви лгут, а нации принуждают.

II.

Мы живем в век науки, и для верных детей этого века только научные факты могут приниматься в расчет.

С научной точки зрения существует лишь Универсальное Царство жизни: природа. Это царство может быть разделено на три или четыре государства—Соединенные Штаты жизни: минералы, растения, животные, люди.

Начиная с высшего, каждое из этих государств, исключая самое низшее, зависит от предыдущего низшего. Единственное автономное государство—это царство минералов. Оно самое великое по своей обширности и важ-

¹⁾ „Общий план церковного союза“, опубликованный в 1910 г.

Прим. автора.

ности. Это общий источник снабжения всех государств, жизнь и основа каждого из правительств.

Все теологи и некоторые метафизики принимают еще одно государство жизни—божественное,—ставя его над остальными как их источник.

Конт, предшествовавший Марксу, как социальный философ, является основателем современного социализма реформистского типа в то время, как Маркс является философом-революционером. Конт сказал следующее о теологах, метафизиках и ученых, и он был прав: „Посредством изучения развития человеческого интеллекта во всех направлениях и во все времена, открывается великий основной закон, которому оно подчинено, опирающийся на солидные доказательства, как из фактов нашей организации, так и из нашего исторического опыта. Этот закон следующий: каждое из наших главных понятий—каждая отрасль нашего знания—проходит последовательно через три различные теоретические стадии: теологическую, метафизическую и научную, или позитивную. Другими словами, человеческий разум, по своей сущности, пользуется в своем прогрессе тремя методами философии, характер которых совершенно различен и глубоко противоположен, а именно: теологическим методом, метафизическим и позитивным. Отсюда вытекают три явления, каждое из которых исключает другие. Первое—необходимая исходная точка человеческого понимания; последнее—это его окончательное состояние. Второе—переходная стадия“.

Для того, чтобы человек, который достиг научной стадии в своем интеллектуальном развитии, мог понять рассуждения тех, кто еще находится в стадии теологического детства или метафизического отрочества, ему необходимо рассматривать их нереальные представления как символ их реальной жизни.

Единственная разница, которую я вижу между теологом и метафизиком, состоит в том, что первый олицетворяет общую идею, которая является созданием его воображения, называя ее богом,—последний же придает объективное существование свойству, являющемуся также

плодом его воображения, называя его субстанцией; но всякое такое олицетворение и обобщение (боги, вещи в себе, жизненные силы, души) одинаково фиктивны, потому что не вышедшие еще из стадии детства теологи и метафизики основываются лишь на умозрительной субстанции, а не на научно установленных фактах, образующих путь, по которому шествуют взрослые.

Конт анализирует разницу между умственным уровнем теологического детства, метафизической юности и научной зрелости следующим образом:

„В теологической стадии человеческий разум, стремясь к познанию сущности первопричин и конечных целей всех явлений, короче—к абсолютному познанию,—предполагает, что все явления природы—продукт непосредственного действия сверхъестественных существ.

„На метафизической стадии, которая является лишь некоторым видоизменением первой, разум предполагает на место сверхъестественных существ абстрактные силы, субстанции, т.е. олицетворенные абстракции, присущие всем существам и способные вызывать все явления. То, что на этой стадии называется объяснением явления, не что иное, как объяснение посредством абстрагированной от самого же явления субстанции.

„Наконец, на позитивной стадии—разум, отказавшись от бесплодных поисков абсолютных понятий, от попытки постигнуть происхождение и назначение вселенной и первопричины явлений, предается исключительно изучению законов явлений, т.е. неизменно повторяющихся отношений последовательности и сходства. Размышление и наблюдение в правильном сочетании—средство к этому познанию. То, что мы теперь понимаем под объяснением фактов, есть просто-на-просто установление связи между отдельными явлениями и некоторыми общими факторами, число которых постоянно уменьшается с прогрессом науки.

„Нет такой науки, которая, достигнув позитивной стадии, не сохранила бы следов прохождения через другие стадии.

„Еще недавно она была пропитана метафизическими абстракциями (как мы можем теперь заметить), а значительно раньше заимствовала свою форму от теологических представлений. Наши наиболее развитые отрасли науки носят очень ясные следы двух более ранних периодов, через которые они прошли.

„Развитие индивидуального сознания может служить не только для иллюстрации, но и для наглядного изображения развития общественного сознания. Исходная точка развития индивидуума и расы тождественна, фазы в развитии индивидуального сознания соответствуют эпохам в развитии расового сознания; так, каждый из нас может убедиться, оглянувшись назад, на самого себя, что он был теологом в детстве, метафизиком в юности и позитивным философом в зрелом возрасте. Все люди, достигшие зрелости, могут проверить это на самих себе“.

Согласно научной классификации имеется лишь три царства природы: минеральное, растительное и животное.

Жизнь растительного царства возникла из минерального и опирается на него.

Известный ученый, проф. Лоуэлль, говорит: „Теперь нет больше оснований сомневаться, что растения произошли благодаря химическому родству так же, как и минералы“. И почти все выдающиеся зоологи сказали бы то же о животных.

Бердон Сандерсон, один из знаменитейших биологов, утверждает, что „в физиологии слово жизнь нужно понимать, как химическую и физическую деятельность составных частей организма“. Известный Рэй Ланкестер горячо утверждает, что „зоология есть наука, которая стремится сгруппировать и объяснить явления и формы животной жизни, как следствие действия физико-химических законов“; больше того, он говорит, что не знает ни одного выдающегося биолога, который был бы иного мнения. Первый среди биологов, покойный проф. Геккель был того же мнения и подкрепил этот взгляд неопровержимыми доводами в нескольких крупных работах, особенно в своей книге „Мировые загадки“.

Нет силы, которая не была бы жизнью; нет жизни, которая не была бы силой. Вне тела, как химической лаборатории, нет жизни или силы, о которой мы могли бы что-нибудь знать; насколько известно, существует лишь единая жизнь—сила.

Различие между жизнями зависит от различия организмов—лаборатории, в которой проявляется сила.

Жизнь, действием которой приводятся в движение колеса локомотива, распускается древесная почка, бьется сердце животного, мыслит мозг человека—представляет лишь различие в организации одной и той же химической сущности. Во все исторические времена, на всей земле, под тем или иным именем устраивались специальные дни праздника жизни, в роде Рождества, Нового Года и Пасхи. Нет ничего более чудесного чем жизнь, и быть-может, величайшее из ее чудес то, что повсюду она имеет ту же сущность. Всякая вещь и всякое существо живут одной и той же жизнью. Существуют Троицын день—колоса пшеницы, Рождество—день сына человеческого, Пасха—день сына божьего (если только есть личные, сознательные боги и сыновья у них); жизнь, прославлению которой они служат, одна и та же в своем существе, отличаясь лишь формой и степенью, а не родом.

Доказательством единства и тождества жизни, несмотря на бесконечно разнообразные формы и степени ее, является и тот факт, что железный брус, деревянная палка, кусок мяса и часть мозга одинаково реагируют на раздражение электричеством и могут быть отравлены или иным способом убиты, так что перестанут реагировать. Пожалуй, еще более убедительно то, что яйца (обе формы жизни, растительная и животная, развиваются из яйца) некоторых животных, стоящих довольно высоко на древе жизни, имеющем один корень и ствол, но два разветвления, растительное и животное, могут быть механически оплодотворены химическим путем.

Даже Оливер Лодж, самый выдающийся среди сравнительно немногочисленных ученых, которые придерживаются теории, что жизнь приходит на землю как суб-

станция небесного происхождения и назначения, делает следующее роковое для него допущение: „В каждом жизненном акте слишком уж много химии, физики и механики“.

Согласно традиционному христианству, не было никакой связи между физикой, химией и механикой и теми жизненными процессами, которые создали мир и все, что в нем, включая землю с ее растительным, животным и человеческим царствами.

Представитель каждой формы жизни в царствах живой природы (в растительном: стебель травы, колос пшеницы, дуб, или в животном: насекомое, лошадь, человек) является химической лабораторией для производства, поддержания, развития и воспроизводства данного типа единой универсальной жизни. Эти лаборатории заключают в себе все возможности жизни. Нет лаборатории — нет химии. Нет химии — нет жизни. Жизнь в своем характере и проявлениях определяется формой организации, в которой сила (а всякая сила есть жизнь) становится особым частным жизненным явлением. Это так же верно в применении к государству и церкви, как и к растениям и людям; церковь и государство такие же реальные жизненные явления, как растение или человек.

Противоречие современного реформистского социализма состоит в том, что он берется за невозможное: изменить капиталистический строй в коммунистический, не изменяя политической организации общества, что также невозможно, как нельзя собрать винограда с шиповника, или винных ягод с чертополоха. Следовательно, необходимо сделать пересадку (революцию, а не реформу), которая даст миру новое древо государства. Капитализм не выращивает больше плодов (пищу, одежду, жилище), которые необходимы для существования человечества. Следовательно, он стал сорной травой и должен быть вырван с корнем для того, чтобы на его место посадить новое дерево, которое будет приносить необходимые жизненные блага. Русский народ сделал эту пересадку (эту революцию) в своем государстве. И другим народам предназначено сделать то же самое, тем

или иным путем, согласно своему историческому и экономическому развитию, одним—насильственными средствами, другим, надеюсь, мирными. Русские большевики занимают самое высокое место в истории человечества, и, пока они держатся, мир приближается к коммунизму. Коммунизм—древо жизни, плоды которого являются поддержкой для нации, а листья которого целительны.

Единственная жизнь, о которой нам необходимо знать, это жизнь нашего тела, заключающаяся в химических процессах и подверженная сознательному или бессознательному влиянию расы. Если существует другая жизнь, пусть она сама позаботится о себе, мы же позаботимся о своей.

Следовательно, жизнь всегда одинакова по своему существу, и мораль, религия, христианство лишь ее проявления. Разве вы не видите, как глубокий и неопровержимый мой взгляд? Согласно этому взгляду всякая форма христианства (протестантская, и католическая: общинная, пресвитерианская, англиканская и римско-католическая) и всякая форма религии (христианская, иудейская, буддийская, магометанская и прочие) в основном стоят на том же фундаменте. Разница между ними — лишь вопрос естественного превосходства, ни одна из них не может претендовать на монополию божественного происхождения.

Биология подтверждает мой взгляд, доказывая, что как животное, так и человек одинаковы по своему происхождению, характеру и назначению.

Социология подтверждает мой взгляд, доказывая, что учреждения животных и людей одинаковы, а, следовательно, нет ничего более сверхъестественного в человеческом государстве или церкви, чем в муравейнике или пчелином улье.

Историческая критика подтверждает мой взгляд, доказывая, что священные книги различных религиозных культов одинаковы по своему человеческому происхождению и своему научному весу.

Сравнительная история религии подтверждает мой взгляд, доказывая, что все сознательные, личные боги-

творцы, боги-разрушители, боги-спасители и боги-просветители, со всеми своими ангелами, раем и адом—являются мифами, созданием человеческого воображения, субъективным вымыслом, а не объективную реальностью.

До сравнительно недавних времен, в течение всей теологической стадии истории человечества, на солнце смотрели повсюду, как на бога. Безусловно, без него не могло бы быть жизни на земле, и его ежегодный кругооборот может создать впечатление рождения и смерти: рождения—при переходе через точку летнего солнцестояния, смерти—схождения в ад или могилу при зимнем солнцестоянии. Солнце не только дает и поддерживает жизнь, но оно светит каждому человеку, приходящему в мир.

Современная наука оправдывает это старое представление зависимости земли и всего, что на ней имеется, от солнца. Философы и ученые могли бы легко воспользоваться подлинными словами апостола Иоанна, в начале его евангелия, где он говорит об Иисусе то, что ученые говорят о солнце. „Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков“¹⁾.

Рождение, смерть, погребение, воскресение и вознесение всех богов-спасителей, не исключая и Иисуса, являются версиями солнечного мифа.

Но естественность, всеобщность, красота и вместе с тем правдивость этого мифа таковы, что делают почти нежелательным или даже невозможным считать его суеверием, к которому он несомненно должен быть отнесен, если была бы необходимость принимать его буквально.

Чем больше наука движется вперед, тем поэтичнее и правдивее представляются боги-спасители, мифологическое олицетворение солнца-победителя и счастливых событий его годовичного кругооборота: он него происходит земля с своими братьями и сестрами планетами, и от него получает она, не говоря о прочих планетах, тепло, свет и силу, что делает жизнь на ней возможной.

¹⁾ Евангелие от Иоанна, гл. I, 3, 4.

Прим. переводчи.

Нет основания полагать, что какой-либо из богов четырех старых спиритуалистических толкований религий (Иегова, Иисус, Аллах, Будда) или кто-либо из богов двух новых толков, принадлежащих известному физику Оливеру Лоджу и выдающемуся социологу Уэльсу, больше участвовали в создании, сохранении и управлении миром, чем солнце, т.е. нет основания верить, что сознательные личные боги на небесах, в одиночку или все вместе, чем-нибудь причастны к миру.

Наука, как она понимается большинством ее представителей, учит, что земля со всеми своими существами, физическими и психическими, которые сделали мир таким, как он был, есть и будет, сначала была частью солнца и скоро распалась бы на свои первоначальные, неорганизованные элементы, если бы не солнце.

Это справедливо как по отношению к человеку, так и ко всему остальному.

Человек со своим мозгом и мыслями, со своими руками и способностями, со своими домами, полями, городами, шахтами, складами, кораблями, поездами, школами, госпиталями и церквями, со своей ненавистью, жестокостью и варварством, со своей любовью, человечностью и цивилизацией, существовал в солнце миллиарды лет до своего появления на земле.

Можно сказать в связи с мировой войной: в солнце, прежде чем от него отделилась земля, был кайзер на троне, президент в Белом Доме, миллионы солдат со своими мундирами, пайками, крепостями, пушками, ружьями, порохом и выстрелами, траншеями, колючей проволокой, дредноутами, подводными лодками, аэропланами, станциями беспроволочного телеграфа, ранеными, их страданиями и стонами, докторами, сестрами милосердия, трупами, инвалидами и разбитыми сердцами, все связанное с ужасами войны. Осиротелые матери и вдовы, опозоренные девушки, разоренные поля, разгромленные города были в солнце с самого его начала, когда оно еще было туманностью, многие тысячи лет до рождения земли.

Если мы исключим случайных пришельцев нашей солнечной системы, как кометы, в виду их незначительного влияния, мы сможем сказать, что каждое физическое и психическое явление, которое когда-либо имело место в истории нашей планеты и ее братьев и сестер, уже было в этом обширном водовороте вращавшейся газообразной туманности, которая, как известно, некогда имела, по меньшей мере, 5 биллионов миль в диаметре или 15 биллионов миль в окружности.

Безусловно ни одно явление, как, например, Иисус, распятый на кресте, если он действительно жил и был распят, не был, как таковой в солнце, но потенциально существовал в нем. Тем не менее он, со своим учением и своими страданиями, был там, иначе его не было бы нигде, ни в истории, ни даже в воображении.

Мир всегда таков, каким он может быть, и каждая возможность, которая делает его таким, каков он есть, заключена в нем самом. То, что справедливо по отношению ко всей вселенной, то одинаково справедливо и по отношению к любой части его, включая и человека, особенно человека, потому что он один способен направлять свою судьбу, будучи в состоянии не только предохранять свою жизнь открытием законов природы, от которых он зависит, и приспособлением к ним, но также расширять и обогащать их содержание, заставляя их служить себе.

Недалеко то время, когда все образованные, мыслящие мужчины и женщины поймут, что священная книга традиционного спиритуалистического христианства не есть евангелие, потому что его учение в трех основных вопросах противоречит выводам важнейших наук:

1. Астрономия, геология и биология учат, что представление традиционного спиритуалистического христианства, согласно которому вселенная, включая и землю с ее физической и психической жизнью, создана из ничего сверхъестественным путем сознательным, личным богом — неправильно, а потому не может быть частью какого бы то ни было евангелия; согласно выводам этих трех наук правда такова: мир со всем, что

он содержит, не исключая человечества и цивилизации, развился естественным путем взаимодействием из вечно существующей материи и из вечно существующей энергии в силу законов их собственной природы.

2. Биология, физиология и эмбриология учат, что представление традиционного, спиритуалистического христианства, согласно которому мужчины и женщины единственные существа, непосредственно обязанные своим физическим происхождением, своей жизнью и духовными способностями сверхъестественному акту личного, сознательного Творца, которому они подобны—не верно и не может быть частью какого бы то ни было евангелия. Согласно выводам этих трех наук правда такова: мужчина и женщина всем своим существом (телом, разумом, жизнью и душой) развились естественным путем из ранее существовавшей формы животной жизни, они не созданы сверхъестественно из праха и ребра; так что они обязаны своим существованием и находятся в родстве с животными земли, а не с небесным и божественным существом.

3. Антропология, социология и сравнительная история религии учат, что представление традиционного спиритуалистического христианства, согласно которому мужчина и женщина были сверхъестественно созданы по образу и подобию сознательного и личного бога—безгрешного и бессмертного существа и помещены им в рай, потеряли это счастливое состояние из-за змея-искусителя, воплощения дьявола, но были возвращены к нему вочеловечением бога-спасителя—неверно, а следовательно, не может быть частью какого бы то ни было евангелия. Согласно выводам этих трех наук правда такова: в продолжение многих веков мужчины и женщины, как по внешности, так и по своим наклонностям, более походили на животных, чем на богов, и лишь постепенно, без помощи сверхъестественного существа, они поднялись от животного прозябания к цивилизации.

Отсюда следует, что представления как ветхого, так и нового заветов о происхождении и истории человека

лишь фантазия, а не историческая действительность, так что они не заслуживают никакого доверия.

Не может быть никакого сомнения относительно вымышленного характера предания о божественности Иисуса: некоторые думают, что Иисус был историческим лицом, но никто из выдающихся ученых не верит, что мы имеем связный отчет о его жизни и деятельности, а многие из них утверждают, что мы достоверно не знаем, что он говорил и делал.

Ни одно религиозное учение или учреждение, о которых мы имеем сведения в новом завете, не присуще одному только христианству, и это одинаково справедливо по отношению к нравственным предписаниям.

Боги всех спиритуалистических религий—создание господствующего класса, и их откровение было вложено им в уста с целью удержать рабов в невежестве, в подчинении своей участи.

Правоверные христиане искренно утверждают, что эта естественно-научная теория ведет к безнравственности. Еретики-социалисты разумно отвечают, что жизнь, которой мужчины, женщины и дети живут, считаясь больше с земными интересами, чем с наградой или наказанием на том свете, является единственной, имеющей моральную цель.

Согласно социализму, мораль, религия и христианство являются лишь синонимами одной и той же действительности, которая всецело состоит в желаниях и усилиях человека изучить законы и явления природы и согласовать с ними свои мысли и слова, чтобы сделать собственную жизнь и жизнь других на земле возможно долгой и счастливой, а отнюдь не в желаниях и усилиях узнать волю сознательного личного бога и угождать ему, чтобы избежать ада и добиться жизни в раю.

Угрозы ада и надежды рая!

Одно лишь верно: жизнь течет игра!

Одно лишь верно: все здесь—ложь пустая;

Цветок навек поблекнет, отцветая.

Если вы возразите, что это лишь мнение поэта-скептика, то я вам отвечу, что это совпадает с мыслями библейского проповедника ¹⁾).

„Потому что участь сынов человеческих и участь животных—участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все—суета!

Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах“.

Дарвин доказал, что каждый человек в своем физическом развитии из зародышевой клеточки до рождения проходит в сокращенном виде через различные формы жизни: от червяка, рыбы, до полуобезьяны, равно как все, что предшествовало червю, все—промежуточные формы и высшие, следующие за полуобезьяной формы развития. Романес доказал, что это одинаково справедливо по отношению к духовному развитию; действительно, все представители животного мира описаны в физическом и психическом отношении и оказались одинаковы по своему происхождению и назначению.

В своей блестящей книге, озаглавленной „Царство вселенной“, профессор Мур говорит:

„Эмбриональное развитие человеческого существа не отличается от эмбрионального развития любого другого животного. Каждое человеческое существо в начале своего существования—одноклеточное, около 1,125 дюйма в диаметре; на следующей стадии развития оно является тонкой, мешкообразной массой клеточек, без крови и нервов (гаструла); затем оно становится червем с пульсирующей трубкой вместо сердца, без головы, без шеи, спинного хребта и членов; дальше, в виде позвоночного хребта, оно имеет ряд хрящей, тянущихся вдоль спины, и тонкую нервную нить, как у амфиоксуса, низшего позвоночного животного. На следующей стадии оно становится рыбой с двухполостным сердцем, почками, с жабрами и жаберными артериями, ведущими к ним, как и у рыбы; затем оно—

¹⁾ Экклезиаст, гл. III, 19, 20.

Прим. перев.

пресмыкающееся с трехполостным сердцем и клоакой, через которую выходят все выделения, подобно другим пресмыкающимся; наконец, когда оно проходит через послеродовые муки и события, оно становится беспокойным, крикливым, не рассуждающим четвероногим. Человеческий зародыш от 5—7 мес. развития бывает покрыт густой шерстью и имеет настоящий хвост, подобно обезьяне. На этой стадии зародыш имеет всего 38 позвонков, 9 из которых хвостовых, а большой палец ноги, расположенный под прямым углом к другим пальцам, короче их, как и у обезьяны“.

Безусловно не нужно аргументов, чтобы убеждать вас, что дарвинизм подтверждает скорее представление нашего старого еретика-поэта и библейского проповедника загробной жизни, чем современных правоверных теологов.

Не правда ли? Как странно! Мириады
До нас прошли сквозь мрачные ограды,
Но кто из них вернулся рассказать
Тот путь, что совершить и нам ведь надо?
Омар.

III.

В истории рабство выделяется как огромная цепь гор, пересекающая континент. В продолжение долгих веков предполагалось, что эти явления в жизни общества и в природе обязаны своим существованием воле бога (Иисус, Иегова, Аллах, Будда), но авангард человечества ныне пришел к той точке зрения, что и то, и другое—следствие закона природы, а не воли бога; система рабства и горная цепь—продукт одного и того же закона.

Законы материи и энергии везде одни и те же; они всемогущи и непреложны в обществе, как и в солнечной системе.

Один закон потоки слез рождает
И смех крылатый, радостью согретый,
И он же сферу мира сохраняет
И по пространству двигает планеты.

Чаще всего, особенно теперь, наш мир полон слез; их почти столько же, как миров в пространстве, но никогда не было бы даже в половину столько, если бы государственные законы соответствовали законам природы.

В каждом веке, почти все горячие слезы, которые наводняют мир, текут подобно весенним потокам из своих глубоких источников, — результат ненужных страданий, гнетущей нужды, безнадежного рабства, лишних болезней и преждевременной смерти.

Значительное большинство этих страданий вызвано человеческими законами, которые не только не соответствуют законам природы, но прямо противоположны им: законы, которых слишком много, как в гражданском кодексе, так и в священных книгах религии.

Вы согласитесь со мною, что общество никогда не должно было бы наказывать своих сочленов даже кратчайшим тюремным заключением, тем более смертью, без законного на то основания. В этом вопросе мы с вами одного мнения. Мы с вами идем вместе в вопросе о справедливости, но придем же и к общему заключению, что она должна быть правом, а не силой. Что же такое право? Если вы скажете: государственный закон, как он истолкован компетентным судом, я отвечу: право — акт закона, и, следовательно, не истолкование его может быть действительно правом; лишь воплощение истины, необходимой основы для постройки идеальной цивилизации, при которой каждый человек будет иметь наибольшую возможность создать для себя продолжительную и счастливую жизнь и помогать все расширяющемуся кругу лиц создавать такие же условия для себя — право.

Законы не делаются. Все социальные законы (семейные, гражданские, торговые, даже законы нравственности и религии) — законы материи и энергии в такой же степени, как и всякие физические или духовные явления вселенной. Эти законы лишь выражение процессов, необходимо вытекающих из сосуществования и взаимодействия материи и энергии. Следовательно, законы являются вечной необходимостью, и если это так, то невозможно

не только, чтобы люди в государстве или церкви их делали, но даже и боги на небе.

Человек гораздо быстрее продвигался бы по пути прогресса при такой идеальной цивилизации, если бы только в своих усилиях правильно урегулировать свою жизнь он удачно открывал законы природы, как они выступают в явлениях и объясняются опытом и разумом, вместо того, чтобы ждать руководства от законов бога (Иегова, Аллах, Будда или даже Иисус), как они переданы через пророков и объяснены королями, президентами, священниками или проповедниками и другими властями „аще от бога“ в государстве и церкви—учреждениях, которые существуют в интересах класса капиталистов против рабочего класса. Мир обязан большей частью своих остерших страданий этой роковой ошибке—надежде на богов в небесах и на их представителей на земле, управляющих ею, вместо того, чтобы обращаться к природе и разуму.

Жизнь в царстве физической природы должна протекать в гармонии с законами материи—энергии. Представитель какой бы то ни было формы жизни (минеральной, растительной, животной, человеческой), который, благодаря невежеству, случайности или своеволию, не пожелал бы считаться с законом природы, обречен на гибель.

Моральная жизнь в области духа состоит в расположении и стремлении изучить законы материи—энергии и осуществить в мыслях, слове и деле личные обязанности по отношению к самому себе и общественные обязанности по отношению к другим, как они понимаются каждым при свете этого закона.

Религия и христианство, только в более широких размерах, являются одной и той же всеобъемлющей добродетелью и нравственностью, без которой не стоило бы или было бы даже невозможно жить, потому что без нравственности человек становится зверем.

Нравственность—величайшая сила в мире. Однако, как бы это ни казалось парадоксальным, есть еще более великая сила—свобода мыслить, говорить, поступать со-

гласно с своими убеждениями в отношении закона и его требований.

Без этой свободы не может быть нравственности, и, следовательно, свобода выше, чем величайшая сила в мире—нравственность. Но свобода, самое великое и самое необходимое условие для нравственности, религии и христианства и, даже, для существования человека, совершенно невозможна при теории, что человек должен быть направляем волей сознательного, личного бога на небе, согласно ее истолкованию королями и священниками, президентами и проповедниками на земле.

Заметьте, что я не настаиваю на том, что для свободы не нужно внешнего авторитета. Если бы я так думал, вы вполне справедливо могли бы сказать (как это многие из моих друзей делают), что я атеист в религии и анархист в политике; но я ни то, ни другое, потому что я признаю, что я должен жить, считаясь с авторитетом, законом материи-энергии и нет другого закона, от которого зависело бы что-либо хорошее как в религии, так и в политике.

Ни атеист в религии, ни анархист в политике и, вообще, не плох тот, кто в физическом мире старается жить согласно законам природы, а в нравственном мире согласно с истиной, то-есть, тем же законом, как он истолкован человеком в соответствии с его собственным опытом, наблюдением, исследованием и разумом. По природе вещей объяснение закона не может быть дано кем-либо иным, потому что один человек не может жить нравственной жизнью, основываясь на идеалах другого, как он не может жить в физическом отношении с тем, чтобы другой за него питался.

Раз это так, то отсюда следует, что понятие о законе, который дан богом, открыт и формулирован его представителями (пророками, королями, священниками, законодателями), на который человек должен опираться, чтобы жить нравственной жизнью, является, в лучшем случае, безобидной фикцией, а в худшем—вредным суеверием.

Природа—мой бог. Боги различных спиритуалистических религий (Иисус, Иегова, Аллах, Будда)—только

символы этого божества. Слова этого бога—явления природы. Моя религия и политика, вера и патриотизм заключаются в желании и стремлении понять эти явления и жить по-человечески, согласно им.

Мой бог-природа—триединое божество: материя — это бог отец, энергия—бог сын и закон—св. дух.

Природа—сумма материи-энергии, закона, явлений, совокупность которых вселенная. Человек в своем варварстве и цивилизации лишь одно из таких явлений, на одном уровне с остальными, как в своем начале, так и в конце. Полнота его жизни зависит от ее соответствия с законами материи-энергии, и у него нет необходимости обращаться к какой-нибудь человеческой или божественной системе законов в роде тех, что установлены католической или протестантской церковью, империалистическими или демократическими государствами.

Если церковь или государство не убеждают, не поощряют человека и не помогают ему полнее открыть, правильнее толковать закон энергии-материи и совершеннее жить, то они бесполезны; они вредны, если в течение долгого времени, в общем, они препятствуют этому; и несомненно, они были такой помехой для класса рабов—класса, который со времени возникновения частной собственности на орудия производства составлял огромное большинство человечества.

Находится ли человек в состоянии варварства или цивилизации, всецело зависит от знания и применения к практике законов материи-энергии, то-есть, от того, являются ли или нет принципы его символа веры и его политической организации идеологическим воплощением и практическим толкованием фактов, как они проявляются в действиях моего бога-природы.

Нет иного символа веры и нет другого свода законов, которые способны были бы содействовать прогрессу человечества, личному или коллективному в большей степени, чем хоть один шаг по длинному, суровому и крутому пути к цели: совершенной цивилизации, той цивилизации, которая обеспечит каждому человеку возможно большое счастье и возможно долгую жизнь.

Мой бог - природа (триединое божество: материя - энергия, движение) — безличное, лишенное сознания, аморальное существо. Действия природы являются словами единственного евангелия, от которого зависит в какой бы то ни было степени спасение мира.

Во мне лишь, равно как во всяком представителе человечества, этот бог - природа - возвышается до степени личного, сознательного и нравственного существа.

Иисус (безразлично для нашей цели, был ли он личностью или поэтическим образом) сказал: „Я и Отец мой — бог — едины суть“. Говоря так, он выразил в одной формуле наиболее революционную и спасительную из всех истин. Другая формулировка той же истины была дана Дарвином и Марксом: „в человеке заключены все возможности его собственной жизни“. Любой представитель человеческого рода может и должен был бы сказать вместе с Иисусом: „Я и Отец мой — бог — едины суть“.

Стой брат! Куда направил путь?
Где рай? — Твоя, о смертный груди!
Когда не там ты ищешь бога,
Неправильна твоя дорога.

Angelus Silensius.

Истина больше всего облагораживает и вдохновляет человека, и она становится его достоянием естественным путем, а не через божественное откровение.

Она — основа марксизма, или коммунизма, и оправдание оптимизма.

Вселенная со всем, что в ней заключается, находится в движении. И авангард человечества идет к тому, чтобы все большие массы поняли необходимость революции. Революция рабов, имеющих целью свое освобождение из - под власти хозяина, оправдана; больше того, этого требует великий основной закон царства жизни, закон самосохранения, закон, созданный природой в интересах свободы. Этот закон природы уничтожит, в конце концов, все классовые законы, которые установлены в пользу класса поработителей капиталистов против поработенного рабочего класса.

Всякое государство со своими исполнительными, законодательными, судебными, военными и воспитательными органами основано на капитализме.

Поскольку это так, считаясь с человеческой природой, все политические учреждения как в Америке, так и в других странах носят капиталистический характер, установлены капиталистами в своих интересах с тем, чтобы держать рабочего в нищете и рабстве.

Всякая современная церковь со своими священнослужителями, библией, символом веры, раем и адом основана на капитализме. Поскольку это так, считаясь с человеческой природой, все религиозные учреждения, в том числе и христианские, носят капиталистический характер, установлены капиталистами в своих интересах с тем, чтобы держать рабочего в невежестве и рабстве.

Был ли Иисус исторической личностью или поэтическим образом, мораль, заключающаяся в его испытании, осуждении и казни, останется той же. Согласно истории, он был осужден Пилатом, потому что часть народа сказала: у нас есть закон, и согласно его официальному толкованию Иисус должен умереть. Правитель, находя, что закон и судебное решение соответствовали представлению иудеев, передал Иисуса на распятие, и мир осудил Пилата, потому что последний знал, что закон представлял фикцию, а не истину, потому что он толковал его в интересах группы, а не народа, и потому что он подло действовал в своих политических интересах, поступая несправедливо по отношению к героическому, но беззащитному борцу за интересы рабов против рабовладельцев.

Империалистический капитализм,—отец всех царей, которые бросили мир в бездну страданий, не только земных, как Вильгельм II, Николай II, Вильсон I, но и небесных, как Иегова, Аллах, Будда.

Сидящие на троне не в большей степени ответственны за существование империализма, чем сидящие на президентском кресле; последние не в большей степени, чем я, в этом совершенно неповинный. Ответственность, по справедливости, за этот позор, если не во все времена,

то во всяком случае теперь, всецело лежит на представителях рабочего класса. За ними огромное большинство, они преисполнены революционного энтузиазма и мощи; и потому они только одни могут уничтожить империализм и могут устроиться на его развалинах, как захотят. Князь Крапоткин, философ-анархист, великая душа, согласился бы с этим мнением, потому что он говорит:

„Рабочие цивилизованного мира и их друзья в других классах общества должны были бы заставить свой правительства отказаться от мысли вооруженного вмешательства в дела России—открытого или замаскированного, непосредственными военными мерами или путем давления на другие нации.

„Россия теперь переживает революцию столь же глубокою и важную, как та, которую пережила британская нация в 1639—1648 г.г. и Франция в 1789—1794 г.г.; и каждая нация должна была бы отказаться разыгрывать постыдную роль, которую Великобритания, Пруссия, Австрия и Россия играли во время Французской революции“.

Не считая смерти, уничтожающей всякое сознание, самым бесчеловечным и самым безнравственным является сокращение человеческой жизни, а рядом с этим уменьшение счастья жизни.

Война сокращает много жизней, причиняет много бедствий, в этом сущность ее бесчеловечности и безнравственности.

Большая часть мира прошла через горнило войны—войны между Германией и Англией с их союзниками. Все без исключения интернациональные войны происходят из-за соперничества за гегемонию на мировом рынке или же за какие-нибудь преимущества на нем. И последняя война не представляла исключения.

Горнило этой войны было в семь раз жарче, чем в какой бы то ни было прежней войне. Согласно последним итогам (сентябрь 1920 г.) ее бешеное пламя пожрало прямо или косвенно 30 миллионов молодых людей и совсем изувечило вдвое, а частично изувечило втрое больше.

Но тот огонь, от которого мир больше всего страдает длительно, а не только по временам—не пылающий ад интернациональной войны, которая всегда поддерживается капиталистами воюющих наций, с единственной целью обеспечения торговых интересов одной нации за счет другой,—но непрерывный, тлеющий огонь ада классовой борьбы, которая поддерживается классом капиталистов каждой нации тем, что он лишает рабочий класс плодов его труда.

Эти национальные и классовые войны (ад, яркое пламя и тление) обязаны своим существованием тому же закону материи-энергии, закону самосохранения, и, как бы это ни казалось парадоксальным, этот закон одинаково действителен для каждой стороны в каждой войне.

И тот, и другой ад одинаково являются результатом того же закона самосохранения в условиях конкуренции—закона капитализма. И тот, и другой ад будет уничтожен в результате того же закона самосохранения торжеством социалистической системы сотрудничества.

Одним из доказательств преимущества системы сотрудничества является тот факт, что она в интересах всего народа, а не только одного класса, между тем как система конкуренции в интересах только одного класса, а не всего народа.

Другим доказательством превосходства социалистической системы сотрудничества является тот факт, что ее соперница—система, основанная на конкуренции, терпит крушение при всяком серьезном кризисе. И это обстоятельство само по себе почти вполне убедительно. Капиталистическая система, основанная на конкуренции, потерпела крах во всех воюющих странах и ни в одной стране в большей степени, чем в Соединенных Штатах. Тотчас же после их присоединения к мировой войне наше правительство вынуждено было установить контроль над железными дорогами, угольными копиями и продуктами питания.

Классовое правительство, как наше, смогло обеспечить в продолжение войны нужды страны контролем над промышленностью и только им, даже лучше, чем

в мирное время. Чего же мы в праве ожидать в смысле обилия, комфорта и досуга при бесклассовом правительстве, когда не будет больше войны, с ее ужасными опустошениями, и когда все население будет одной великой армией производителей.

Все те дни, которые 50 миллионов солдат проводили в бездействии, были бы праздниками для тружеников, которым так необходим отдых и восстановление сил. И каждый доллар, который теперь расточается, превратился бы тогда в два доллара сбережения, и, таким образом, финансовый под'ем военного времени не только не ослабел бы, но даже укрепился и продолжался бы. При бесклассовом правительстве мир стал бы относительно богатым и счастливым¹⁾.

Представители капиталистического класса стараются создать впечатление, что система государственного регулирования промышленности, которую наше правительство временно установило как военную необходимость, и есть социализм, и что рабочему классу остается лишь стремиться к ее восстановлению и сохранению.

Но эта система—тот же волк в овечьей шкуре.

Система конкуренции — расшатанный дом, в котором мы живем. Она не может перейти в систему социалистического сотрудничества, по крайней мере, при его настоящем зыбком фундаменте классового капиталистического общества. Социализм должен скрыть его и воссоздать общественный строй на гранитном фундаменте бесклассового труда. Но ни это разрушение, ни эта перестройка общества не могут быть частью правитель-

¹⁾ Различие между буржуазной республикой, в роде той, что представляет нам развитие Соединенных Штатов Америки, и социалистической республикой, подобно той, что ныне развивается в России, в том, что руководители первой избираются по территориальным округам, в последней же по производственным организациям, на которые распадается население.

Если сравнить государство с плодовым деревом, то можно сказать, что развитие американского дерева шло в таком направлении, чтобы обеспечить собственников его плодами. В России же оно обеспечивает своими плодами рабочий класс.

Прим. автора.

ственной программы. Правительственный социализм—не реальность, а фикция, и это необходимо так в силу закона энергии-материи.

Коммунизм—сама простота. Он требует только трех условий, каждое из которых вполне ясно, но ни одно из них никогда не существовало или не могло бы существовать при каком бы то ни было капиталистическом правительстве, потому что все эти правительства, не исключая и нашего собственного и, особенно, его, организованы в интересах тунеядцев, а не производителей—рабочих. Эти три необходимые и простые предпосылки для осуществления коммунизма сводятся к следующему:

„Во-первых, чтобы в пределах каждой административной единицы ее жители сообща владели и заведывали всеми находящимися на данной территории материальными благами, необходимыми для обеспечения их основных нужд.

„Во-вторых, чтобы в каждом государстве население сообща владело и заведывало материальными ценностями, ему необходимыми, в пределах государственной территории.

„В-третьих, чтобы народ коллективно и демократически контролировал всю хозяйственную жизнь в национальном масштабе.

„Если бы мы захотели высказаться подробнее, мы могли бы добавить: то, что необходимо индивидууму, должно находиться в его распоряжении, что необходимо для семьи, должно находиться в ее распоряжении и т. д. Ставя вопрос в международном масштабе, мы можем добавить: материальные ценности, необходимые всем нациям, должны принадлежать всем нациям, как, напр., „Панамский канал“.

Хиггинс.

Князь Крапоткин, хотя и не большевик, сочувственно говорит о русской революции, что она пытается построить общество на таких началах, чтобы коллективный продукт труда, техники и науки принадлежал всему обществу. Он заявляет, что для неизбежного переустройства мирным или революционным путем—освобождения

мирового производства от его нынешнего порабощения капитализмом—необходимо объединение всех профессиональных организаций мира.

Хиггинс и Крапоткин формулировали этим просто и ясно в немногих слова как цели, так и программу коммунизма.

Закон самосохранения всегда одинаков, но если он действует в условиях капиталистической конкуренции, он ведет к освобождению части народа—капиталистов, если же он действует в условиях социалистического сотрудничества, он ведет к освобождению всего народа. Все зависит от того, управляет ли он народом, или народ управляет им.

До тех пор, пока закон самосохранения приписывается воле сознательного, личного бога, чьи земные представители—короли и президенты, или священники и проповедники, этот закон действует на обширном поприще животной борьбы за существование—на поприще капитализма.

Война—нормальное, действительно необходимое в данном случае зло, а потому в мире будут до тех пор войны, пока он будет находиться под господством капитализма. И это будет происходить до тех пор, пока небесные божества и их земные представители в государстве и церкви будут управлять миром.

В настоящее время, когда известно, что закон самосохранения—необходимый закон материи-энергии, а не воля божества, есть основание надеяться, что народ овладеет им и применит его на узком поприще человеческого сотрудничества—поприще социализма. Мир—нормальное, действительно необходимое состояние общества при социализме. Война прекратится, когда социализм будет осуществлен, и мир будет сам управлять собой, а не бог, государственная или церковная власть, якобы поставленные богом, будут управлять миром.

Смертная казнь в таком обществе совершенно не применялась бы или лишь в исключительных случаях по отношению к убийцам, виновность которых была бы установлена, к удовлетворению огромного большинства

их соотечественников, конечно, она никогда бы не имела места при недоказанном подозрении в убийстве.

Если бы Вильгельм II был действительно виновен в европейской войне, во время которой погибло 10 миллионов молодых людей, и если бы Томас Муни действительно был виновен во взрыве в Сан-Франциско, при котором погибло 10 калифорнских граждан, требование смертной казни для них было бы разумно, как социальная необходимость. Но если бы они были повешены на одной виселице, мир все же продолжал бы страдать от постоянно повторяющихся бедствий войны и мятежей. Настоящий виновник войны и мятежей—капиталистическая система. Войны и мятежи не прекратятся до тех пор, пока этот виновник не будет уничтожен.

Так называемая „война кайзера“ и так называемый „мятеж Муни“ имели одно основание, оба носили характер мятежа, и у обоих была одна цель—самосохранение. Возмущение „кайзера“ было бунтом со стороны капиталистического класса Германии, в целях защиты его от капиталистического класса Англии. Возмущение Муни (предполагая его виновность только для иллюстрации) было мятежом в пользу рабочего класса Калифорнии в целях защиты его от капиталистического класса этого штата.

Случайно оба мятежа имели побочные цели мирового значения. У кайзера их было две: низвергнуть торговое превосходство Англии в пользу Германии и уничтожить повсюду социализм. Муни преследовал одну цель—уничтожить повсюду капитализм.

Как у мятежников, — между Вильгельмом II и Томасом Муни есть следующее сходство: действуя в направлениях прямо противоположных, они, тем не менее, подчинялись одному и тому же закону—энергии и материи. Этот закон проявляется в системе капитализма тем, что в той или иной форме всегда вызывал международные и классовые революции. До тех пор, пока будет существовать капитализм, и войны, и революции не перестанут возникать.

Поэтому мировые интересы требуют не того, чтобы эти мятежники (кайзер Вильгельм и Томас Муни)

были повешены, но чтобы капиталистическая система была заменена социалистическим трудовым обществом. В то время, как закон самосохранения в условиях животной борьбы за существование при капитализме всегда приводит как к революциям, так и к войнам, неизбежно вытекающим из него, тот же закон самосохранения в условиях человеческого сотрудничества при социализме положит конец всем кровавым конфликтам.

Но если признать вульгарную точку зрения относительно ответственности за эту капиталистическую войну и рабочий мятеж, возникает вопрос: почему вдохновитель небольшого мятежа Муни должен умереть или, что хуже, всю жизнь страдать в тюрьме, а вдохновитель великой войны (Вильгельм) может оставаться в живых?

Больше того, если бы даже кайзер Вильгельм был взят в плен Англией, то мало вероятно, чтобы он был предан суду, состоящему из представителей союзников, допрошен, признан виновным и казнен. Почему же нет? Потому что, подобно всем войнам, его война, безразлично, какая сторона одержала бы победу, была в целом в интересах капиталистов каждой нации по обе стороны траншей, во всяком случае, в интересах крупнейших капиталистов.

Если кайзер Вильгельм не был послан на виселицу, почему же суду, судившему Томаса Муни, было позволено так поступить. И в частности, почему это так, раз Калифорния—часть демократической республики, война кайзера была в интересах капитализма и ничтожного меньшинства, в то время как мятеж Муни был в интересах демократии и подавляющего большинства.

Именно теперь гуманная часть человечества особенно огорчена бесполезными, а, следовательно, ничем не оправданными смертными казнями. Губернатор Калифорнии имеет возможность воспрепятствовать подобной казни. Я говорю ему: воспрепятствуйте ей. Во имя справедливости и гуманности я и миллионы других торжественно взываем к нему: спаси Муни революционера, подобно тому, как Пилат, правитель Иудеи, согласно общему мнению всех здравомыслящих людей, должен был спасти Иисуса-революционера.

IV.

Вы говорите, что мы должны признавать божественное сознание во имя человеческого сознания. Но как могло бы по вашей теории человеческое сознание вытекать из божественного сознания; как бы то ни было, вопреки вашему утверждению, мы знаем только сознание, происходящее путем наследственности от другого сознания, и только сознательное, происходящее из бессознательного.

Ваше утверждение в связи с этим основано на том, что ничто не может происходить из ничего, и в этом сущность книги „Краткая апология в защиту христианства в XX столетии“ бывшего председателя университета Св. Троицы в Гартфорде, доктора Вильямсона Смита, с которым, как я думаю, вы были в переписке.

Эта апология была написана в ответ на мое письмо, адресованное в палату епископов под заглавием: „Естественно-научно евангелие для века науки“. Это письмо не опубликовано отчасти потому, что бывший председатель убедил меня в том, что если я отказываюсь от традиционного христианского понятия о боге, я не должен был бы придерживаться того представления, которое изложено в моем письме.

Если бы вы не знали раньше книги бывшего председателя, вы, я в этом уверен, наслаждались бы ею больше, чем я; но я сомневаюсь, чтобы вы смогли извлечь из нее пользу, потому что она скорее близка вашим взглядам и расходится с моими; и потому она побудила меня приняться за ее изучение и отбросить новое понятие о боге, которое я выработал для себя, но вместе с ним я отбросил и старое представление о боге и перестал верить в существование сознательного, личного божества, и, конечно, моя вера в существование потустороннего мира и надежда на будущую жизнь исчезли вместе с верой в бога. Доктор Вильямсон Смит и вы совершенно правы, утверждая, что ничто не может произойти из ничего, и я вижу теперь, что камни, направленные вами обоими и

другими в меня, поражают вас самих, ибо это как-раз утверждают правоверные богословы. Они утверждают, что вселенная была создана Богом из ничего, но в то же время они не дали ни малейшего доказательства существования бога. И даже если бы они могли доказать его существование, им пришлось бы допустить, что он сам явился из ничего или, в крайнем случае, из чего-нибудь, что создало его.

Конечно, правда, что я не в состоянии объяснить, откуда произошли материя, энергия и движение. Если я соглашусь с большинством физиков, что они произошли из эфира, я все же не смогу объяснить их происхождение. Допустим, что я неспособен доказать их существование, как вы доказываете существование христианской троицы, тем не менее я имею над вами огромное преимущество: я могу доказать, что все физическое и психическое (включая человека и его цивилизацию), образующее вселенную, живет, движется и существует в моей божественной троице — материи, энергии и движении, тогда как вы не можете доказать, что что-либо обязано своим существованием вашей божественной троице: богу отцу, богу сыну и св. духу. Итак, я утверждаю, что ваша троица есть лишь символ моей.

И что справедливо по отношению христианской троицы, одинаково справедливо по отношению ко всем божествам спиритуалистических религий. Евреи живут, не имея никакого отношения к христианскому богу, но крайней мере, к богу сыну и св. духу; христиане и евреи точно так же поступают по отношению к богам магометанства или буддизма, и так дело обстоит со всем пантеоном богов.

Но ни один поклонник какого бы то ни было бога не может жить без постоянного обращения к моему богу; ваши же боги, как я полагаю, лишь символ моего, если они вообще представляют собой нечто лучшее, чем фетиши.

Если вы и бывший председатель Смит хотите сказать своим основным утверждением, что невозможно, чтобы вещь существенно отличалась от того, из чего

она произошла, то вы, конечно, не правы; мир полон такими вещами. В древе жизни имеются миллионы таких примеров: все, стоящее выше амёбы, нужно рассматривать как существенно отличное от нее, несмотря на то, что все, включая человека, произошло от нее.

Обращаясь к прошлому до тех пор, пока мы чувствуем прочную почву под собой, мы доходим до туманности, из которой развилась солнечная система вселенной; безусловно, эта солнечная система настолько существенно отличается от туманности, как человек отличается от амёбы.

Вспомним историю нашей земли. Когда первоначальные, пылающие, вращающиеся газовые массы сгустились в неорганическую материю, из нее произошла протоплазма, являющаяся органической материей.

Большая однокопытная лошадь произошла от пятипалого животного немногим больше зайца. Рояль и ружье—сестра и брат, родившиеся от лука и стрелы; какая огромная разница между детьми и их родителями! Ребенок лишен сознания при рождении, а то сознание, что он имеет в детском и зрелом возрасте, зависит от развития его тела. Больше того, так как человеческое тело является итогом развития многочисленных животных предков, мы можем логически заключить, что человеческое сознание зависит от животного сознания и всецело унаследовано от него, а вовсе не божественного происхождения.

Иисусу вкладывают в уста слова: „Бог есть дух“. Основоположники англиканской ветви реформации говорили, что есть только один живой истинный бог, бог бестелесный, неделимый и бесстрастный. Таково их объяснение представления Иисуса о боге.

Когда возникло определение бога, данное Иисусом, объяснение его англиканской церковью, божественный дух рассматривался как объективная личность. Современная же психология говорит, что не существует олицетворенного духа, ни божественного, ни человеческого, ни какого-либо иного. Согласно этой науке, дух или душа синонимы для субъективного содержания сознательной

жизни, которая состоит из чувств, влечений, идеалов, убеждений и решений.

Психологи не знают духа или души без тела, состоящего из частей, как и в физике не знают силы без материи, состоящей из молекул, атомов, электронов и ионов.

Боги представляют собой религиозные идеалы народа и являются символом того, чем они должны быть с точки зрения верующего человека. Они — символы, параболы, эмблемы, аллегории, созданные воображением, и ничего не содержат, кроме фантастических, воображаемых свойств, вложенных в них самим народом. И они ничего не делают, кроме того, что народ выполняет за них от их имени.

Материя и сила в своем сочетании являются тем автоматическим механизмом, который производит все, что входит в состав вселенной, путем эволюции; иными словами, все тела вселенной (а других нет) являются результатом единого, универсального и вечного процесса эволюции.

То, что мы называем природой, есть не что иное, как совокупность продуктов этого механизма, произведенных при посредстве того же процесса эволюции. Сам механизм бессознателен, и его деятельность автоматична, но все же некоторые из его продуктов возвышаются до самосознания и способности к самоопределению; это самосознание и это самоопределение ограничены. Бесконечное сознание, личность и воля, которые считаются свойствами богов, противоречивы.

Из всех существ, человек обладает в наибольшей мере сознательностью, личностью и волей. Эти его свойства вовсе не зависят от богов, а, наоборот, все свойства, которыми обладают боги, всецело зависят от человека. Божественные существа в своем самосознании личности и воли являются олицетворением человека, помещенным на небо. Человек делает все для богов, а бог ничего не делает для человека.

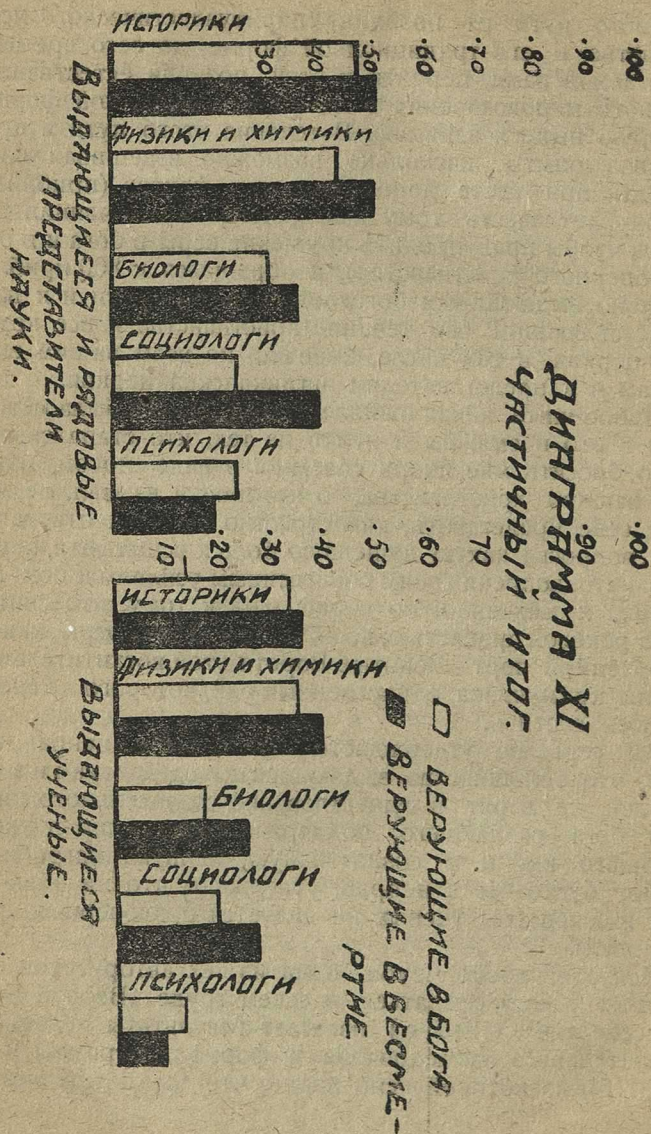
Таковы факты и основанные на них аргументы, которые заставили меня шаг за шагом в течение всего

длинного пути от позиции спиритуалистического христианства в его традиционной форме, до сего времени занимаемой вами, перейти к этой позиции естественно-научного мировоззрения в его социалистической форме, которую ныне я занимаю. В течение этого пути я проделывал опыты, насколько возможно взвешивая свои выводы при свете дополнительных фактов (приблизительно лет шесть тому назад, когда я в отчаянии боролся, чтобы предупредить крушение веры в бога и в рай правоверного христианства), и обращался к 800 приблизительно выдающимся богословам, в частности и к вам, представляющим все течение христианства и все крупные церкви, в том числе, конечно, ко всем нашим епископам и к представителям англиканской церкви.

Припомните, какая оживленная переписка была между нами в это время; вы и никто из тех, кто старался любезно бросить мне якорь спасения в виде новой, научной защиты христианства, о которой я взывал, не можете себе представить, как страстно я ждал ответа на свои вопросы; какую душевную боль я испытывал, когда видел, что, вопреки своим собственным усилиям и помощи других, я медленно, но верно, шел к тому, что считал тогда роковой пропастью, но на что я теперь смотрю, как на защищенный порт—Золотые Ворота этой восхитительной страны коммунизма, единственный рай, которого я теперь надеюсь достичь.

Вы серьезно утверждаете, будто бы я неправ, говоря, что большинство выдающихся людей науки и мыслителей не верят в существование сознательного, личного бога, создавшего, поддерживающего мир и управляющего им, и в сознательную, личную, загробную жизнь; будто бы я неправ, утверждая, что ни один из этих выдающихся ученых не является правоверным христианином.

Психолог проф. Леуба, один из тех авторитетов, на которых я могу ссылаться, в своем труде „Вера в Бога и бессмертие“ (1916 г.) излагает результаты недавнего и тщательного исследования в форме диаграммы (см. стр. 116), из которой ясно видно, что среди крупных и

менее значительных представителей науки менее 50% верят в бога и менее 55% в бессмертие.

Показания ученых, специально занятых исследованием происхождения и цели жизни (биологов и психологов), еще менее для вас благоприятны; только 31% биологов верят в бога и 35% в бессмертие и лишь 25% психологов верят в бога и 20% в бессмертие.

Но самое худшее еще впереди, потому что, считая только выдающихся биологов и психологов, то-есть, тех, которые имеют наибольший вес,—18% первых верят в бога и 25% в бессмертие, а из последних лишь 13% верят в бога и 8% в бессмертие. Выдающиеся психологи сравнительно последовательны тем, что меньше из них верят в сознательную, личную загробную жизнь, чем в сознательную, личную жизнь заоблачного божества. Человеческое бессмертие—бесмыслица без существования бога. Подавляющее большинство выдающихся психологов (крупнейшие авторитеты для суждения о вопросе, могут ли существовать сознательные „бестелесные, неделимые и бесстрастные“ боги в небесах, а бестелесные люди в раю) это понимают и ограничивают жизненный путь человека землей. По их мнению, рай и ад здесь на земле, а боги, которые создают, и дьяволы, которые разрушают цивилизацию,—люди, а не добрые или злые божества.

Таково заключение быстро растущего числа образованных людей. Сто лет тому назад лишь немногие люди науки и мыслители, менее 25%, приходили к этому выводу. Теперь их почти 90% и скоро число их дойдет до 99%. Наступает время, и в недалеком будущем, когда ни один образованный человек не будет взирать на бога какой-либо спиритуалистической религии, как на свет или силу, и когда никто не будет надеяться на рай над землей или бояться ада под ней.

Что рай? В мечтах желаний совершение!
Что ад? Души горящей отражение!
Ушедши в ночь, откуда мы вчера лишь
Пришли, куда уйдем без возвращения.

Омар.

Иосиф Мак-Кэб и Чепман Коген считаются ныне самыми блестящими писателями по научным и философским вопросам. Оба понимают, что современный социализм и правоверное христианство совершенно непримиримые противоположности.

„Как случилось, что на континенте демократические круги настроены так скептически, а скептические круги так демократичны. Именно потому, что они сомневаются в христианском рае (или его отвергают). Они хотят сделать жизнь на земле возможно счастливой для того, чтобы хоть где-нибудь обеспечить себе счастье. Устремив свои взоры от неба к земле, они узрели удивительные возможности счастья на земле. Уделяя меньше времени богу, они получили возможность больше времени посвящать человеку. Они меньше думают о небесном царстве и больше о земном. Земное царство на много выросло от этой перемены. Небесное царство осталось там, где оно было.

„Глубокая правда, следовательно, заключается в том, что чувство, обыкновенно поглощавшееся религией, воплотилось теперь в служении человечеству. Религия постепенно умирает повсюду. Социальный идеализм растет всюду. Люди, которые хотят уверить нас, что социальный идеализм связан с религией, озадачены этим. Это происходит от того, что они упорствуют в своем рвении соединять с христианством все, что угодно, вопреки его исторической роли. Здесь нет загадки: мы перенесли наши чувства с бога на человека, с небес на землю“.

Иосиф Мак-Кэб.

„Социалисты, у которых один глаз устремлен на избирательную урну, уверяют избирателей, что социализм не атеистичен, но лишь немногих им удастся уверить в этом. Утверждение, что социализм и религия сами по себе, и что многие явно религиозно-настроенные люди—социалисты, пустая болтовня. Всякий искренне верующий ответил бы, что первый пункт не находится в соответствии со всем тем, что было сказано против социализма, в то время, как второй пункт избегает дать исчерпывающий

ответ. Весь вопрос в том, принимает ли, или не принимает социализм точку зрения атеизма на жизнь. Он мог бы также добавить, что социализм, который игнорирует вопрос о вере в бога и в загробную жизнь, который даже самым отдаленным образом не предполагает этой веры, который не ставит ее признание условием занятия любого государственного поста, который открыто позволяет существовать религиозным верованиям до тех пор, пока они не угрожают благополучию государства—с любой точки зрения и во всех отношениях атеистическая система“.

Чепман Коген.

Каждая спиритуалистическая религия основана на признании существования потустороннего мира, обитаемого духом, который создал материальный мир, его поддерживает и им правит.

Но, допуская это, нужно признать, что таких миров много, так как религий—легион, и нет основания полагать, чтобы одна из них была лучше других.

Как бы то ни было, мы ничего не можем знать относительно потусторонних миров и их обитателей, так как наше познание всецело продукт наших пяти чувств, а потому между ними и нами не может быть никакой связи. Поэтому большинство ученых и мыслителей игнорирует эти миры и все, что в них есть.

Проф. Леуба так говорит по поводу христианского догматизма:

„Христианство, как система веры, совершенно провалилось и ничего определенного, ясного и убедительного не заняло его место. Нет, вообще, признанного авторитета; каждый верует, как может, и мало кто беспокоится, что не в состоянии выполнить церковные догмы. Чувство свободы—светлая сторона положения, которое иначе было бы опасным“.

Ваше представление о происхождении, сохранении и управлении вселенной слишком загромождено, как и все религиозные системы, которые основаны на существовании сознательных, личных богов, двумя трудностями:

1) их физической невозможностью и 2) их моральной невозможностью.

1. Физическая невозможность. Атомные и молекулярные движения, необходимые для процесса мышления одного человека, превышали бы силы всех богов спиритуалистических религий.

Некоторое представление об этих движениях, происходящих в мозгу человека, может быть извлечено из описания Гофмейстера, как оно резюмировано в книге Мак-Кэба, „Эволюция Разума“:

„Мы имеем основание полагать, что в каждой молекуле обыкновенной протоплазмы, по меньшей мере, 450 атомов углерода, 720 атомов водорода, 116 азота, 6 серы и 140 кислорода.

„Нервная протоплазма еще сложнее.

„Новейшие исследования еще увеличили чудесные способности, заключенные в сером мозговом веществе. Каждый атом оказался замечательным созвездием электронов, колоссальным резервуаром энергии. Атом азота содержит свыше 1.000 электронов, атом углерода—12.000, атом азота—14.000, атом кислорода—16.000 и атом серы 32.000.

„Эти электроны движутся внутри бесконечно малого пространства атома со скоростью от 10.000 до 90.000 миль в секунду. Необходимо было бы 340.000 боченков пороха, чтобы сообщить ядру скорость, с которой некоторые из частичек летят стрелой из своих групп. Один грамм водорода, весьма небольшое количество простого газа, содержит достаточно энергии, чтобы поднять миллион тонн больше, чем на сто ярдов.

„Этих поразительных арсеналов энергии, атомов, по самому приблизительному подсчету, мы имеем, по крайней мере, 600 миллионов биллионов в сером веществе человеческого мозга“.

„Ученые, говорит проф. Олерих в своей книге „Современный взгляд на вселенную“, полагают, что химический атом так бесконечно мал, что необходимо составить группу их не менее, чем в один биллион, чтобы сделать эту группу едва видимой под самым мощным микроско-

пом; тысяча таких групп должна быть составлена вместе, чтобы сделать ее видимой для невооруженного глаза, как простую пылинку, плавающую в солнечном луче.

„Микроскоп открывает неисчислимое количество микроскопических животных в одной сотой части капли воды. Все они едят, переваривают, движутся и по всем видимым признакам своих проказ они не чужды ощущений и способности наслаждаться жизнью. Что же должны мы сказать о ничтожных размерах их пищи, о крови, текущей в их венах, об их нервной системе, которая приводит их в содрогание и руководит ими. Их бесконечно малые органы должны состоять из молекул, атомов, ионов и электронов, непостижимо меньших, чем сами эти органы“.

Существует ли какой-либо бог на небесах, который мог бы способствовать движениям, происходящим в молекулах, составляющих сотую часть капли воды, не говоря уже о тех, которые встречаются в телах мириад ее обитателей. И что скажем мы обо всех неорганических и органических движениях в небольшой чашке, полной водяных капель, не говоря уже о тех из них, которые происходят в великом океане.

Но к чему развивать дальше эту тему? Не является ли поразительным ребячеством со стороны правоверного представителя спиритуалистической религии то, что он наделяет бога способностью управлять движениями минерального, растительного и животного царств земного шара, не принимая в расчет всей солнечной системы и других небесных систем, которые образуют вселенную?

Если вы скажете, что движения, которые происходят в явлениях природы, регулируются законом, раз навсегда установленным богом христианской религии, я спрашиваю, почему закон этот—акт воли именно этого бога скорее, нежели бога иудейской, магометанской или буддийской религии.

Ньютон сделал первый из шести начальных шагов по длинной дороге, которая привела к заключению, что вселенная существует сама по себе, сохраняет сама себя и

управляет сама собой, тем, что показал, что все движения солнечной системы необходимо вытекают из закона энергии материи — закона притяжения. Это открытие — самое поразительное событие во всей истории человечества.

Лаплас сделал второй шаг, доказав, что космические туманности содержат в себе все условия, необходимые для образования солнечных систем.

Лавуазье сделал третий шаг, доказав, что материя, входящая в состав вселенной, вечна.

Р. Майер сделал четвертый шаг, доказав, что энергия, входящая в состав вселенной, вечна:

Дарвин сделал пятый шаг, доказав, что протоплазма содержит все условия, необходимые для образования любой формы и степени физической и духовной жизни от монады до человека. Все эти представители обоих царств, растительного и животного, включая человека, связаны между собой и, таким образом, находятся на одном уровне в отношении происхождения и назначения. Различие же отдельных видов является естественным результатом борьбы за существование с соперниками и с враждебной средой, окружающей их.

Маркс сделал шестой шаг, доказав, что основная разница между человеком и животными прежде всего вытекает из того, что человек имеет руки, а затем из того, что, благодаря орудиям труда, производительность рук неизмеримо возросла; он доказывает, что рабство существовало и должно было существовать как средство для продвижения к идеальной цивилизации, и что различие форм человеческого рабства вытекает из различия орудий производства. Маркс доказывает также, что наступит время, когда люди перестанут быть рабами, но превратят в своих рабов машины, которые будут применяться на благо всех, а не в интересах меньшинства. Только тогда, а не раньше, будет сделан большой шаг вперед к цели превращения всего человечества в одну большую социалистическую семью, каждый член которой будет обеспечен в наибольшей мере, так что земная жизнь станет возможно более продолжительной и счастливой.

2. Моральная невозможность: моральная невозможность утверждений этих апологетов видна всем, у кого есть глаза, чтобы видеть вещи так, как они есть на самом деле, а именно: если приписывать все добро богу, он также должен отвечать за все зло. Если, например, он наделил человеческое тело всеми полезными и необходимыми органами, он также дал ему ненужные и вредные органы.

Исследователи - анатомы говорят нам, что в нашем теле имеется, по крайней мере, 180 бесполезных органов, многие из которых доставляют нам не мало страданий и причиняют часто преждевременную смерть. Только червеобразный отросток слепой кишки причиняет не одну тысячу смертных случаев ежегодно.

Разве вы не видите, что такое бесполезное строение, перешедшее по наследству от низших животных, является блестящим подтверждением справедливости дарвинизма и ложности библейских сказок. Одиннадцать из этих совершенно бесполезных и даже более или менее вредных пережитков были уже бесполезны и нашим предкам, начиная от рыбы, а четыре унаследованы от наших земноводных и пресмыкающихся прародителей.

Но, согласно библейскому Моисею, у нас нет таких прародителей. Нельзя увернуться от логических заключений дорогого, умного старика Эпикура, допуская факт существования зла:

„Или Бог хочет изгнать зло из этого мира и не может, или он может, но не хочет, или, наконец, он может и хочет. Если он хочет, но не может — он бессилен, что противоречит природе бога. Если он может и не хочет — он злобное существо, и это не менее противоречит природе бога. Если он не хочет и не может — он и бессиленное и злобное существо. Если он хочет и может, а только это может быть приписано богу, как случается, что на земле существует зло“?

О, если бы такая логика влияла на мир, а не метафизика спиритуалистических религий — мир ушел бы настолько далеко на пути к идеальной цивилизации, что давно уже исчезла бы возможность мировой войны, за-

топившей весь мир кровью и слезами, или Версальского мира, чреватого войнами, все более погружающего мир в тиранию, нищету, рабство и несчастье, которые являются непременными спутниками всех войн.

Блестящий публицист Маллок написал лучшую, по моему мнению, апологию теизма. Я не могу себе представить чего-нибудь лучшего. Он, тем не менее, не делает больших усилий, чем Оливер Лодж, для укрепления христианства или какой-либо другой спиритуалистической религии. Подобно Канту и вам, Маллок стоит на той точке зрения, что вера в небесного бога и бессмертие, которая связана с верой в бога, необходима для морали, той основы, на которой покоится цивилизация. Как Кант принимает, что существование бога не может быть выведено из чистого разума, так и Маллок допускает и даже упорно настаивает, что оно не может быть обосновано научно. Я привожу поразительную выдержку:

„Мы должны отказаться от всех априорных заключений, от слепого преклонения и трезво смотреть в лицо мировой действительности. Если бы теисты так поступали, их удивило бы то, что они увидели бы.

„Они увидели бы, что если кто-нибудь стоит позади этого огромного процесса (мировой эволюции), обладая сознанием цели, сколько-нибудь похожим на наше сознание, существо, которое знает, чего оно хочет, и делает все возможное для достижения цели, это существо—не святой и всеведущий бог, но сумасбродное, полумогущественное, полубессильное чудовище. Они, конечно, увидели бы так же ясно, как раньше, старые общеизвестные факты, которые кажутся им доказательствами мудрости, любви и благодати бога. Но они увидели бы также, что эти факты, взятые в связи с другими, дают нам мерило природы этого существа, при свете которого большинство его поступков представляется нам поступками умалишенного преступника. Если бы бог был слеп, он не был бы виновен, но если мы утверждаем, что он все видит, он виновен.

„При свете этих фактов мы вынуждены смотреть на бога, как на бездельника, бесчувственного, если не пред-

намеренно жестокого. Когда нам кажется, что он благоволит, мы не можем видеть в этом божественного благоволения, он просто слаб и капризен, как мальчишка, который ласкает котенка и тотчас же натравливает на него собаку. И не только его моральный характер при этом падает постепенно, но и его достоинство также исчезает. Закономерные движения небесных светил и основные явления природы особенно вызывают впечатление какого-то однообразного церемониала при дворце короля, неспособного понять его или порвать с ним. Молния и ураган, которые с незапамятных времен рассматривались, как особое откровение грозного могущества и величия бога, вызывают впечатление (если вообще вызывают какое-нибудь впечатление о характере бога) существа, по-мальчишески топающего ногами по тучам, быть-может, и не склонного ко злу, но совершенно индифферентного к тому, что оно его причиняет.

„Но нам незачем дальше сгущать краски. Правда заключается в том, что, если мы рассматриваем вселенную в целом, то она совершенно не внушает нам мысли о сознательном и планомерно действующем боге. И вовсе не потому, чтобы процесс эволюции, как таковой, исключал бы мысль, что бог может им воспользоваться для определенной цели, но потому что, наблюдая этот процесс в его деталях при свете тех целей, какие мы в нем находим, мы вынуждены сделать следующий вывод: бог, который был бы сознательным виновником этого процесса, был бы чудовищем — нелепым и умалишенным, в которого не стоило бы и верить“.

Бог, который принимал бы какое-нибудь участие в англо-германской войне, Версальском мире и блокаде России, для меня дьявол, а не бог.

Если вы скажете, что христианский бог ничего общего со всеми этими бедствиями не имеет, я отвечу: это величайшее из всех проклятий, которые обрушивались на человечество за последнее время; если же бог не мог или не хотел предотвратить их, какое основание просить у него помощи, когда мы в ней нуждаемся.

„Как я могу сильнее всего выразить свое презрение заявлению, что все, что делается—к лучшему, имеет мудрую и благую цель. Это утверждение—величайшая ложь и преступление против человеческого рода... Человеческие страдания так велики, так беспредельны, так ужасны, что я едва в силах писать о них... Худшее, что мог бы сказать отъявленный пессимист, было бы еще бесконечно далеко от всей правды... Каждый, кто захочет рассматривать мировые события в широком масштабе... увидит, что они вовсе не имеют целью наше благополучие, как это должно было бы быть, если бы ими управлял человек с широкими человеческими взглядами и неограниченной властью. Гуманный и умный человек устроил бы все бесконечно лучше бога... Но то, что приписывается не существующему разуму (или космическому порядку, что одно и то же), должно было бы быть провозглашенным и выполнено человечеством. Мы должны сами для себя делать то, чего до сих пор суеверные ожидали от божественного вмешательства“. — Р и ч а р д Д ж е ф ф р и с.

Когда бы крылатый херувим до срока
Закрыв развернутую книгу рока
И запись летописца изменил
И зачеркнул бы приговор жестоки!!!

Любовь! Союзницею будь в восстании.
Сломаем черный слепок мироздания,
На мелкие осколки раздробим
И слепим вновь по нашему желанью.

Омар.

Вы часто заявляете, что моя доктрина по вопросу о происхождении и назначении вселенной со всем, что в ней есть, включая человека, не такова, как у большинства людей науки и мыслителей; ваша же точка зрения совпадает с их взглядами. Вам будет не безынтересно узнать, что я познакомил со своими наиболее радикальными материалистическими выводами трех выдающихся ученых, крупнейших авторитетов в своей области, один из которых ответил, что он со мной в существенном согласен, но полагает, что я лет на 400 опередил

свою эпоху; второй не нашел ничего заслуживающим критики, кроме якобы моей ошибки в том, что я придаю слишком большое значение мнению, согласно которому боги религий, основанных на идее искупления, являются версиями солнечного мифа. Наконец, третий полагает, что мои взгляды на любом мировом конгрессе ученых были бы приняты огромным большинством.

Вы думаете, что я неправ, считая Ньютона и Дарвина на своей стороне, потому что они верили в существование сознательного, личного бога. Я убежден, что не таковы были взгляды Дарвина перед его смертью, но как бы то ни было, ни в этом случае, ни в каком-либо другом, вовсе не важно, как ученый относился к вопросу веры в бога, сколько важно, что он научно установил.

Ньютон фактически доказал, что движение небесных светил подчиняется закону притяжения, а не сверхъестественной воле богов.

Дарвин указал, что все существующие виды животного и растительного царств — естественный результат эволюционных процессов, а не сверхъестественный результат творческих актов богов.

Если бы Ньютон и был известен только своими богословскими произведениями, он потерял бы в вашем уважении, так как вы сами считаете его работу по поводу книги Даниила нелепостью. Он считал Даниила великим откровением бога Иеговы, но вы знаете, что это чистейшей воды человеческий вымысел, в такой же степени произведение фантазии ее автора, как Дон-Кихот Сервантеса.

Между многими авторитетами из среды богословов, которых вы цитируете против меня, самый выдающийся, по моему мнению, д-р Индж, ректор собора Св. Павла в Лондоне, чьи замечания я недавно прочитал с большим интересом; отчасти потому, что он, повидимому, постепенно отказывался от вашего правоверия, медленно, но верно приближаясь к моей ереси. В одном из лондонских журналов, который недавно попал мне в руки — „Литературный Указатель“, вот что сказано о ректоре:

„Богословские воззрения ректора Инджа, одного из столпов англиканской церкви и, по всей вероятности, одного из замечательнейших выразителей наиболее свободомыслящей части духовенства, достигли теперь интересной стадии как для тех, кто вне церкви, так и для тех, кто примыкает к ней. Хотя он не считает себя призванным давать собственные заключения по таким спорным вопросам, он не считает больше учение о непорочном зачатии и о телесном воскресении необходимой предпосылкой христианства. Он считал бы возможным посвятить в священнический сан даже такого, кто отрицал бы это учение, лишь бы такое лицо признало божественную природу Иисуса Христа, т. е. он не исключил бы его из церкви“.

Насколько можно судить по упомянутой статье, в которой сказанное является вступлением, ректор Индж основывает свою веру в божественность Иисуса на единстве его характера и его учения, а не на чудесном его рождении и исцелениях.

Но у ректора Инджа нет точного или заслуживающего доверия отчета о жизни и учении Иисуса; и таким образом, как богослов, он, как и все богословы, живет и движется в царстве вымысла. Разница между ним и вами состоит в том, что он витает в той области, где на троне восседает воображение, а вы обретаетесь там, где монархом над всем окружающим является метафизика.

Выдающийся богослов, который, как мне кажется, оставляет в тени даже ректора Инджа, ссылаясь на поддержку из моей работы, которая так же радикальна, как и остальная часть моего письма, идет еще дальше.

„Я,—говорит он—только что прочитал главу из вашего „Естественно-научного Евангелия для века науки“¹⁾, которое вы любезно прислали мне, с большим интересом. Я настолько горячо разделяю вашу точку зрения, что я не нахожу места для критики; я только могу лишь

¹⁾ Произведение, озаглавленное „Естественно-научное Евангелие для века науки“, не было опубликовано, но значительная часть его содержится в настоящей книге,
Прим. автора.

высказать, как я признателен случаю познакомиться с вашим смелым и ясным изложением единственного, имеющего шансы на будущее типа модернизма. Я начинаю чувствовать себя все более и более неловко в нашем христианском движении, потому что многие из наших сочленов стремятся во что бы то ни стало к совершенно невозможному компромиссу по вопросам догмы.

„Люди, подобные д-ру Рашдаллю, не могут предоставить места в движении тем, кто не может принять их „полнокровного теизма“. Они, фактически, последователи Гарнака, с их парой зафиксированных, окостенелых догм“.

V.

Если вы спросите, почему я продолжаю состоять членом официальной церкви и ее духовенства, я отвечу: у меня нет оснований порвать с ней, так как я принимаю каждую статью символа веры католической церкви (если мне позволено истолковывать их для себя символически); но если бы статьи этого символа веры должны были быть истолкованы буквально, то не найдется ни одного человека в нашей церкви (протестантской) или в любой другой, который бы верил во все эти статьи.

Например, кто верит, что бог создал небеса и землю из ничего в шесть дней, как это передает приписываемое ему откровение, квинтэссенцией которого является символ веры. Все в церкви или, по крайней мере, все ее служители, посвятившие себя, подобно мне, согласно требованию самой церкви, науке, знают, что небесный свод, о котором говорит откровение, лишь плод воображения. А то, что рассматривалось как небесный свод, не что иное, как результат отражения света в пыли атмосферы. Что касается земли, то она не сотворена из ничего, в действительности она не произошла сверхъестественным путем, но естественным путем эволюционировала из материи и энергии, которые, в свою очередь, не

были сотворены богом, потому что они существуют извечно; этот эволюционный процесс также не был направляем богом, потому что материя и энергия вечно, автоматически и необходимо участвуют в процессах, порождающих всякое явление. Они способствовали созданию физического и духовного миров во вселенной, во всех ее многообразных проявлениях, включая вымыслы человека о богах, дьяволах и ангелах, помещенных и над и под землей.

Если вы спросите, исповедую ли я и поныне христианскую веру, я отвечу: да, но брат Иисус из нового завета, католического или протестантского символа веры не является для меня лицом историческим, а только символом всякого добра для мира так же, как дядя Сам из американской литературы—не историческая личность, а лишь символ всего того, что хорошо для Соединенных Штатов.

Если вы спросите, молюсь ли я, я отвечу: да. Но когда я молюсь, как я это делаю ежедневно, моя молитва является обращением к реальному божеству моего сердца, к лучшей части своего я. Все нереальные божества на небесах, включая христианскую троицу, бога отца, бога сына и св. духа—лишь поэтические символы моего бога, и я не жду от этих символических божеств, чтобы они мне ответили иначе, чем символ родителей—св. Клаус отвечает на молитвы детей, или символ Соединенных Штатов—дядя Сам—отвечает на молитвы американцев.

Если вы спросите, причащаюсь ли я, я отвечу: да, но когда я иду к причастию, как я это делаю каждый месяц, сила, которая исходит на меня, вытекает из чувства, что через причастие я приобщаюсь не к божественному брату на небе, а к человеческим братьям на земле, в частности к членам моей церкви и гражданам моего города и его окрестностей и, вообще, ко всему человечеству. Брат Иисус на небесах лишь поэтический символ моих действительных человеческих братьев. На причастие я не смотрю иначе, как на обыкновенную семейную трапезу, банкет или коммунистическую спайку,

с которыми Тайная Вечеря апостольской церкви имеет больше общего, чем с формальным чествованием таинств в какой-нибудь из официальных церквей ¹⁾.

Многие критики думают, что, в виду изменения в моих религиозных воззрениях, я должен оставить священство и покинуть нашу церковь, если я честный человек, а не лицемер. Но зачем же я уйду, раз многие из моих братьев священников в ней остаются. Я даю символическое или аллегорическое толкование каждой статье системы христианского спиритуализма. Но как символы, аллегории, параболы или мифы, я их не отвергаю, и ни один член нашей палаты епископов не принимает их все буквально.

Кто из среды влиятельных проповедников какого бы то ни было чина, какой бы то ни было церкви верит: 1) что мир был создан приблизительно 6 тысяч лет тому назад личным богом - создателем из ничего; или что он был создан когда бы то ни было из ничего; 2) что бог сотворил Адама из праха и Еву из его ребра, или что они вышли из рук его, как совершенное физическое и моральное подобие бога и вполне цивилизованные представители человеческого рода, или что были первые мужчина и женщина; 3) что бог насадил сад Эдем и устроил первых людей там в идеальных условиях, и что он гулял там и разговаривал с ними; или что существовали когда-либо такие сады; 4) что личный дух зла—дьявол, в образе говорящего змея, соблазнил людей на непослушание, или, что существовал когда-нибудь дьявол; 5) что если бы не влияние дьявола и их грех, труд и страдание, смерть и моральное падение были бы неизвестны на земле, или что она стала бы местопребыванием бессмертных людей и вообще бессмертных тварей; что высшие формы жизни возможны без смерти; и 6) что для того, чтобы поправить зло, причиненное этим духом - разрушителем—дьяволом, богу - спасителю

¹⁾ Тем не менее, я считаю посещение церкви и молитву скверными привычками, и если бы я вновь мог начать свою жизнь сначала, я бы избегал предаваться им.

Прим. автора.

необходимо было воплотиться в человека, пролить свою кровь, как искупительную жертву, для удовлетворения бога-создателя, а также для того, чтобы воскресение тела (костей, плоти, крови и всего организма всех умерших мужчин, женщин и детей) и воссоединение с ним души стало возможным. Наконец, верят ли они в то, что немногие в награду за веру вечно обретаются в небесном раю, а большинство за неверие—в преисподней; или что когда-нибудь было такое воплощение бога ради этой цели; или что существуют такие небеса, рай и ад и такие воскресение, вознесение и ввержение в ад.

Если другие епископы, священники и дьяконы могут вносить свой символизм или аллегорическое толкование в какой-нибудь из этих шести основных пунктов веры, которые являются фундаментом традиционного спиритуалистического христианства, и все же не покидать церкви,—почему я не могу внести в них свое толкование и остаться в церкви.

Многие критики обращают мое внимание на Оливера Лоджа, как на пример выдающегося ученого, который признает сверхъестественное. Когда я в отчаянии пытался сохранить свое старое представление о сверхъестественном боге и обо всем сверхъестественном, что связано с понятием бога (откровение, ответ на молитвы, промысел божий, воскресение мертвых и их вознесение, вечная сознательная жизнь и райское блаженство) я одно время возлагал много надежд на него и тщательно изучал все его произведения, как и произведения большинства крупнейших защитников веры в сверхъестественное, как-то: Фламариона, Бальфура, Бергсона и Гудсона, но внимательное изучение многих его работ убедило меня, что он не придерживается спиритуалистических учений, которые определенно являются христианскими.

Как бы то ни было, но все же мое учение относительно Иисуса больше, чем взгляды традиционного христианства, находится в точном соответствии с мнением этого знаменитого физика. Мы согласны в том, что бог-отец и Христос, спаситель мира, как сын его, су-

ществуют лишь в том смысле, в каком мы все, божьи дети, являемся или можем стать спасителями мира; разница между нами лишь в степени, а не по существу.

Многие критики думают, что я неправ, утверждая, будто бы большинство передовых ученых придерживается естественно-научного, а не религиозного мировоззрения. Но сам Оливер Лодж утверждает: ученые обычно уверены, что вселенная „сама из себя объясняется, все об'емлет и сама себя сохраняет“; относительно же своего собственного мнения о создании вселенной из ничего он замечает: „невероятность или абсурдность такого представления, допустимого лишь в поэзии,—чрезвычайна, и оно немыслимо для всякого образованного человека“.

Все эти боги были созданы и помещены на небеса человеком, всецело обязаны ему своим существованием, и затем он же вложил в их уста откровения, создал церкви, установил таинства, содержал духовенство для предохранения себя от дьявола, которого также он создал и поместил в ад.

Вот почему обитатели одной и той же страны одновременно имеют столько разных богов и вер. Иегова есть бог, и ветхий завет—откровение королей и плутократов, ответственных за войны. Иисус есть бог, а новый завет—откровение врачей и сестер милосердия, которые делают, что могут, чтобы облегчить причиняемые ими (войнами) страдания.

Боги, не исключая Иеговы и Иисуса, также мифичны, как и св. Клаус, и отвечают своим просителям так же, как и последний, через человека. Если страдающие, нуждающиеся и несчастные не получают помощи от людей, они, конечно, не получают ее и от богов и ангелов. В то время как, с одной стороны, большая часть ученых мыслителей и, вообще, образованных людей сомневается в том, чтобы бог отвечал когда-нибудь на молитву или руководил человеком, с другой стороны, никто не сомневается, что мужчины, женщины и дети отзываются на миллионы просьб ежедневно; что судьба каждого человека была бы совершенно иной, если бы

не помощь других; что, конечно, жизнь была бы немислима без человеческого провидения, то-есть без человеческого участия друг к другу и отклика на нужды.

Представители многих религий побывали в любом уголке фронта европейской войны. Небесные спасители не позаботились ни об одном из верующих в них. Земные же спасители (доктора и сестры милосердия) делали все возможное для безнадежно раненых и спасали миллионы, которые без них погибли бы. Они были настоящими христами и ангелами, лишь символами которых являются обитатели небес. Последние всегда проходили мимо страданий, стороной; земные же, поскольку они есть, это добрые самаритяне.

Скептики выводят из этого пренебрежительного отношения небес, что боги и ангелы не имеют реального, объективного существования. Верующие же утверждают, что они объективно существуют и ссылаются на их занятость для оправдания их пренебрежения. Например, изображают бога традиционного христианства тратящим много времени на счет волос на головах своего народа и на спасение от ушиба воробьев, падающих на землю. Скептики почтительно, но серьезно спрашивают: почему он не предупредит их падение? Почему он не прекратит счета волос, пока не положит конец войнам и не вселит в людей добрые намерения, которые сделали бы навсегда невозможными войны—бич мира.

Если верующие говорят, что пути господа неисповедимы, скептики отвечают: если все, что известно об объективном, реальном мире, свидетельствует о закономерности, как вы можете знать, что ваш бог имеет какое-либо отношение к воробьям или людям, или даже, что он существует.

Что касается взглядов относительно происхождения, существования и законов вселенной, социалисты марксистской школы являются все материалистами; но в вопросах жизни они, обыкновенно, идеалисты. Я определенно чувствую, что в моих нынешних взглядах на жизнь столько же идеализма, сколько его было в дни моего

правоверия; я предоставляю вам самим судить об этом, прочитав мою исповедь:

Моя ранняя жизнь была разбита вследствие преждевременной смерти моего отца во время американской гражданской войны. Последствия ее обрушились на мою семью, которая вынуждена была отдать меня в рабство немцу. Он надломил мое здоровье чрезмерной работой, а что хуже всего, держал меня в невежестве, так что, когда на 21 году я начал свое образование, я должен был поступить в четвертый класс народной школы.

Лучшие годы моей жизни были бесплодно потрачены на проповедывание догматов христианской веры, которые я теперь вместе с огромным большинством образованных людей рассматриваю, в лучшем случае, как символы, а в худшем, как суеверия.

Но хотя я не верю теперь и, вероятно, никогда снова не буду верить в существование сознательного личного бога, в которого нужно верить, и воле которого необходимо повиноваться для спасения, по отношению ко мне совершается несправедливость теми, кто говорит, что я покинул бога и религию.

Каждый, кто хочет и стремится исполнить требования закона, независимого от его воли и стоящего над ним, имеет бога и веру. Я желаю и стремлюсь к этому в отношении двух таких законов; таким образом у меня два бога и две религии. Оба мои божества триедины. Одно — в физическом мире, а другое — в моральном.

В физическом мире мой триединый бог: материя — бог отец, энергия — бог сын и движение — св. дух. В моральном мире мой триединый бог: факт — бог отец, истина — бог сын и жизнь — св. дух.

Для меня триединое божество христианства является символом этих троич, и я желаю и стремлюсь открыть и исполнять их волю для того, чтобы я мог свою собственную физическую, психическую и моральную жизнь сделать возможно более продолжительной, счастливой и полной, и помогать в этом отношении другим. Это желание и стремление — одновременно моя мораль и религия, моя политика и патриотизм и вполне реальные духовные силы.

В отношении первого из этих рядов духовных добродетелей (мораль и религия) я претендую на то, чтобы считаться христианином лучшего типа; обвинение, выдвинутое против меня в том, что я изменяю сущности христианства, является несправедливостью.

В отношении второго из этих рядов духовных добродетелей (политика и патриотизм) я претендую на то, чтобы считаться американцем лучшего типа; обвинение, выдвинутое против меня в том, что я изменяю сущности американского патриотизма, является несправедливостью.

С точки зрения одной сотой части самозванных христиан я являюсь предателем брата Иисуса, потому что я не верю, что он когда-либо существовал, как бог, а если он когда-либо и жил на земле, как человек, мир ныне не знает и никогда не сможет узнать, что он сделал или сказал.

С точки зрения одной сотой части самозванных американцев я—предатель по отношению к дяде Саму, потому что я был противником участия Соединенных Штатов в англо-германской войне и потому что я протестую против предпочтения, которое государство (дядя Сам) оказывает своим богатым племянницам и племянникам.

Все же Иисус и дядя Сам мне так же дороги, как раньше, и безусловно дороже, но не как объективные, сознательные личности, а как символы, идеалы или образы.

Как бы то ни было, хотя я люблю моего брата Иисуса и дядю Сама попрежнему, как дитя любит св. Клауса на Рождество, я теперь уже не настолько ребенок, чтобы просить их сделать что-нибудь для меня. Я знаю, что то, что может быть сделано для меня, должно быть сделано либо мною самим, либо другими людьми; брат же Иисус и дядя Сам, как объективные сознательные личности, не имеют большего отношения к моей жизни, чем человек на луне.

Ваше замечание относительно американского правительства, что оно является примером, которому все правительства захотят, в конце концов, подражать, является вызовом, требующим от меня серьезного слова дружеского разногласия.

Наше правительство такое же, как все остальные правительства мира (за единственным исключением русского правительства),—правительство в интересах немногочисленного класса собственников орудия и средств производства и обмена, которые производят и распределяют для получения прибыли.

Представители одного класса производят совместно материальные блага, а представители другого класса присваивают их индивидуально ¹⁾.

Это одно из многих внутренних противоречий капиталистической системы, и оно не исчезнет, пока присвоение продуктов не будет социализировано рабочими, которые отберут у нынешних собственников орудия и средства производства.

Нравственность—душа цивилизации и всего, что действительно ведет к ней; но нравственность невозможна на основе капитализма, так как последний опирается на самые безнравственные явления в мире: грабеж, обман, убийство, невежество, нищету и рабство.

Если я прав в своем убеждении, что Соединенные Штаты еще более захвачены капитализмом, чем другие нации, не исключая даже Англии, они—величайший грабитель, обманщик и убийца на земле. Как же тогда Со-

¹⁾ В первых 55000 экземплярах моей книги содержание этого места вызвало ошибочное и неблагоприятное впечатление, что я считаю анархизм системой, близкой к капитализму. Я вовсе так не думаю.

Основа анархизма—учение об индивидуальной свободе, а эта свобода, как я неоднократно утверждаю в своей книге, величайшая сила в мире: сущность нравственности—единственный фундамент для постройки настоящей цивилизации. Анархизм, как говорит вкратце один из его представителей, правильно осуждает капиталистическое государство, так как оно является отрицанием индивидуальной свободы. Если бы анархизм даже ограничился правильным изображением этого хладнокровного чудовища, его заслуги были бы чрезвычайно велики. Но анархизм идет дальше. Он показывает, что человек достиг такого уровня, на котором, если он пожелает, он может стать господином над производительными силами; проповедуя необходимость экономического равенства, он стремится к созданию свободного экономического общества, которое все включает и одновременно так просто, что ребенок способен понять его. Сбросьте тех, кто сидит на вашей спине. Сбросьте с своих рук цепи рабства и работайте совместно на удовлетворение ваших собственных желаний.

Прим. автора.

единенные Штаты могут стать примером для правительств других наций?

Если правительство России удержится, оно скорее, чем Соединенные Штаты, станет примером, по которому остальные правительства должны будут равняться или сойти со сцены.

Да, не правительству Соединенных Штатов, а русскому правительству предназначено стать примером для всех народов, потому что цель наших правительств—деньги, больше денег, и это для немногих; в то время как бесконечно более высокая цель России состоит в жизни, лучшей жизни, возможно более полной жизни для каждого человека.

На протяжении моего поколения авангард человечества перешел от эпохи господства традиций к торжеству науки, и этот переход—самое великое и спасительное событие в истории человечества. Невозможно преувеличить его важность. Он означает, что созрело время, когда человек начинает сознавать, что он должен сам искать для себя спасения, не возлагая надежд на какого бы то ни было бога.

С незапамятных времен человек понимал, что невежество несет ему гибель, а в знании—его спасение, но в течение слишком многих и долгих веков господства традиций, он совершил роковую ошибку, предположив, что он зависит в своем знании от сверхъестественного откровения сознательного, личного бога. Но теперь передовая часть людей, пастыри человеческого стада, видят все яснее, что человек вполне естественно унаследовал свои знания и должен умножать их собственным опытом при помощи разума и исследований.

Да, мир движется сейчас сквозь длинную, темную ночь, но не самую длинную и темную в течение истории; и с тех пор, как, наконец, все большие и быстро увеличивающиеся массы поняли, к счастью, что человечество должно работать для своего собственного спасения, опираясь лишь на свои собственные знания, им унаследованные и увеличиваемые, а не на сверхъестественную милость, мы имеем больше оснований, чем все наши пред-

шественники, надеяться на наступление бесконечного, светлого дня человеческого счастья.

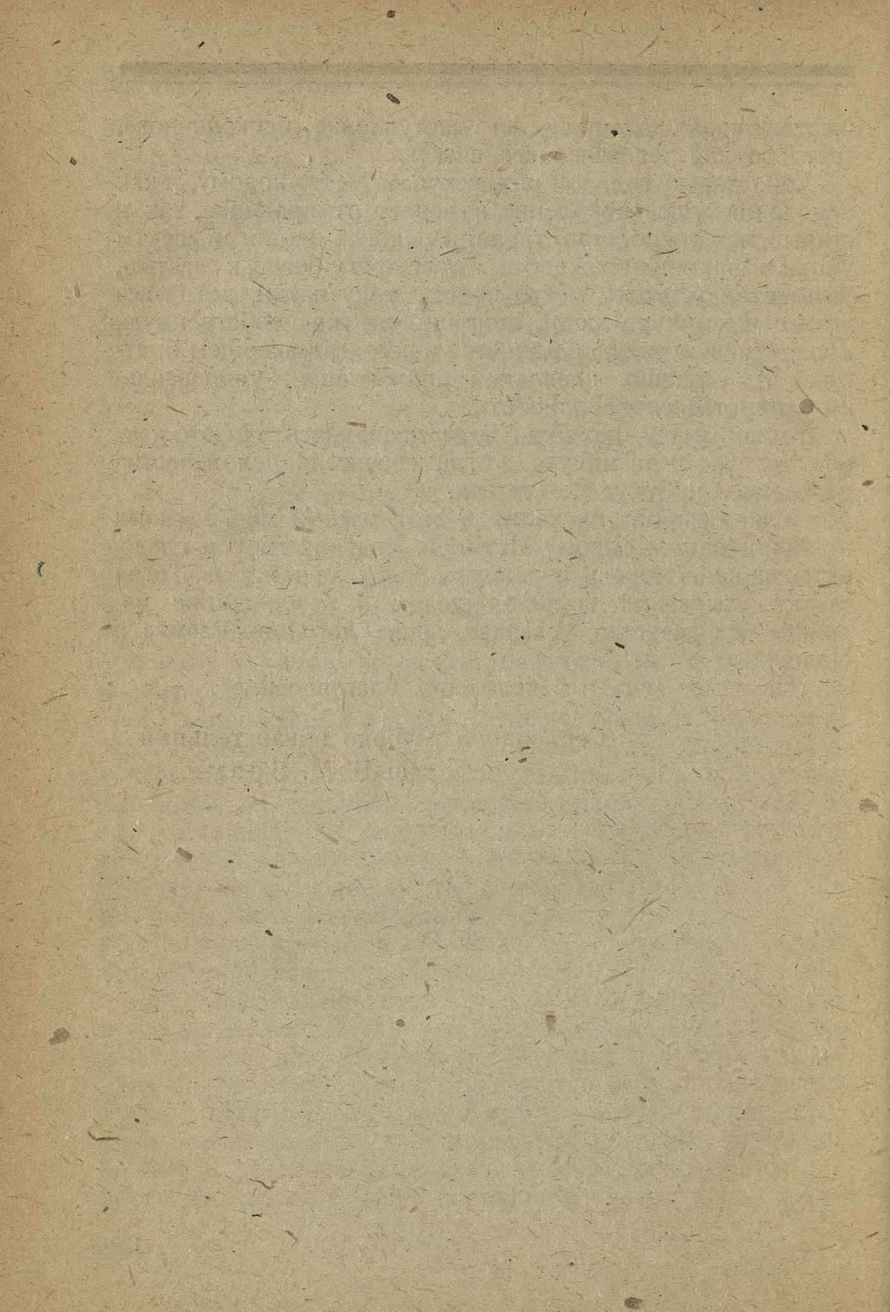
Как старый год, умирая, уступает место новому, и как новое, цветущее поколение заменяет отмирающее, так и старый век господства традиций, когда нации и секты уповали на своих враждебных друг другу богов, к счастью, умирает и уступает место новому веку науки, когда все умные и хорошие люди, опираясь на свою собственную, коллективную силу, объединятся в всеохватывающем братстве для создания идеальной цивилизации, универсального царства справедливости.

Теперь ночь—полночь. Бьет двенадцать. Но это как раз тот час и та минута, когда спасители человечества рождались и будут рождаться.

Дева - Природа нисходит в этот темный мир с своим новорожденным сыном—Истиной. Знать Истину и следовать за ней—мораль и религия, политика и жизнь. Тогда те, кто выражает высшие идеалы и глубочайшие надежды человечества, услышат пение ангелов—Разума и Надежды:

„На земле мир, и в человецех благоволение“.

Сердечно и глубоко признательный
ваш В. М. Браун.

Нравственность—величайшая сила в мире, но как бы ни казалось это парадоксальным, еще важнее нравственности свобода—свобода изучения, объяснения и проповедывания истины, которая раскрывается нам в явлениях природы, и свобода жить согласно этой истине. Без этой свободы нет нравственности, а тем паче никакой истинной религии, политики или цивилизации.

КОММУНИЗМ и ХРИСТИАНСТВО

ИССЛЕДОВАНИЕ и ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

Часть III

ОТВЕТ КРИТИКАМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МАРКСИЗМА и ДАРВИНИЗМА

I. Марксистский катехизис, 143 стр.—II. Некоторые марксистские определения, 155 стр.—III. Бог и бессмертие, 165 стр.—IV. Мифологический характер действующих лиц ветхого и нового завета, 170 стр.—V. Изменит ли коммунизм человеческую природу?, 177 стр.—VI. Какова будет форма рабочего государства?, 180 стр.—VII. Отказ от предложенной нами премии, 185 стр.—Послесловие 191 стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Человек — общественный работник, человеческий труд — социальная организация, которая определяет характер внутреннего мира личности, т.-е. ее нравственную и мыслительную активность во всех проявлениях сознания: в религии, этике, праве, политике, науке и в искусстве, путем изменений в экономической структуре общества и окружающем мире. Формулировка и доказательство этих истин — основа марксизма в точном смысле слова. Они дают ключ к пониманию коммунистической критики, как науки об обществе и как исторической концепции.

Благодаря Иосифу Дицгену, марксизм был в этом отношении подтвержден, более того — развит. Ныне он главенствует, опираясь на следующие дополнительные аргументы: сила сознания функционирует только благодаря неразрывной связи с материалом, доставляемым ощущениями наших органов чувств. Наши ощущения существуют не только как элемент сознания, но и в объективной, способной к восприятию форме, как часть космоса, всеобщего организма, который является первоисточником всего прочего. Следовательно, все явления, включая мыслительную способность и одаренного ею человека, являются органическими составными частями космоса и это естественное, бесконечное и имманентное взаимоотношение и доставляет долгожданное монистическое объяснение всех явлений. Подкрепив эти тезисы (или положения) своей критикой процесса мышления, Дицген тем самым выяснил вопрос, почему среди всеобщего взаимодействия экономика оказывает наибольшее влияние на духовную деятельность. Таким образом Дицген углубил и усовершенствовал марксистскую теорию социального развития и возвысил её до уровня научного миропонимания.

(Введение к философским очеркам Дицгена).

I. Марксистский катехизис.

Между рабочим классом и классом капиталистов нет ничего общего. Не может быть мира между ними, доколе голод и нужда свирепствуют среди миллионов трудящихся, а немногие, образующие класс предпринимателей, обладают всеми жизненными благами. Между этими двумя классами борьба должна продолжаться до тех пор, пока рабочие, организованные как класс, не овладеют землей и всеми орудиями производства и не уничтожат системы наемного труда.

*Предисловие к „Манифесту
промышленных рабочих мира“.*

СРЕДИ критических отзывов, которых удостоилось первое издание этой книжки, особенно приятен был отзыв, появившийся в „Народном Еженедельнике“, официальном органе социалистической рабочей партии Америки. Он обращает внимание на один из недостатков моей книги, подчеркивая его в нижеследующем отрывке:

„Читателю, члену социалистической рабочей партии, привыкшему к сильной и сжатой аргументации Маркса, Энгельса и де-Леона, эта книжка, несомненно, покажется расплывчатой, быть-может, даже несколько хаотической; нам, однако, кажется, что именно это обстоятельство придает ей очарование. Епископ не доказывает, он просто беседует, рассказывая о самом себе, после борьбы, которую вынесла его душа“.

Хвалебная часть этого отзыва обнаруживает сердечное отношение критика к чувствам автора, но, вместе с тем, истина установлена критикой. Действительно, этот недостаток был мною замечен перед выходом в свет первого издания, и мною были сделаны усилия исправить его в особом приложении. После этого мои дальнейшие

усилия в том же направлении при первом и втором пересмотре значительно расширили это приложение, пока, наконец, благодаря критике, в настоящем издании, оно не разрослось до размеров важнейшей части книги (ч. III), и ныне о ней можно сказать: „хвост, который тащит собаку“.

Нижеследующее краткое изложение научного социализма, или коммунизма, является одновременно итогом и дополнением моей маленькой книжки. Оно служит вступлением к катехизису (в вопросах и ответах), озаглавленному „Очерки по научному социализму“ и изданному С. Н. Kerry et Co в Чикаго. С согласия издателей я перепечатаваю здесь это вступление с некоторыми изменениями, внесенными в интересах краткости и ясности. Этот небольшой учебник, размером всего в 30 страниц малого формата, лучшее произведение вопросо-ответной литературы, какое мне известно. Даже то сжатое изложение, которое я привожу здесь, имеет большее воспитательное значение для блага мира, чем все катехизисы всех церквей.

Этот катехизис был впервые опубликован в 1913 году.

1. Как объясняете вы исторические явления?

Ответ. С капиталистической точки зрения история есть рассказ о политических и духовных переменах и революциях, вызванных так называемыми великими людьми, при чем все экономические причины этих фактов или перемен либо остаются совершенно неизвестными, либо скрыты; с социалистической же точки зрения история являет нам ряд примеров классовой борьбы между эксплуатируемым классом, производителем богатств, и классом эксплуататоров, распорядителей созданных богатств.

2. Какое значение имели в „истории великие люди“?

Ответ. Великие люди были лишь идейными выразителями чаяний общественного класса, достигшего экономической мощи. Они были центром, вокруг которого организовывался класс в стремлении к экономическому превосходству в своих интересах и к установлению со-

циальных учреждений, отвечающих их классовым интересам и содействующих их длительной поддержке. Такие люди воплощали жизненные принципы своего времени и представляли классовые интересы своей эпохи. Те же люди с теми же взглядами не были бы великими людьми при ином способе производства, когда еще не назрело время для их идей.

3. Какое важное обстоятельство приводит к появлению великих людей?

Ответ. То обстоятельство, что их идеи совпали с интересами общественного класса, ставшего экономически мощным. Следовательно, должны быть в наличии или в процессе развития те экономические условия, которые находят свое высшее выражение в идеях таких людей.

4. Почему изменяются общественные отношения, а не остаются неизменными?

Ответ. Процесс экономического развития не позволяет им оставаться неизменными. Развитие и усовершенствование средств производства и обмена производят экономические перемены, и вследствие этого вынуждены меняться соответственно изменившимся экономическим условиям и социальные учреждения (государство, церковь, школа и, даже, семья). Последние перемены обязаны эволюционным и революционным процессам в способах производства и обмена.

5. Почему возникают новые идеи, и может ли их появление носить индивидуальный характер?

Ответ. Новые идеи, теории и открытия вытекают из материальных условий, которые действуют на каждого члена общества. Какая-нибудь идея или открытие могут возникнуть одновременно у отдельных лиц, совершенно независимо друг от друга. Это показывает, что не великие люди создают материальные условия, но последние (способы производства и обмена) производят людей, способных систематизировать факты и выражать идеи обычно в интересах какого-либо класса.

6. Какая великая идея возникла одновременно и независимо у Дарвина и Уоллеса?

Ответ. Теория „естественного отбора“, которая показала, что прежде существовавшие формы живого мира, находившиеся в близком родстве, были родительским стволом, из которого путем изменений возникли новые формы.

7. Какая великая идея возникла одновременно и независимо у Маркса и Энгельса?

Ответ. „Материалистическое понимание истории“.

8. Перечислите три основных идеи, развитые Марксом и Энгельсом, которые ныне являются фундаментом социалистической, или коммунистической философии.

Ответ. 1) Материалистическое понимание истории, или закон экономического детерминизма, 2) закон прибавочной стоимости и 3) классовая борьба.

9. Объясните вкратце материалистическое понимание истории.

Ответ. В каждую историческую эпоху господствующий способ производства и обмена и необходимо вытекающая из него структура социальной организации—основа, на которой воздвигается и при помощи которой только и может быть объяснена политическая и духовная история эпохи. Законы, обычаи, воспитание, религия, общественное мнение и мораль, в конечном счете, формируются экономическими условиями; другими словами, правящим и господствующим классом, который выдвигается на авансцену данной эпохи экономическими условиями.

10. В чем заключается важнейшая жизненная задача?

Ответ. В обеспечении пищей и кровом.

11. Какое отношение имеет предыдущий вопрос к материалистическому пониманию истории?

Ответ. Он дает нам ключ к пониманию прошлого и, до некоторой степени, к предвидению дальнейшего развития.

12. Какое влияние оказывает господствующий в определенную эпоху способ производства и обмена на социальную организацию, политическую и духовную историю этой эпохи?

Ответ. Все, что касается самого корня экономической структуры и изменяет ее (заботы о пище и крове), неизбежно влечет изменения во всякой иной отрасли человеческой жизни: политической, нравственной и религиозной. Таким образом, социальный вопрос—прежде всего, вопрос экономический и на последнем должны быть сосредоточены все наши помыслы и стремления.

13. Соответствуют ли в какую-либо эпоху представления правящих классов господствующему способу производства?

Ответ. Вполне соответствуют, все эти социальные учреждения, как-то: гражданские, религиозные, правовые, воспитательные, политические и семейные были сформированы в интересах экономически господствующего класса, который контролирует деятельность этих учреждений в целях охраны своих классовых интересов, находящихся в них свое отражение.

14. Какое влияние оказывают идеи правящих классов на интересы подчиненных?

Ответ. Это влияние пагубно для интересов подчиненных классов, так как интересы различных классов противоречат друг другу. Поэтому правящий класс считает эти учреждения весьма полезными для того, чтобы убедить или принудить так называемые „низшие классы“ подчиняться экономическим условиям, абсолютно противоречащим их интересам, хотя они („низшие классы“) и являются производителями богатств.

15. Укажите разницу между естественной средой и искусственной, созданной человеком.

Ответ. Естественная среда, которая состояла в плодородии почвы, климатических условиях, изобилии плодов, корней, дичи и рыбы, имела особенное значение на ранней ступени человеческого развития. С прогрессом цивилизации естественная среда теряет свое важное значение, и искусственная экономическая среда, созданная человеком, становится в такой же степени важной.

16. Объясните вкратце закон прибавочной стоимости.

Ответ. Прибавочная стоимость — разница между тем, что рабочий класс в целом извлекает из своего труда в качестве заработной платы, скажем, в среднем, 5 долларов в день на человека и тем, что класс предпринимателей в целом получает от продажи по их ценности созданных рабочими средств существования, скажем, по 25 долларов в среднем на каждого человека. Согласно умеренному расчету, капитал, в целом, в течение долгого времени присваивает себе $\frac{4}{5}$ производительной силы труда. Капитализм, следовательно, великий грабитель, Веельзевул грабителей.

17. Если мы признаем определяющим экономический фактор, какое значение имеет для нас закон прибавочной стоимости?

Ответ. „Закон прибавочной стоимости — ключ к пониманию экономической системы современного общества. Основная цель капиталистического общества — образование и накопление прибавочной стоимости; или, иными словами, систематический легальный грабёж подчиненного рабочего класса“.

18. Определите ценность и способ ее измерения.

Ответ. Ценность — количество общественно, а не индивидуально необходимого рабочего времени, при нормальных общественных условиях производства и воспроизводства материальных благ.

19. Что определяет ценность рабочей силы?

Ответ. Как и ценность всякого другого товара, она определяется средним количеством рабочего времени,

общественно-необходимого для ее производства и воспроизводства, т.е. для воспитания и содержания детей, которые должны сменить своих родителей в качестве наемных рабов.

20. Если рабочая сила—товар, каким условиям она подчинена?

Ответ: Тем же, что и все другие товары, независимо от того остоятельства, что она—источник всякой общественной ценности. Рабочий, в котором воплощен товар-рабочая сила, не получает всей ценности продукта своего труда, но лишь, приблизительно, $\frac{1}{5}$ часть ее, в такой мере, чтобы сохранить свою рабочую силу и воспроизводить в лице своих детей добавочную рабочую силу. Если бы рабочий получал полную ценность продукта своего труда, он имел бы более, чем достаточно, для сохранения своей рабочей силы и воспитания семьи. Такая экономическая система уничтожила бы все виды прибавочной стоимости, или прибыль, следовательно, и наемную систему труда, установив экономическую и социальную организацию в интересах трудящихся, тогда не могло бы существовать других классов, и классовая борьба прекратилась бы.

21. При какой экономической системе, прошлой или настоящей, возникает прибавочная стоимость?

Ответ. Она—фундамент всякой социальной системы, с момента установления частной собственности, но лишь при современной системе, (капитализме), рабочая сила приняла форму товара. Рабочая сила—товар двойственного характера; он обладает потребительной и меновой ценностью. Его потребительная ценность состоит в том, что он способен создавать ценность, превышающую потребности поддержания жизни и воспроизводства рабочего. Его меновая ценность есть рабочее время, общественно необходимое для его производства и воспроизводства. Личное рабство и феодальная система не имели своей непосредственной целью производство материальных благ в интересах хозяев, а заняты были скорее про-

извозством для общих нужд, как хозяев, так и рабов, и производством предметов роскоши для хозяев. То, что не производилось для собственного потребления, поступало в продажу при удобных обстоятельствах, иногда даже появлялись профессиональные торговцы, в роде финикийян, но это было исключением из общего правила; то же имело место и при феодализме, исключая позднейший период, когда развилась торговля; но эта торговля не была характерной чертой самого феодализма — это начал развертываться и укрепляться нарождающийся капитализм.

22. Назовите три основных системы экономической организации, которые были основой прошлой истории и социальных учреждений?

Ответ. 1) Личное рабство, 2) крепостное право или феодальное рабство и 3) наемное рабство.

23. Объясните вкратце, как подчиненные классы эксплуатировались при каждой из этих экономических систем.

Ответ. 1) При личном рабстве работник был рабом (собственностью), подобно лошади или мулу, и получал лишь „содержание“, т.-е. пищу, одежду и жилище для сохранения своей рабочей силы и производства будущей рабочей силы—детей. Все, что он производил, потребительные ценности и дети, присваивалось хозяином. Личность раба была собственностью его хозяина. 2) При крепостном праве, или феодальном рабстве, он производил все необходимое для поддержания своей рабочей силы и производства семьи рабов, и затем остальное время производил потребительные ценности для своего феодала. Личность раба была его собственностью, хотя он не мог свободно перемещаться; он был прикреплен к земле своего господина. 3) При наемном рабстве рабочий получает заработную плату, которая также лишь равна ценности необходимых средств существования для сохранения его рабочей силы и воспроизводства добавочной рабочей силы в лице детей. Весь его продукт принадле-

жит капиталисту; из этих средств последний выплачивает цену товара—труда, равно как и остальных товаров, в роде сырья, присваивая себе все остальное, что обращается в капитал, посредством которого он не только продолжает, но даже увеличивает эксплуатацию своих рабочих. Личность наемного раба принадлежит ему самому, как и при феодальной системе, с той лишь разницей, что, если ему не нравится хозяин, или он не нравится хозяину, он может или должен уйти в другое место в поисках работы. В этом его свобода или необходимость, выгодная классу собственников и невыгодная рабочему классу. Безработица необходима при существовании капитализма, но вместе с тем опасна для системы и, в конце концов, уничтожит ее во всех странах, как это случилось в России.

24. Определите „классовую борьбу“.

Ответ. Это прямое столкновение двух враждебных классовых интересов, заключающееся в том, что класс предпринимателей употребляет все усилия, чтобы присвоить как можно больше богатств, созданных рабочим классом, а рабочий класс борется за то, чтобы удержать за собой возможно больше произведенных им богатств.

Класс капиталистов стремится получить возможно большую прибавочную стоимость, а рабочий класс возможно более высокую заработную плату.

Классовое сознание тех, кто живет трудом, нашло свое наилучшее выражение в следующих параграфах:

Мир стоит на пороге нового общественного строя. Капиталистическая система производства и распределения обречена; капиталистическое присвоение продукта труда обращает огромное большинство человечества в наемных рабов, ввергает общество в конвульсии классовой борьбы и по временам угрожает бросить человечество в пропасть хаоса и катастрофы.

С момента возникновения цивилизации человеческое общество всегда было разделено на два основных класса. Каждая новая общественная форма явилась на свет с определенной целью осуществить прогресс челове-

ства. Каждая родилась, росла, развивалась, процветала, состарилась, одряхлела и, наконец, была уничтожена. Каждое общество выростило в самом себе зародыши своей собственной гибели, равно как и зародыши будущего общественного строя.

Капиталистическая система родилась в XVII, XVIII и XIX веках ценой уничтожения феодализма. Его великая и огромной важности задача в развитии человека заключалась в усовершенствовании, развитии и концентрации средств производства и распределения, что вело к созданию системы общественного производства. Этот процесс был завершен в передовых капиталистических государствах приблизительно к началу XX века. Тем самым капитализм выполнил свое историческое назначение, и с этого момента класс капиталистов превратился в класс паразитов.

В ходе прогресса человечество прошло (через классовое господство, частную собственность и индивидуализм в производстве и распределении) от вынужденных и неизбежных лишения, нищеты и невежества, дикого состояния и варварства к изобилию и огромным производительным силам капитализма. Для всех практических целей общественное производство ныне превзошло индивидуальное.

Капитализм больше не означает наибольшего блага для наибольшего числа. Он больше не ведет к прогрессу, но к реакции. Частное производство влечет за собой частную собственность. Производство ведется не для удовлетворения нужд человечества, но в интересах прибыли собственников, акционерного общества, треста. Рабочий, не получая полного продукта своего труда, не может купить то, что он производит. Капиталист расточает часть в безудержной роскоши, остальная часть вынуждена искать иностранного рынка. В начале XX века капиталистический мир Германии, Англии, Америки, Франции, Японии, Китая производил в безумном количестве на мировой рынок. Кризис капитализма привел в 1914 году к капиталистическому конфликту, общеизвестному под названием „мировой войны“. Капиталистиче-

ский мир не может выбраться из им же созданных развалин. Америка ныне подавлена тяжестью ее собственного золота и продуктов.

Это положение привело к настоящему ужасному состоянию человечества, к истощению, лишениям, холоду, болезням, эпидемиям и войне. Такое состояние имеет место среди изобилия, когда земля способна прокормить в сто раз больше народу, когда орудия производства способны умножить в сотню раз человеческую энергию и ум. Нынешнее ужасное состояние обязано исключительно тому, что производительные силы восстают против существующих производственных отношений. Частная собственность на средства существования стала социальным преступлением. Земля никем не создана; современные машины—результат общих усилий человеческого разума с незапамятных времен; земля может быть возделана, и машины пущены в ход лишь коллективными усилиями рабочих. Прогресс требует коллективной собственности на землю и орудия труда, посредством которых производятся материальные блага. Собственник средств существования ныне тот же разбойник на большой дороге; он стоит вооруженным перед обществом; от него зависит, сумеют ли миллионы работать, добывать себе трудом пищу, жить. Чтобы общество шло вперед, капиталистическая система производства и обмена должна быть уничтожена.

На место капиталистической системы мы должны поставить систему общественной собственности на средства производства, управляемые рабочими, которые руководят промышленностью и работают в ней.

25. Определите „классовую сознательность“.

Ответ. Классовая сознательность рабочих означает, что они понимают прямую противоположность своих классовых интересов интересам капиталистов.

26. Каковы функции государства в классовой борьбе?

Ответ. Государство—классовое орудие. Оно—власть принуждения, созданная и поддерживаемая в челове-

ском обществе классовым делением, власть, созданная силой и устанавливающая законы. Оно используется господствующим классом, чтобы держать в порабощении подчиненный класс в интересах правящих и собственников. Оно служит также для того, чтобы помешать рабочим изменить экономическую организацию общества в своих интересах.

Автор катехизиса, небольшую часть которого составляют приведенные выше 26 вопросов и ответов, говорит:

„Общество в своем росте подчинено законам эволюции. На известной ступени эволюционного развития становится необходимым революционный переворот, чтобы разбить оковы старого порядка и установить новый строй. Как цыпленок растет эволюционным путем в яйце, пока он не достигнет такого состояния, что должен разбить скорлупу (революция) для дальнейшего роста, так же и классовые общества достигают такого момента в своем эволюционном развитии, когда революция становится необходимой для продолжения их роста, для установления нового строя, который является шагом вперед по пути цивилизации“.

С 1913 года, времени опубликования этого катехизиса, произошла война, имевшая целью покончить с войнами навсегда и подготовить мир для демократии—роковая, прискорбная война, которая унесла миллионы жизней, миллионы искалчила и имела своим результатом новые войны и усиление империализма.

Эта война между различными национальными группами капиталистов с враждебными экономическими интересами привела к трем неожиданным кризисам: 1) неизбежному банкротству капитализма; 2) коммунистической революции в России и 3) неизбежному захвату мира революционным пролетариатом.

До сих пор земля со всем, что в ней и на ней, была собственностью капиталистов. Отныне она станет собственностью производителей-рабочих.

Будущее принадлежит рабочему классу, но лишь тогда, когда он сплотится в единую, великую, революционную организацию.

II. Некоторые марксистские определения.

Величайшая идея мира—экономическая свобода: основа этой свободы—земля. Когда земля станет в равной мере собственностью всех людей, т. е. никто не будет иметь ее в частной собственности, мир достигнет экономической свободы. До тех пор не будет подлинной религии, политики или цивилизации, так как экономическая свобода—божественная троица, в которой религия—бог отец, политика—бог сын и цивилизация—св. дух.

НЕВОЗМОЖНО в немногих строках дать полного определения великой социалистической идее, тем более, что она различна и часто противоречиво понимается. Так, например, свобода и тирания—два противоположных полюса, однако, одни называют тиранию—свободой, а свободу—тираннией. Эти трудности особенно велики по отношению к понятиям, которые выражают идеалы различных систем в области социализма.

Приводимые мною ниже определения вовсе не принадлежат мне целиком, или даже, преимущественно, они лишь изменены несколько в моей передаче. Во всяком случае я многим обязан Даниэлю де Леону и возражениям умелой критики, как по существу их, так и, в некоторых случаях, их формой.

Анархизм: индивидуалистическая теория, в своем свободолобии враждебная всякой принудительности власти, но не авторитету, опирающемуся на убеждения. Анархисты рассчитывают создать общество из свободных союзов, без правящих и управляемых, без эксплуататоров и эксплуатируемых, основанное на безусловном уважении к личности.

Анархисты утверждают, что природа одинаково одарила людей правами и благами, и тот, кто выше других по своим духовным, умственным и физическим качествам, не должен пользоваться своим превосходством в личных интересах в ущерб менее одаренным; напротив, сильные должны помогать слабым, а не угнетать их; все, что

служит для потребления человечеству, должно быть в свободном распоряжении всех, как воздух, свет и вода; назначение анархизма в том, чтобы освободить человечество от социальных, экономических и политических оков посредством перехода земли и благ в руки производителей с тем, чтобы единственной обязанностью каждого трудоспособного члена общества был полезный труд.

Большевизм. В узком первоначальном своем смысле означает фракцию большинства Российской Социал - Демократической Рабочей Партии; в широком смысле, большевизм—международное движение, имеющее своей целью уничтожение капитализма путем установления диктатуры пролетариата, для чего нужна всемирная социальная революция, которая приведет к коммунистическому обществу. Государственная система большевизма предполагает федерацию советов, которые выполняют необходимые социальные функции, связанные с трудом, и заведуют общественными делами. Большевизм—экономическая система, при которой средства производства являются собственностью рабочего класса, им контролируются и состоят в его заведывании, в интересах всего народа. Соответственно с этим уничтожается политический и экономический деспотизм, и классовое господство приходит к своему концу. Большевики выдвигают на первый план политический характер, а не профессиональный, общественного контроля. В этом отношении их цели и взгляды резко отличаются от взглядов и целей Промышленных рабочих мира.

Капитализм. Общественный строй, при котором средства производства (капитал) достигают таких колоссальных размеров, что класс, владеющий ими, деспотически правит сушей и морем, неприступный в своей твердыне; он усердно увеличивает число своих наемных рабов, подготавливая тем самым для себя могильщиков, которые уничтожат его и поведут вперед человечество к коммунистической республике. Капитализм—экономическая система, ведущая к накоплению капитала и росту социального могущества частных лиц, результатом чего

является социальное неравенство, величайшие социальные бедствия, невежество, война, нищета и рабство.

Капитализм—общественный строй, при котором орудия производства и обмена, равно как и естественные богатства, являются частной собственностью; производство направлено к получению прибыли отдельными лицами, а не в интересах общества. При капитализме наемные рабы создают орудия труда, работают ими, добывают необходимое сырье, и в то же время они обкрадываются собственниками, которые в среднем платят им не более $\frac{1}{5}$ рабочими же созданной ценности. Такая низкая оплата труда приводит рабочих к недоеданию. Поэтому, хотя потребление хозяев значительно превосходит потребности, и много тратится ими на большую роскошь, внутренний рынок переполнен товарами, которые вследствие этого должны быть вывезены в чужие страны.

Все капиталистические нации ищут внешних рынков для сбыта излишка товаров. Погоня за рынками приводит их к столкновению между собой. При периодически повторяющихся кризисах в лучшем случае возникает безработица, в худшем—война.

Коммунизм—общественный строй, при котором орудия производства и обмена, равно как и естественные богатства и все, что служит обществу, являются общественной собственностью и находятся в распоряжении и под контролем всего общества.

Производство будет вестись не для прибыли, а в интересах общества. Всякий работоспособный человек обязан будет трудиться на пользу общества. Коммунисты заимствуют из евангелия лозунг: „кто не работает, тот не ест“. Рабочие будут получать полностью продукты своего труда. Они будут потреблять соответственно тому, что создают. Благодаря этому не будет прибавочной ценности, ни эксплуатации трудящихся, ни бедности или безработицы. Стачки и войны исчезнут. Коммунисты—сторонники крайнего коллективизма—общественного контроля над всем производством. Это означает: ничто не принадлежит отдельному лицу, все принадлежит всем, т.е. всему обществу.

Конечно, и при коммунизме вещи личного пользования будут находиться в распоряжении отдельных лиц. Принцип коммунизма: каждому по его потребностям, от каждого по его способностям. Коммунисты признают и стремятся к централизации производства, распределения и управления ими, в возможно более обширных размерах, так как они рассматривают промышленность, как огромный, согласованный механизм, все части которого связаны между собой. Когда коммунистический идеал осуществится, государство окажется бесполезным благодаря тому, что люди привыкнут соблюдать основные правила общественной жизни, что труд станет достаточно производительным для обеспечения правильного и непрерывного производства, что люди будут добровольно работать, следуя своим наклонностям, и смогут пользоваться плодами своего труда в меру потребностей. В коммунистическом обществе „управление людьми заменяется заведыванием вещами и процессом производства“.

Эгалитаризм: теория, основанная на применении индивидуализма к человеческому обществу, признающая, что всякая личная собственность должна быть результатом труда личности, в основе обмена товаров должен быть принцип равенства трудовых затрат взрослых производителей. Это обеспечит и сохранит экономическую свободу, создаст соревнование между людьми и сделает излишними всякую принудительную власть.

Синдикализм: общественный строй или экономическая организация рабочего класса, отрицающая всякую общность интересов капиталистов и рабочих и признающая, напротив, непримиримую противоположность их интересов. Синдикалисты считают, что классовая борьба прекратится лишь с уничтожением капитализма. Они утверждают, что вред, причиненный одному рабочему — вред для всего рабочего класса, и потому организуют всех рабочих в один союз, подразделенный на соответствующее число профессиональных организаций, чтобы бороться, как единый союз рабочих всех отраслей промышленности, за непосредственное улучшение положения своих сочленов и за будущее освобождение рабо-

чего класса путем уничтожения экономического и политического господства капиталистов. В капиталистическом лагере синдикализм означает владение, управление и контроль над промышленностью со стороны собственников, организованных в интересах получения прибыли — а не в интересах общества. В коммунистическом лагере синдикализм означает переход промышленности в общую собственность трудящихся в целях производства в интересах производителей и тех членов общества, кто по своему физическому или духовному состоянию не способен работать. Цель синдикалистов организовать рабочий класс как для уничтожения господства капиталистов, так и для активного участия в промышленности с тем, чтобы он после революции мог сам руководить промышленностью и развивать ее. С точки зрения синдикалистов, согласование в настоящем технических процессов для будущего общества труда столь же важно, как ведение классовой борьбы. Вот почему предисловие манифеста Промышленных рабочих мира (I. W. W.) содержит декларацию об организации нового общества в недрах старого.

Трэд-юнионизм. Профессиональная организация рабочих, как противопоставление цеховой. В то время, как в цеховой организации рабочие объединены по своему занятию, ремеслу или профессии, независимо от места работы, в профессиональной организации рабочие объединены по производству, независимо от их занятий, ремесла или профессии. Например, все рабочие транспортной промышленности, безразлично, являются ли они служащими канцелярии, уборщиками, механиками, носильщиками, плотниками или типографами, организованы в единый большой союз. Иначе говоря — трэд-юнионизм — теоретическое выражение производственного союза, который организует рабочих целой отрасли промышленности вместо того, чтобы дробить их по отдельным цехам.

Трэд-юнионизм и революционный синдикализм. Теория, согласно которой рабочий класс, благодаря производственным союзам, овладеет средствами производства и организует новый общественный строй.

Тред-юнионизм, или синдикализм,—организованное выражение того факта, что только рабочий класс является производителем и вместе с тем представляет несколько не скрываемое намерение со стороны рабочих руководить производством без вмешательства или помех со стороны других классов.

Промышленные рабочие мира и международная рабочая организация профсоюзов. Различие между ними в том, что последняя организация (W. I. I. U.) допускает как воздействие через парламент, так и экономическую борьбу профсоюзов, тогда как первая (I. W. W.) отвергает парламентскую деятельность и признает только деятельность экономических организаций рабочего класса. Вначале они были едины, но потом раскололись из-за этого различия; обе, однако, носили название Промышленных рабочих мира. Несколько позже, чтобы не создавать путаницы, та группа, которая признает парламентскую деятельность, наименовала себя Международным союзом рабочих организаций (W. I. I. U.). Тред-юнионизм—орудие самосохранения путем объединения слабых животных, против сильных зверей джунгли. В будущем свободном обществе у рабочих не будет нужды в профессиональной борьбе, так как капитализм будет уничтожен, и рабочий класс использует свое объединение для повышения собственного благополучия, а не в интересах капиталистов; при настоящем же строе—трэд-юнионизм означает объединение рабочих по производству, а не по цехам. Тред-юнионизм есть применение теоретических воззрений I. W. W. и W. I. I. U., целиком или частично, к рабочим организациям. По существу, он представляет форму рабочих организаций, приспособленную к строю промышленности, хотя она и не всегда носит сознательный характер. Революционный синдикализм вносит в эту организацию классовую сознательность.

Материалистическое объяснение истории: согласно марксизму человеческая история имеет своей основой заботу о пище, одежде и крове. В этом суть материалистического понимания истории, правиль-

ность которого ясно доказывает следующая цитата ¹⁾:

„В каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляет основу политической и умственной истории; соответственно этому вся история с тех пор, как разложилось первобытное общинное землевладение, была историей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития; но что эта борьба достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый класс (пролетариат) не может освободить себя от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освободив в то же время и навсегда всего общества от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы“.

Боги не делают истории, но и великие люди лишь в ничтожной степени делают ее. История делается, главным образом, орудиями труда. Историю моего поколения создала паровая машина в большей степени, чем все великие люди, вместе взятые, и это в одинаковой мере справедливо по отношению к любому орудию труда во всякое время. История мира подразделяется дарвинизмом, как и марксизмом, на две эпохи—эпоху господства традиций и научную; разница между ними—в орудиях труда, а не в действиях богов и великих людей.

Система фабрично-заводских комитетов: динамическая суть синдикализма. Она выражается в известных мероприятиях во всех профессиональных союзах, безразлично, революционных или нет. Теория этого движения заключается в том, чтобы в конечном счете контроль над предприятиями был в руках рабочих самих фабрик и заводов, чтобы профессиональные организации функционировали повсюду на основе промышленных предприятий. Орудием борьбы должны быть рабочие комитеты, образованные из делегатов предприятий от всех рабочих, квалифицированных и чернорабочих, мужчин и женщин.

¹⁾ Из предисловия Энгельса к немецкому изданию 1883 г. „Коммунистического Манифеста“.

Социализм: 1) Во-первых—наука об обществе, включающая экономическую науку и социологию. Социализм, как экономическая наука, основан на признании того факта, что рабочий класс—единственный производительный класс общества, создающий ценности, с вытекающими отсюда последствиями, что капиталисты, или господствующий класс,—паразиты в обществе, вампир, высасывающий соки общества. Поэтому интересы обоих классов абсолютно различны. Как социология, социализм исходит из того факта, что общественный строй изменяется, что общество, как организм, подвержено переменам—рождению, детству, зрелости, дряхлости и, наконец, смерти. Согласно социализму, история представляет собой непрерывный ряд проявлений классовой борьбы; движущую силу, вызывающую перемены в форме общества и связанную с ними классовую борьбу, нужно искать в экономическом базисе, т. е. в особенном, присущем обществу на данной ступени исторического развития способе производства пищи, одежды и жилища, в состоянии и развитии орудий и средств труда эпохи.

Социальные надстройки—правительство, нравственные понятия, формы религии, право формируются и развиваются в соответствии с экономическим фундаментом. Цель человечества не заключается только в стремлении к приобретению частной собственности; „простая погоня за собственностью не есть конечное назначение человечества, если прогресс в будущем будет в такой же мере законом развития общества, как он был в прошлом“. Сочетание обеих наук—экономики и социологии—дает необходимые предварительные знания для организованного и мирного разрешения социальной проблемы и для перехода к новому высшему общественному строю.

2) Во-вторых—социализм есть форма общественного строя, в котором производство имеет своей целью удовлетворение общественных нужд в противоположность современному производству, имеющему целью получение прибыли, и в котором земля, орудия и средства производства являются общей собственностью всех производителей и находятся в заведывании профессиональных

организаций производителей, теперешних наемных рабочих. Такой строй исключает существование правительства современного, политического типа и предполагает его замену промышленным правительством, основанным на представительстве различных отраслей производства. При таком правительстве рабочий будет иметь право голоса и участия в выборах в противоположность нашему времени с его политическим правительством, основанным на представительстве чисто - политическом (территориальном), или от произвольно устанавливаемых административных округов. Для достижения целей социализма рабочий класс должен организоваться политически и экономически для полного и — насколько это зависит от самих рабочих — мирного уничтожения нынешнего общественного строя. Следовательно, социализм — прямая противоположность капитализму в философии, в понимании исторического развития и в экономике, а также в своих представлениях об общественном строе и характере производства.

Вот пророческие слова, сказанные 50 лет тому назад Фридрихом Энгельсом о коммунизме:

„Со времени появления в истории капиталистического способа производства о присвоении обществом средств производства часто мечтали в более или менее туманной форме отдельные лица и целые секты, как об идеале будущего. Но это стало бы возможным и исторически необходимым, если бы были налицо современные условия осуществления этого идеала. Как и всякий другой общественный прогресс, этот идеал становится осуществимым вовсе не потому, что люди начинают понимать, что существование классов противоречит справедливости, равенству и т. д., не благодаря простому желанию уничтожить классы, но благодаря новым экономическим условиям... Пока совокупный общественный труд доставляет лишь немногим больше того, что наиболее необходимо для существования людей, следовательно, пока труд поглощает все или почти все время огромного большинства членов общества — до тех пор общество, по необходимости, разделяется на классы...

„С переходом средств производства в руки общества исчезает и товарное производство, а вместе с ним власть продукта над производителем. Анархия в общественном производстве уступает место планомерной организации. Борьба за индивидуальное существование прекращается. И тогда, впервые, человек, в известном смысле, окончательно порывает с остальным животным миром и возвышается от животных условий существования до истинно человеческого... Человек совершает скачек из царства необходимости в царство свободы“.

Капиталистические страны управляются банками, которые, естественно, являются учреждениями господствующего класса.

Россия управляется советами рабочих депутатов, которые, естественно, являются учреждениями трудящихся классов.

Банки и советы—те же штабы крупных союзов. В капиталистических странах банки—штаб крупного союза собственников. В России советы—штабы великого союза трудящихся. Эти два союза не могут жить и процветать в одной и той же стране. Все собственники повсюду видят необходимость в большом союзе, и во всех капиталистических странах, а особенно, в Соединенных Штатах союз собственников занимает нижний этаж, по правде, все этажи всех небоскребов, являясь самой всеобъемлющей и безжалостно твердой организацией мира.

Часть рабочих повсюду видит необходимость в мощном союзе, но нигде она так не ясна, как в России—единственной стране, в которой рабочие заняли нижний этаж и уже довольно долго отстаивают его против всех захватчиков.

Во всех странах рабочие положили начало фундаменту их великого союза, но лишь в одной стране, России, постройка пошла дальше, перейдя к верхним этажам. В России, как и везде, собственники препятствовали рабочим так, что они были вынуждены правой рукой защищаться, продолжая строить левой рукой. Тем не менее, сделаны изумительные успехи, и когда постройка

нового социалистического общества будет закончена (как этого можно скоро ожидать, или же мир пойдет к гибели), оно возвысится над своим капиталистическим соперником, как гора над кочкой. В конце концов, сила собственников в деньгах, а это не настоящая сила, ибо, в действительности, есть только одна общественная сила—производительный труд, который является достоянием рабочего.

В небесах нет бога, а на земле царей или священников, могущих сравняться с Трудом—господином богов, царем царей, папой священников.

Труд—выше всего. Лозунг „Вся власть трудящимся“, который сознательный пролетариат провозглашает на своих знаменах, не есть выражение фиктивного идеала, но декларация трезвой действительности, величайшей реальности в мире, труда, благодаря которому общество живет, движется и существует.

III. Бог и бессмертие.

Долой Иуды понелуй лукавый,
И сытого убийцы красный рот,
И самодержца в мантии кровавой,
И пастыря, который вечно лжет.

Свинбурн.

НЕКОТОРЫЕ критики утверждают, что социализм и спиритуализм, вопреки моему изложению, не исключают друг друга; но они упускают из вида четыре обстоятельства:

1) наш век науки, 2) марксизм—одна из наук, 3) огромное большинство людей науки отвергает все сверхъестественное, включая, конечно, и богов и чертей, и ад и рай, и 4) лишь в одной науке—психологии это большинство еще значительнее, чем в социологии.

Правдивость последних двух соображений с подавляющей ясностью вытекает из приложенной диаграммы. Она и ее объяснение, приведенное в нижеследующей цитате,

займствованы с любезного согласия автора и издателей из книги психолога бринморского университета, профессора Иосифа Леуба, под заглавием „Бог и бессмертие“. Книга эта пользуется большим влиянием, и я ее усердно рекомендую всем, кто думает, что я ошибаюсь, утверждая, что сознательная личная жизнь ограничена землей. Поэтому все, что мы когда-либо узнаем о рае и аде, мы имеем уже здесь на земле, сейчас. Иметь больше рая и меньше ада зависит от людей, а не от богов и чертей.

Вот цитаты в подтверждение моих мнений. Каков главный вывод этого исследования? Диаграмма XI, частичный итог (см. стр. 116), показывает, что в каждой обследованной группе лиц количество верующих в бога меньше, а во многих группах даже значительно меньше количества неверующих; верующих в бессмертие несколько больше, чем верующих в личного бога; среди наиболее выдающихся ученых неверие гораздо более распространено, чем среди рядовых ученых, и, наконец, имеет важное значение для отказа от веры не только степень талантливости, но и характер науки, которой занимается ученый. Это соотношение, которое мы видим в каждой группе, без исключения, между научными заслугами ученого и его отрицательными взглядами на религию, мне представляется весьма многозначительным. В трех из вышеперечисленных групп (биологи, историки и психологи) число верующих среди выдающихся ученых составляет лишь 50% или даже меньше 50% верующих среди рядовых ученых. Я не вижу, как уклониться от заключения, что неверие в личного бога и личное бессмертие возрастает прямо пропорционально способностям и успехам в упомянутых науках.

Изучение различных диаграмм этого произведения о связи между родом науки и степенью распространения неверия показывает, что историки и деятели в области физико-химических наук дают наибольший процент верующих, психологи, социологи и биологи — наименьший. Мое объяснение этого факта сводится к тому, что психологи, социологи и биологи гораздо чаще могут видеть

строгую закономерность органической и психической жизни, а не только неорганической; в то время, как деятелям в отрасли физико-химических наук приходится сталкиваться лишь с закономерностью неорганического мира. Поэтому вера в личного бога, как мы ее определили в нашем исследовании, менее возможна у изучающих явления духовной и органической жизни, чем у физиков и химиков.

Соседство историков с физиками и химиками на этой диаграмме, очевидно, свидетельствует, что в настоящее время характер закономерности не так ясно выступает в исторических событиях, как в биологии, экономике и психологии. Большое количество историков продолжают усматривать десницу бога в человеческих делах.

То, что более глубокое знакомство с органической и психической жизнью подрывает христианскую веру, выступает неопровержимо из указанного выше замечательного факта. В то время, как во всякой группе число верующих в бессмертие превышает число верующих в бога, у психологов мы видим прямо противоположное явление; а именно, среди выдающихся психологов процент верующих в бессмертие понижается до 8,8. Можно, мне кажется, утверждать: чем психолог талантливее, тем труднее для него верить в продолжение личной жизни после смерти тела.

В течение поколения, к которому я принадлежу, Дарвин и Маркс, величайшие мыслители, каких когда-либо имел мир, овладели важнейшими траншеями невежества, благодаря своим гениальнейшим произведениям, бесконечно более ценным, чем все библии вместе взятые. Дарвин совершил это в 1859 году своей теорией происхождения видов путем естественного отбора, а Маркс — в 1867 году своим „Капиталом“, критикой политической экономии.

Дарвин своим произведением изгнал христианскую церковь из ее траншеи сверхъестественного и единовременного акта творения, показав, что различные виды

животных и растений не являются, как это изображает библия, самостоятельными актами творения личного, сознательного бога, но связанными процессами эволюции безличной и бессознательной природы, путем развития от низших форм к высшим; человек — вовсе не особое создание бога, состоящее преимущественно в родстве с небесными божествами и имеющее основание рассчитывать на счастливую жизнь в раю, но находится в более или менее отдаленном родстве с каждым живым существом на земле и также безнадежно связан с землей, как слон, дерево или, даже, гора.

Маркс своим произведением изгнал государство из траншеи империализма и капитализма. Как Дарвин изгнал сознательных, личных богов из биологии, поставив на одном уровне животную и человеческую жизнь в ее телесных, умственных и душевных проявлениях, так и Маркс изгнал все подобные божества из социологии, поставив на одном уровне семью, государство, церковь, хижину, завод и мастерскую. Согласно Дарвину, все формы животной жизни обязаны своим существованием стремлению организмов приспособиться к окружающей их среде. Согласно Марксу, человеческая цивилизация — продукт экономической системы, то-есть, способов, которыми люди обеспечивали себя пищей, одеждой, жилищем.

Марксово и дарвиновское объяснение земной жизни в целом и жизни человечества в частности, известно под названием материализма. Это — материалистическое, естественно научное, социалистическое объяснение истории, и оно в корне отличается от спиритуалистического, сверхъестественного объяснения ее христианскими проповедниками. Особенно резко выступает противоположность этих двух воззрений в объяснении человеческой истории.

Христианские проповедники говорят: человеческая история направляется промыслом триединого бога, бог-отца, бога-сына и св. духа, и откровением, переданным

им великим людям, как, напр., Вашингтону, Лютеру, Цезарю, Моисею.

Дарвин и Маркс одинаково утверждают, что и триединый бог и вдохновленные вожди человечества—продукт общества; характер же общественного строя зависит от экономической системы, то-есть, от способов, которыми общество обеспечивает себя пищей, одеждой, жилищем; всякая же экономическая система, в конечном счете, зависит от орудий труда, которыми производятся основные материальные блага; первое орудие, помощниками которого являются все остальные,—человеческая рука.

Наиболее страстное и всеобщее среди человеческих стремлений есть стремление к освобождению—к освобождению от материальной нужды, социального неравенства и империалистической тирании, а также стремление к свободе изучать, мыслить, проповедывать истину и жить согласно ей.

Социализм марксистского типа—евангелие свободы, как бесклассовый бог, природа, открывает ее нам в интересах бесклассового мира: свобода есть истина, а рабство, которое никогда не было так распространено на земле, как теперь, и нигде в большей степени, чем в Соединенных Штатах, абсолютно несовместимо с истиной и с бесклассовым обществом.

Все религиозные евангелия были откровением классовых богов (Иисуса, Иеговы, Аллаха, Будды) в интересах класса капиталистов: следовательно, они ложны, а свобода абсолютно несовместима с ложью и классовыми интересами.

Невежество — бог-разрушитель, а капитализм — бич дьявола, бог, доставляющий наемным рабочим много ненужных страданий, в частности, те чудовищные страдания, которыми мы обязаны великой троице зла: войне, нищете и рабству.

Знание—бог-спаситель, а марксизм—его божественное евангелие, несущее освобождение от капиталистического ада.

IV. Мифологический характер действующих лиц Ветхого и Нового Завета.

Какой здравомыслящий человек согласится с утверждением, что в первый, второй и третий день творения, в течение которых были, по словам Библии, день и ночь, не было солнца, луны и звезд.

Найдется ли идиот, способный поверить, что бог, подобно жениху, посадил деревья в раю. Я полагаю, что всякий человек должен рассматривать такие вещи, как аллегорию, за которой скрыт тайный смысл.

Ориген.

ОДИН из критиков „Христианства и Коммунизма“, возражения которого сходны с возражениями некоторых других, говорит:

„Повествуя с видом ученого, епископ совершенно, однако, не знает всех открытий современной критической литературы по поводу Библии“.

Недочет, который заключается в том, что я должен был бы яснее указать в своем изложении несостоятельность основных учений христианского спиритуализма в связи с выводами выдающихся авторитетов, в недавно развившихся отраслях исторической и библейской критики, действительно имеет место, и я постараюсь его здесь устранить кратким, но правильными, как мне кажется, убедительным итогом того, что авторитеты в вышеназванных отраслях науки говорят по этому вопросу.

Мое резюме дает краткую сводку памфлета Карла Т. Горэма, опубликованного в Англии, который является, в свою очередь, резюме выдающихся фактов, научно установленных, которые мы находим в крупнейшем из всех библейских словарей — „Библейской Энциклопедии“

Мною будет показано, что все мои утверждения, исключая одного, касательно беспочвенности спиритуализма правоверных христиан, имеют солидную основу. Единственным исключением является утверждение, что Иисус не историческая личность, а вымысел. Однако, и по этому вопросу все выдающиеся критики согласны со

мною. Ими принимаются два поразительных факта: 1) Ветхий Завет не дает нам никаких научно установленных данных, которые могли бы быть положены в основу связной истории евреев. 2) Новый Завет также не дает никаких данных для биографии Иисуса.

Вот блестящее резюме, которое в значительной части является ответом направленной против меня критике. Оно, насколько возможно, изложено языком самого Горэма:

„Некогда существовала система христианского богословия. Она была замечательной, хотя и весьма искусственной постройкой, возведенной из красивых, но весьма старых и окаменелых догм, которые никто не мог доказать, но лишь немногие осмеливались оспаривать. Существовал величественный старец в небесах, непогрешимая библия, продиктованная св. духом, троица, падение, искупление, предопределение и благодать, оправдание верой, избранный народ, всемогущий фантастический дьявол, мириады духов, вечное блаженство, получаемое за бесценнок, и вечные муки для тех, кто не воспользовался предложением.

■ „Ныне этот карточный домик разрушен, или, вернее, он медленно расползается, „как беспочвенное создание сновидения“, по выражению Шекспира. Библейская хронология, история, этика—все одинаково оказались сомнительными и опороченными. Божественное откровение дискредитировано, человеческая летопись занимает ее место. Что же привело к этой поразительной перемене? Знание. Мысль, исследования, критика показали, что традиционные библейские построения не могут удержаться. Логика фактов подтвердила рассуждение свободомыслящих и поставила догматику перед все более обостряющей дилеммой. Результат для верующих плачевен; но хорошо то, что можно познать действительное положение вещей, отделить зерно истины от окружающей его кожуры традиций“.

В течение нескольких последних лет выходило произведение, которое лучше суммирует заключения современной критики, чем любая другая книга. Я имею

в виду „Библейскую Энциклопедию“; ее четыре тома точно и искусно обосновывают новые воззрения массой научного материала, который заслуживает серьезного внимания. Но замечательней всего не то, что вся система учений христианства испытала радикальное изменение, а то, что эта перемена является плодом исследований самих богословов. Краткий обзор этого арсенала ереси богословской учености дает читателю некоторое представление о размерах сдачи позиций христианством перед силами разума. Мы должны предупредить, что за недостатком места сможем дать лишь итоги этих исследований без детальных доказательств, на которые они опираются.

Начнем с наших мнимых прародителей. Верна ли история об Адаме и Еве? Существуют, как мы выше сказали, решительные основания, почему мы не можем считать ее историческим фактом; по всей вероятности, и тот, кто записал ее, не принимал ее за исторический факт ¹⁾.

Рассказ о сотворении мира имеет своим началом ряд примитивных мифов, общих семитической расе; раньше, чем он вошел в книгу Бытия, он прошел долгий период развития. Стало-быть, если верно, как утверждают ученые богословы, что рассказ о сотворении мира имеет своим началом языческий миф, формировавшийся и изменявшийся почти тысячелетие неизвестными нам людьми, просто-на-просто суеверие считать его за истину божественного происхождения.

Относительно библейских патриархов мы узнаем ныне, что самое их существование сомнительно. Предание об Аврааме несостоятельно, он—не историческая личность, а идеальный образ, существование которого также сомнительно, как и прочих героев. Все предания о патриархах легендарны.

¹⁾ Но если Адам и Ева не исторические личности, ни одно из учений спиритуалистического христианства не имеет под собой твердой фактической почвы и все его огромное догматическое построение висит в области гипотез и мифов.

Прим. автора.

И вся книга Бытия вовсе не история в современном смысле слова. Книга Исхода—вторая сложная легенда, которую долго ошибочно принимали за исторический рассказ.

Историческое существование Моисея не установлено, мы даже не уверены, что это название лица, а не родовое имя. Рассказ о нахождении его в тростниковой корзинке—миф, вероятно заимствованный из аналогичного, но более раннего, мифа о Саргоне¹⁾.

Обращаясь к Новому Завету, мы видим, что современные критические исследования обнаруживают все яснее необычайную сбивчивость и сомнительность рассказа евангелия в каждой детали. Из статьи „Хронология“ мы узнаем, что все евангелие слишком сомнительно, чтобы считаться историческим фактом. По многочисленным вопросам „совершенно невозможно притти к какому-нибудь решению“.

Мы не знаем, когда Иисус родился, когда он умер, кто был его отцом, срока его проповеднической деятельности. Так как это все вопросы, по которым богословы считают своим долгом дать ответ, факт их банкротства в этом отношении ставит под вопросом их компетентность как историков.

Так называемое сверхъестественное рождение Христа в последнее время много занимало богословов. Ничего удивительного в том, что некоторые из них отвергают непорочное зачатие, так как оно совершенно невероятно. Не считая того общеизвестного факта, что многие нехристианские религии приписывают подобное же происхождение своим основателям, отметим, что безнадежное противоречие мнений по поводу этого пункта Нового Завета делает невозможным какое-либо соглашение между ними. Важный вопрос „воскресения“ излагается проф. Р. В. Шмиделем из Цюриха, который сообщает нам, что тексты евангелия по этому предмету „полны очевиднейших противоречий“.

¹⁾ Под вопросом стоит, жили ли когда-нибудь Самсон, Иона и Даниил. Но вполне несомненно, что их похождения так же мифичны, как любая из басен Эзопа.

Статья о евангелии доктора Е. А. Аббота и проф. Шмиделя испещрена критическими замечаниями, весьма опасными для всякого правоверия. Ходячее мнение, что четыре евангелия написаны Матвеем, Марком, Лукой и Иоанном, и 30 или 40 лет спустя после смерти Иисуса были обнародованы, — несостоятельно; точно также, как богословы утверждают, затмение солнца во время распятия Христа не могло иметь места. Одна из уступок официальной религии относительно этого явления допускает, что то было затмение луны!

Современная критика гласит, что нельзя рассматривать евангелие как связный исторический рассказ, нельзя также доверять той последовательности событий, которую они дают. Есть даже основание сомневаться в том, содержат ли они вообще что-нибудь, заслуживающее доверия. Однако, все же допускают, что они содержат кое-что, заслуживающее доверия, а именно: пять отрывков свидетельствуют, что Иисус был исторической личностью, и что мы знаем некоторые достоверные факты о нем. Вот эти отрывки: Ев. от Матвея гл. XII, 31; Еванг. от Марка гл. X, 17, гл. III, 21, гл. XIII, 32, гл. XV, 34 и соответствующее место у Матвея гл. XXVII, 46, хотя этих двух последних мест мы не находим у Луки. Четыре других отрывка также весьма правдоподобны, а именно: Марк, гл. VIII, 12, гл. VI, 5, гл. VIII, 14–21 и Матвей, гл. XI, 5 с соответствующим местом у Луки гл. VII, 22. Все эти тексты однако, не говорят ни о чем сверхъестественном. Они просто показывают, что в лице Иисуса мы имеем дело с вполне человеческим существом, а его божественный характер состоит в том же, в чем он у всех людей ¹⁾.

¹⁾ Но эти девять текстов, на которые несколько лет тому назад часто с торжеством указывали, как на столпы, обеспечивающие исторический характер личности Иисуса, как человека, ныне повержены в прах блестящим ученым пр. Вильямом Вениамином Смитом в его книге под названием „Ессе Deus“, являющейся крупным вкладом в разрешение проблемы о Христе. В ней он, как мне кажется, доказывает неопровержимо, что Иисус нового завета никогда не существовал, как человек, на земле, а всегда лишь был вымышленным богом, христианским перевоплощением Иудейского Бога, Новым Иеговой.

Прим. автора.

Четыре евангелия составлены из более ранних записей, которые погибли, и время их появления в их настоящем виде таково: Ев. от Марка, несомненно, после разрушения Иерусалима в 70-м году. Ев. от Матвея около 119 г. после Р. Х.; от Луки между 100 и 110; от Иоанна между 132 и 140 г. Вопрос о подлинности посланий апостола Павла ныне далеко не так ясен, как это допускалось некогда всеми. Глубокий критик, пр. Ван Манен, сообщает нам в своей статье о „Павле“ следующее: он пришел к выводу, что ни одно из этих посланий не принадлежит Павлу, даже те четыре, подлинность которых всегда казалась несомненной. Это не письма, адресованные на чье-нибудь имя, но книги или памфлеты, вышедшие из какой-нибудь школы. В действительности, мы очень мало знаем о событиях жизни Павла или о его смерти, все по этому вопросу очень сомнительно. Безошибочные признаки позднего появления посланий позволяют установить, что они относятся самое раннее ко второму веку.

Странная книга Откровения—не чисто-христианского происхождения. Критика достаточно ясно показала, что она не представляет литературного единства, но является смесью иудейских и христианских идей и умозрений. Древнее свидетельство, в особенности Папия, считает его автором или редактором пресвитера, а не апостола, Иоанна.

Ни одно из посланий Петра, Якова или Иуды не может считаться произведением апостолов. Они, вероятно, впервые увидели свет во втором веке. Второе послание Петра, быть-может, относится даже ко 2-ой половине этого века.

Все вышеприведенные выводы были мною переданы возможно точнее словами самих авторов соответствующих статей. Их значение, несомненно, огромно. Правы они или нет, ученые богословы нам преподносят взгляды, совершенно противоречащие тем представлениям, которые обычно рассматриваются как истинная основа христианской веры. Они ведут, воистине, к полной и безусловной капитуляции всей догматической системы, которая до сих пор считалась божественным откровением, а, следовательно, и божественной истиной.

Томас Пейн был деистом. Как деист, он верил, что вселенную можно сравнить с часами, а бога с механиком, сделавшим их. Как механик при нормальном ходе не должен вмешиваться в ход своего произведения, так дело обстоит и с богом и его творением—вселенной. Теисты различных наименований (христиане, евреи, магометане и буддисты), не говоря о прочих, верят, что мир со всем, что он заключает, существует и движется волей соответствующего каждой религии бога.

Хоть я и признаю бога, даже двух богов, одного для физического мира—троицу: материю, энергию и движение, второго для морального мира—троицу: факт, истину и жизнь, однако, если отвергать как деизм, так и теизм—значит быть атеистом, то я атеист.

Но, допуская для доказательства, что есть сознательное личное существо, которое имело отношение к сотворению мира и продолжает быть связанным с ним, я подписываюсь целиком под следующим рассуждением:

„Из всех религиозных систем, когда-либо изобретенных, ни одна не идет больше в разрез с всемогущим творцом, ни одна не относится с большим недоверием к человеку, не противоречит в большей степени разуму, не является в большей мере внутренне противоречивой, чем так называемое христианство. Слишком нелепое, чтобы в него верить, слишком невероятное, чтобы внушить убеждение в себя, слишком несостоятельное на практике, оно делает сердце человека каменным или создает одних атеистов и фанатиков. Как орудие власти, оно служит целям деспотизма, и как средство обогащения, жадности священников; но не ведет к благу человечества ни на этом, ни на том свете“.

Томас Пейн.

Вильям Ратбон Грэг в своем произведении „Христианская вера“ говорит, что многое из ветхого завета, чему поклоняются христиане, в своем невежестве относительно учения иудейства, и что они толкуют буквально, просвещенные равнины никогда и в фантазии не рассматривали иначе, как аллеорию. Тех, кто понимает это буквально, они называли безумцами.

Ориген и Августин, два величайших мыслителя, каких когда-либо создавало христианство, согласны были бы в этом с Грэггом. Мы уже цитировали соответствующий отрывок из Оригена, процитируем теперь Августина:

„Часто случается, когда возникает вопрос о земле или небе, или о других элементах — мира, нехристианин высказывает о них мнение, основанное на весьма убедительных рассуждениях или на наблюдениях. Весьма некрасиво и прискорбно (и следовало бы тщательно избегать), что христиане, высказываясь по таким вопросам, согласно со священным писанием, говорят в присутствии нехристианина такую чушь, что последние едва могут удержаться от смеха, видя, что христианин так же далек от истины, как запад от востока“.

V. Изменит ли коммунизм природу человека.

Не бойся, милый друг! Тиранов власть не вечна,
Не вечно властвовать кровавой лжи жрецам.
Они стоят, гляди, над бездной быстротечной,
И кровь их бедных жертв струится по волнам.
Неисчислимые поят поток долины,
И волны мечутся и пенятся в стремнины,
Их скиптры и мечи волной унесены
В пучину вечности, обломки старины.

Шелли.

Я крайне возмущен существующей капиталистической системой в хозяйственной жизни и капиталистической системой в политике и религии, которая поддерживает первую. Цель, которую я ставлю себе в этой книге, та же, к которой стремилось раннее христианство, как оно выражено в величании богородицы: низложение господствующих собственников и возвеличение поработенных рабочих. Но я не советую, подобно богородице, обречь изгнанных господ на голодную смерть, а предоставить им возможность сделаться производительными работниками и жить трудом, а не разбоем, как ныне.

Таков большевизм, который устанавливает новую диктатуру на место старой, диктатуру пролетариата, или рабочих, на место диктатуры буржуазии, или собственников. Но в этой диктатуре (хотя и необходимой на время перехода от капиталистического способа производства, имеющего целью прибыль для немногих, к социалистической системе производства в интересах всего общества) — не цель коммунизма. Цель его — бесклассовый мир — мир, в котором все работоспособные прямо или, в крайнем случае, косвенно будут работать для общества в меру своих способностей и потребностей в пище, одежде, жилище и образовании.

Быть-может, к крайней степени разложения цивилизации относится самое правильное место в библии, особенно справедливое теперь, да и всегда справедливое для общества, разделенного на господ и рабов при диктатуре господ.

„Голова болит и сердце замирает. От подошвы ног до темени головы нет здорового места, а только раны и ушибы, и гнойные болячки: они не были скрыты, ни перевязаны, ни умащены бальзамом“.

Капитализм и коммунизм в корне отличаются тем, что первый всегда стремится и будет стремиться к диктатуре, в то время, как для коммунизма диктатура — временная узда, нужная для перехода мира от капиталистической системы конкуренции, преследующей цели барыша для немногих, к социалистической системе сотрудничества, в интересах большинства.

Утверждают, и как-будто не без разумных оснований, что диктатура пролетариата не приведет к цели, так как в самой человеческой природе, чтобы победившие рабы необходимо превращались в господ.

Но те, кто это утверждает, исходят из того принципа, что человеческая природа всегда одна и та же, не может существенно измениться, а она определяет характер экономической системы.

Это не так. Человеческая, как и животная, природа постоянно изменяется: ни одна, ни другая не меняются самопроизвольно, но вынуждены изменяться вследствие

развития иных внешних условий и необходимо соответствуют этим новым условиям.

Профессор Иосиф Мак-Кэб замечает, что это развитие и связанное с ним приспособление были революциями. Тот, кто говорит, что тайна прогресса в эволюции, а не в революции, быть-может, проповедует очень хорошую социальную философию, но, думая так, он противоречит данным науки.

В каждом современном сочинении по геологии вы читаете о периодических революциях в истории земли. Они были великими показателями прогресса, и должен я заметить, эпохами массового истребления всего непристосованного. Дарвин открыл, что природа животного изменялась (например, природа земневодных в природе птиц), вследствие перемены в окружающей естественной среде и необходимости приспособления к ней.

Маркс открыл, что человеческая природа изменилась при переходе от личного рабства к системе крепостного права и, наконец, к капитализму в силу изменения экономической системы в каждый из этих периодов, а эти последние изменяются соответственно изменению в орудиях производства жизненных благ.

Дарвин таким образом объяснил развитие животного мира, не прибегая к гипотезе о божь-создателе, а Маркс объяснил развитие человечества, не прибегая ни к гипотезе о божественном промысле, ни к вождям человечества. Дарвиновское и марксистское объяснения и составляют то, что известно под именем материалистического понимания истории.

Маркс показал, что капитализмом закончится классовая борьба, и мы перейдем к бесклассовому обществу, так как капиталистическая система производства и распределения не будет заменена подобной же новой: она разделяет человечество на все убывающее число собственников и все растущее число рабов. Те же, кто является полукapиталистом, полурabочим, не могут высвободиться от своего промежуточного положения до положения нового господствующего класса, как это произошло при феодализме с буржуазией. Поэтому он утвер-

ждал, что рабочие станут могильщиками для класса капиталистов и тем самым похоронят и капитализм. Но при полной и прочной победе рабочего класса, как это теперь имеет место в России, класс капиталистов быстро исчезнет, и образуется бесклассовый мир, который будет основан на сотрудничестве, а не на конкуренции, будет раем, а не адом.

VI. Какова будет форма рабочего государства?

Да здравствует Советская Россия, первая коммунистическая республика, народное государство для народных масс, управляемое народными массами! Мы приветствуем вас, рабочие и крестьяне России. Своими бесконечными жертвами, своей решимостью и преданностью вы превратили Россию, страну самой черносотенной реакции, страну, где господствовали немногие, в страну величайших предзнаменований для всех. Американские товарищи, следите за яркой звездой, вспыхивающей на востоке, вы ничего не можете потерять, кроме своих цепей, приобретете же целый мир.

Рабочий Совет.

В ОБЩИХ чертах рабочее государство будет построено по типу Российской Советской Республики. Что она собой представляет, покажет нижеследующее полуофициальное описание, самое краткое и ясное, которое мне когда-либо приходилось видеть. Я не знаю, кто автор его, но знаю лишь, что оно исходит от комитета, членом которого является Зицовьев, один из лидеров и вдохновителей пролетарского движения в России. Возможно даже, что он автор этого описания. Во всяком случае это — недавно опубликованное, классическое и авторитетное изложение советской системы, которого ожидала значительная часть мира:

„Перед нами пример Российской Советской Республики, устройство которой полезно описать здесь, в виду противоречивых сведений о ней, появившихся в других странах.

„Правительственной единицей является местный Совет, или Совет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов.

„Городской Совет рабочих депутатов формируется следующим образом: каждое промышленное предприятие выбирает одного делегата на определенное число рабочих, а каждый местный профессиональный союз также выбирает делегатов. Эти делегаты избираются либо по спискам политических партий, либо по желанию рабочих, индивидуально.

„Красноармейские делегаты выбираются военными частями.

„Крестьяне в каждой деревне имеют свой местный совет, который избирает делегатов в уездный совет, в свою очередь посылающий делегатов в губернский совет, а оттуда в областной совет. Лица, пользующиеся наемным трудом, в целях извлечения барыша, не имеют права голоса. Каждые 6 месяцев губернские и областные советы избирают делегатов на Всероссийский Съезд Советов, который является высшим правительственным органом страны. Этот съезд намечает основную линию правительственной политики на 6 месяцев, а затем выбирает 200 членов Центрального Исполнительного Комитета, который проводит в жизнь намеренную политику. Съезд выбирает также кабинет министров—Совет Народных Комиссаров, стоящих во главе отдельных министерств—народных комиссариатов. Народные Комиссары могут быть во всякий момент отозваны Центральным Исполнительным Комитетом. Члены всех советов могут быть легко и во всякий момент отозваны своими избирателями.

„Советы не только законодательные, но и исполнительные органы. В отличие от конгресса Северо-Американских Соединенных Штатов они не только издают законы, но и сами проводят их в жизнь, а не предоставляют их осуществление, как у нас, президенту; над ними нет никакого верховного органа, снабженного полномочиями, чтобы решить, соответствуют ли изданные законы конституции или нет.

„В промежутки между Всероссийскими С'ездами Советов высшим органом в России является Центральный Исполнительный Комитет. Он собирается не реже раза в 2 месяца, а в промежутки правит страной Совет Народных Комиссаров, члены же Центрального Исполнительного Комитета работают в различных губернских советах.

„В России рабочие организованы в профессиональные союзы; все рабочие одной отрасли промышленности принадлежат к одному союзу. Так, например, на механическом заводе все рабочие, даже плотники и маляры—члены союза металлистов. Всякий завод—местная союзная единица и фабрично-заводский комитет, избираемый рабочими,—его исполнительный комитет.

„Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет профсоюзов избирается на ежегодном с'езде профсоюзов; избранный с'ездом тарифно-нормировочный комитет устанавливает заработную плату для всех разрядов рабочих.

„За небольшим исключением, в России национализированы все крупные фабрики и заводы и ныне являются общим достоянием всех рабочих. Задача профсоюзов, следовательно, уже не борьба с капиталистами, а содействие промышленности.

„В тесной близости с союзами работает комиссариат труда советского правительства, во главе которого находится Народный Комиссар труда, избираемый с'ездом советов по представлению профсоюзов.

„Заведывание экономической жизнью страны находится в руках выборного Высшего Совета Народного Хозяйства, который подразделяется по отдельным отраслям, как, например, отдел по металлу, отдел химической промышленности и т. д., управляемым рабочими и специалистами, назначенными Высшим Советом Народного Хозяйства по представлению союзов.

„Управление каждым предприятием находится в руках комитета из трех человек: представителя фабрично-заводского комитета, представителя Совета профсоюзов и представителя Высшего Совета Народного Хозяйства.

„Союзы являются, таким образом, частью правительственной системы, наиболее централизованного из существующих правительств.

„Но это также самое демократическое правительство в истории человечества. Все органы правительства постоянно связаны с рабочими массами и постоянно прислушиваются к их воле. Более того, все местные советы в России совершенно автономны в распоряжении местными делами, лишь бы они проводили национальную политику, установленную съездом советов. Таким образом, Советское Правительство—рабочее правительство и не может не действовать в интересах рабочих масс“.

Коммунистическая Россия, Россия народных масс, открывает новую эпоху в мировой истории, эпоху коренной перемены в структуре человеческого общества. До сих пор общество управлялось немногочисленным классом, собственником всего национального богатства. Методы управления были различны в разные периоды мировой истории, но результат—один и тот же: богатство и власть немногим, нищенское существование и вечный труд—огромному большинству. Рабы, крепостные или современные наемные рабочие, образующие главную часть народных масс, всегда были дровосеками и водовозами, выючными животными, на чьих спинах потешались и жирели короли, дворяне, помещики и капиталисты. Кто имел богатство, имел власть. И они устанавливали законы в интересах своей власти, превращая обладание богатством в социальный институт. Частная собственность была на троне, и каждое человеческое усилие было в рабском подчинении у собственности. Развилась эксплуатация человека человеком в интересах наживы и все вытекавшие из нее злоупотребления—страх перед потерей собственности, забота о приобретении, боязнь за будущее, страх перед потерей места, зависть и жадность.

Общество управлялось грабителями—собственниками; хозяева, короли, капиталисты, утомительный труд, страдания, война были для человеческих масс. Такова власть капитала и иной быть она не может.

При коммунизме прибыль будет уничтожена, и тем самым эксплуатация человека человеком; частная собственность перестанет влиять на человеческую жизнь, собственность станет общей, естественные и созданные трудом человека богатства будут принадлежать обществу, станут таким же приращением достояния каждого члена его, как воздух и солнечный свет. Умеренный труд каждого человека доставит необходимые средства для удовлетворения материальных нужд на каждый день и на весь год. Никто не будет бояться потерять работу, видеть своих детей умирающими от голода, или попасть на старости лет в богадельню. Человек будет так же уверен в том, что он не лишится пищи, одежды и крова, как он уверен в том, что солнце взойдет завтра. Человек освободится от забот о своем существовании и сможет свободно развивать свои человеческие способности: свой разум, свой мозг и сердце.

Россия показывает дорогу: Россия сейчас один большой союз и каждый русский гражданин в одинаковой мере пайщик этого союза. Государство управляется на подобие завода; выгоды пайщиков — цель союза. Каждый человек содействует ему своим трудом, безразлично какого рода: ручным, умственным или артистическим. Этот труд прилагается к полезному материалу, к земле, к естественным богатствам, копиям, заводам и фабрикам.

Готовый продукт распределяется по отделениям союза в виде пищи, одежды и жилища, образования, развлечения, заботы о жизни и здоровья, о литературе и об искусстве, об изобретениях и усовершенствованиях, между всеми членами общества.

Конечно, этот идеал человеческого братства еще не осуществлен в России. Ни один здравомыслящий человек не может ожидать, что подобная неслыханная перемена будет выполнена за 3 года, в обстановке международного наступления, интриг, голода и слокады. Она потребует 10 лет, быть-может, продлится даже целое поколение. Но что из этого. Россия пережила уже самое трудное переходное время в движении от капитализма к коммунизму, в то время, как в других капиталистиче-

ских странах лишь предстоит революционный период. Пусть же Россия указывает путь. Пусть же американские рабочие поймут, что борьба русских рабочих—их борьба, успехи Советской России—успехи рабочего класса во всем мире.

Кто был из вас в стране безумных¹⁾,
На сумрачной вершине бед?
Там люди странные и нравы.
Видали вы страннее? Нет!
Одни всю жизнь должны трудиться,
Но ничего не даст им труд;
Другие? Им на что трудиться?!
Богато без того живут.
В избытке все в стране безумных,
Одежда, пища и питье.
Но тем, кто делает все это,
Не достается ничего.
Как странно все в стране безумных
Там все живут наоборот:
Руками вниз, ногами кверху,
Лицом назад, спиной вперед.

VII. Отказ от предложенной нами премии²⁾.

Не имейте ничего общего с людьми, которые не отказываются от религиозных воззрений. Если вы допустите религию укрепиться в вашей стране, ждите ужасных бедствий.

Конфуций.

ГОСПОЖА БРАУН и я, по крайней мере, в настоящее время отказываемся от предложенной нами премии, по двум причинам:

1. Мы убеждены, что для благополучия мира необходимо сокрушить спиритуалистическую религию и капи-

¹⁾ Капиталистические страны мира образуют Соединенные Штаты стран безумных.

Прим. Автора.

²⁾ В первых изданиях „Христианства и Коммунизма“ автором была предложена премия, относительно назначения которой он писал:

„Так как я полагаю, что важнее всего людям руководствоваться в своих религиозных и политических понятиях, . . . афоризмом, помещенным на обложке этой книги: „Изгоните богов с небес и капи-

талистическую политику. Но в то время, как многие желают и могут атаковать капиталистического спрута, лишь немногие готовы посягнуть на дракона религиозного спиритуализма. Некоторые колеблются, потому что,—как один из критиков „Христианства и Коммунизма“, чувствуют, как революционные силы поднимаются на поверхность в церкви.

„Как мы свяжем“ — спрашивает он — „капиталистическую церковь с заводом? Что скажут о церковном послании по поводу стачки металлистов, или о позиции объединенной денверской комиссии католиков, протестантов и евреев по вопросу о забастовке извозчиков? Мы вовсе не желаем низко ценить подобные движения, ни обескураживать их руководителей; но мы не возлагаем на них никаких надежд, потому что вся история спиритуалистических религий, не исключая христианства, свидетель-

талистов с земли; подготовьте мир к коммунизму“, то я приложил все усилия на доказательство и распространение естественно-научного материализма и революционного марксизма.

Но, принимая во внимание, что мои пожелания могут быть лучше осуществлены более молодыми, энергичными и способными людьми, которых необходимо в этом деле поощрять, госпожа Браун и я предлагаем первую премию в 400 дол. и вторую премию в 200 дол., под названием премии „Браунелла“ за 2 лучших брошюры, размером от 30 до 50 страниц формата нашей книжки, в которой должно быть доказано: 1) что спасение мира от ненужных страданий . . . войны, нищеты и рабства, не может быть осуществлено ни правоверным христианством, ни капиталистической политикой, 2) что соглашательский социализм, который стремится к примирению интересов наемных рабов и хозяев на основе высокой заработной платы за интенсивный трудовой день, также неспособен на это, 3) что спасение мира может быть осуществлено лишь на основе естественно-научного мировоззрения, с одной стороны, научного и революционного социализма, с другой, только на этой основе возможна замена империализма—коммунизмом, нужды—благосостоянием, земного ада—земным раем.

Эти премии будут ежегодно присуждаться 7-го ноября (начиная с 1921-го года) в день рождения первой подлинной демократии, Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Это я считаю величайшим из всех политических и религиозных событий, перевалом в истории человечества“.

Нами приведена настоящая выдержка из 5-го издания, так как без нее была бы непонятна глава 7-го издания, под названием „Отказ от предложенной нами премии“.

Прим. переводч.

ствует, что они никогда не приводили к общему или длительному улучшению тяжелой участи подавляющего большинства рабов“.

Насколько мало церковь помогает поработанным рабочим и как много хозяевам, ясно видно из следующих рассуждений Рожера Бобсона, известного эксперта и советника по финансовым вопросам:

„Ценность наших вкладов зависит не столько от солидности банков, сколько от влияния нашей церкви. Плохо оплачиваемые священники, а вовсе не хорошо оплачиваемые законодатели, банкиры и биржевые маклера, те люди, на которых мы опираемся. Государственная религия — крепость, охраняющая наши капиталы. А если мы примем во внимание, что только 15% всего населения сколько-нибудь обеспечены и меньше чем 3% достаточно состоятельны, чтобы платить подоходный налог, значение церкви станет для нас еще более очевидным. Ради нас самих, ради наших детей, ради нации, наши капиталисты должны поддерживать церковь и ее священников. Никогда не говорите, что они несовершенны. Никогда не говорите, что религия устарела. Пусть это лишь означает, что им нужно усилить свою деятельность, чтобы пользоваться большим влиянием. Безопасностью всего, чем мы обладаем, мы обязаны церкви, хотя бы в ее современном несовершенном и бездеятельном состоянии. Во имя всего, что нам дорого, будем ныне уделять церкви больше времени, денег и забот, так как от этого в конечном счете зависит сохранение нашей собственности“.

То, что мои критики говорят о последних усилиях американской церкви стать на должную дорогу, интересно для меня и госпожи Браун, но нас все же еще больше интересует замечание одного публициста, в недавно опубликованном произведении, о Советской России. Говоря о пагубном влиянии русской церкви во все времена, он замечает:

„Из глубин древности, из ранних времен господства человеческой жадности и скупости, две мрачных фигуры медленно передвигались своими безобразными щупальцами по истории человечества, оставляя по ней кровавый

след и вызывая безумный страх, который все же по-
немногу исчез. Это царь и поп. Первый символизирует
деспотизм или олигархическую власть, второй—воплощение
глубокого невежества и ужасного суеверия легковверных
масс, на которые опирается власть первого. Повсюду на
улицах Москвы можно видеть этих бледных, длинноволо-
сых, имеющих вид вырождков, продавцов священной лжи
и благочестивых внушений. Они бродят, подобно при-
видениям далекого прошлого, там, где развешены вы-
шитые огромными белыми буквами пурпурное знамя
с надписью, звучащей вызовом: „религия—опиум для
народа“. Хотя многие еще продолжают креститься, про-
ходя мимо церкви, тем не менее народные массы быстро
усваивают знание, которое воспитывает и просвещает,
и научаются отвергать то, что пугает и калечит ум.
Подобно тому, как последний развращенный тиран был
навсегда обезврежен, так и последний священник скоро
исчезнет из страны, некогда известной под презритель-
ной кличкой: „Святая Русь“.

Предыдущий отрывок принадлежит перу революцио-
нера, симпатизирующего Советской России, нижеследую-
щий отрывок написан реакционным критиком. Но оба
они ведут к тому же выводу, что правоверное христиан-
ство прямо противоположно интересам пролетариата и
всего на стороне буржуазии. „Особенно характерная
черта большевизма—его резко выраженная ненависть
к религии вообще, к христианству, в особенности. Для
большевиков христианство—не просто особый принцип
поведения, отличный от их принципов, оно—враг, подле-
жащий преследованию и уничтожению.

Не трудно это понять. Идеал загробной жизни, кото-
рый христианство преподносит верующему, прямо про-
тивоположен идеалу большевизма, который соблазняет
массы надеждой на немедленное осуществление рая на
земле. С такой точки зрения христианство—не только
неправильное представление о жизни; оно—препятствие
к осуществлению коммунистического идеала. Оно отда-
ляет душу человека от материального мира и отвлекает
от борьбы за земные блага. Согласно большевикам,

религия—опиум для народа — является орудием капиталистического господства“.

Мне кажется, что мы яснее, чем наши критики, видим два важнейших основных факта:

1) первый шаг на пути к освобождению пролетариата— его классовая сознательность и 2) христианская спиритуалистическая религия всегда была и будет одной из величайших помех для этой сознательности, пока она не лишится окончательного доверия масс.

Я позволю себе доказать, что дело обстоит именно так на примере, который я наблюдал несколько лет тому назад. Пирпонт Морган-старший был тогда на вершине своей славы короля дельцов, принимая с одной стороны поклонение Рокфеллеров и Ротшильдов, с другой стороны внушая благоговение дурачкам и простофилям всего мира. Как-раз в это время я посетил, в целях причащения за болезнью брата епископа нью-иоркского, церковь Пирпонта Моргана, как ее называют в народе (Св. Георгия, одна из пригородных церквей рабочего района). Последний был главным старостой (церковным) этого большого прихода, насчитывающего почти 5.000 прихожан.

Он обходил с группой сборщиков молящихся. Затем, вернувшись к алтарю, каждый сборщик торжественно опорожнил содержание своей сумки в большой золотой сосуд для подаяний, который находился в руках ректора. В то время, как знаменитый финансист собирал пожертвования у скромных тружеников, мог ли кто-либо из собравшихся, воспитанных в таких же религиозных понятиях, как и я, усмотреть, что капитализм делит человечество на два враждебных класса: „не имеющих ничего общего между собой, рабочий класс, и класс предпринимателей, между которыми борьба должна длиться до тех пор, пока, организовавшись, рабочие не овладеют орудиями производства и не уничтожат наемной системы труда“.

Учитывая все мое предыдущее воспитание, я должен был бы счесть подобную мысль нелепостью, наблюдая картину религиозной церемонии с высоты епископской кафедры. Также отнеслись бы к ней все присутствовав-

шие: и ректор, и церковные старосты, и члены приходского совета, и прихожане. Тогда еще не было много сторонников „Промышленных Рабочих Мира“, но если бы кто-нибудь из них оказался в церкви и по выходе вздумал бы сказать нечто подобное товарищу рабочему, прихожанину церкви Св. Георгия, разве не получил бы он в ответ: „Посмотри, как много у меня общего с Пирпунтом Морганом: тот же бог, та же вера, та же церковь, то же богослужение, тот же сосуд для пожертвований, в который он кладет 100-долларовую бумажку, а я десятицентовую монету; тоже причащение, при котором мы вместе вкушаем и пьем. Наконец, кроме всего этого, один и тот же ад и один и тот же рай для нас: ад, в который он попадет, если он будет меня плохо оплачивать, и куда я попаду, если буду плохо работать; рай, в пышных хоромах которого мы будем оба жить, если станем выполнять на 100% наши обязанности по отношению к церкви и государству, если он будет щедро оплачивать мой труд, а я буду работать не за страх, а за совесть для его обогащения“.

Такое заключение—необходимый вывод из спиритуалистической религии; но последняя—ложна; христианство не может ничего дать в небесах, ни собственникам, ни рабочим, ее бог и рай, ее дьявол и ад—ложь. Ни христианство, ни демократия, не говоря о прочих жупелах религии или политики, не в состоянии дать рабочим то, что им полагается на земле.

Капитализм—земной бог—нигде не господствует в большей мере, чем в Соединенных Штатах; для рабочего он дьявольский грабитель, обманщик и убийца, а не доброе божество.

2. Наш отказ от предположенной премии вызывается и оправдывается, как нам кажется, неожиданным и лестным для нас предложением возможно шире распространять нашу книжку в других странах. Для этого необходимо обеспечить его перевод компетентными людьми на иностранные языки. Мы посвящаем деньги, ранее назначенные нами на премию, для поощрения и распространения его перевода на иностранных языках.

Послесловие.

Как много культов и богов,
Как сложен к искупленью путь!
А миру нужно лишь одно:
Будь ласковым и добрым будь!

Элла Вилькокс.

I.

Латинский титул, которым я снабдил свой портрет, дан мне одними в насмешку, а другими в упрек; я принимаю и то и другое, как похвалу себе, так как это является доказательством того, что мне, по крайней мере, удалось ясно изложить основные черты моих религиозных и политических взглядов.

Употребление этого титула объясняется моим желанием предостеречь от покупки, а тем более, от чтения книжки тех читателей, которые при первом соприкосновении с нею получили бы ложное представление о ее направлении. По-русски латинский титул означает „епископ большевиков и неверующих“.

Некоторые из моих друзей опасаются, что отдельные мысли, изложенные в книжке, могут вызвать применение уголовных законов против синдикализма.

Я внимательно прочитал законы штата Огио на этот предмет и полагаю, что книжка не содержит ничего предосудительного в этом отношении. Как бы то ни было, я высказал правду о спиритуалистической религии и капиталистической политике, как я их понимаю, и полагаю, что я в достаточной мере доказал свои положения либо крупными фактами, которые не могут быть опровергнуты, либо серьезными аргументами, вытекающими из этих фактов.

Я, тем не менее, готов выслушать всякое возражение и поэтому просил бы, чтобы „сильные мира сего“ в церкви и в государстве, которые почувствовали бы необходимость выступить против меня, в целях огражде-

ния затронутых мною лиц и интересов, прибегли по отношению ко мне к мерам убеждения, а не насилия.

Моя просьба к политическим и религиозным властям основана на пламенных словах знаменитого защитника капиталистической системы экономики Джона-Стюарта Милля, в наиболее замечательной части его сильного очерка о свободе:

„В настоящее время, следует полагать, нет надобности, чтобы отвергать за законодательной или исполнительной властью, интересы которой вовсе не тождественны с интересами народа, права предписывать народу мнения, определять, какие ему разрешается выслушивать учения и рассуждения.

„Вообще говоря, не приходится опасаться, чтобы ответственные или неответственные перед народом правительства конституционных государств пытались часто контролировать общественные мнения, исключая тех случаев, когда, поступая так, оно становится выразителем нетерпимости публики.

„Допустим, следовательно, что правительство, всецело заодно с народом, никогда не помышляет об употреблении насилия, разве только в согласии с тем, что оно называет „гласом народа“.

„Я, однако, отрицаю право за народом пользоваться подобным насилием, как за ним самим, так и за его правительством. Власть становится тогда произволом. Лучшее правительство не в большей мере, чем худшее, в праве прибегать к насилию.

„Насилие, применяемое с согласия общественного мнения, так же вредно, если не более, чем применяемое против воли общества. Если бы человечество было одного мнения и лишь один человек придерживался бы противоположного мнения, то человечество имело бы не больше права заставить замолчать этого человека, чем он, будь он во власти, заставить замолчать человечество.

„Если бы мнение было личной собственностью, которая имеет ценность только для собственника; если бы запрещение иметь свое личное мнение было ущербом

только для личности, то следовало бы различать, причиняется ли этот ущерб только немногим или многим лицам. Но главное зло при подавлении идеи заключается в том, что это ограбление человеческого рода, как будущих поколений, так и современников, как тех, кто несогласен с данной идеей, так и в еще большей степени тех, кто придерживается ее. Если идея правильна, люди лишены возможности заменить заблуждение правдой; если она ложна, люди теряют возможность яснее воспринять, живее чувствовать правду, как это имеет место при столкновении с заблуждением; последний результат тоже является большим благом".

Это место должно быть занесено золотыми буквами на дверях каждой церкви и каждого суда. Оно было написано, как протест против преследования большинством меньшинства в государстве, но оно одинаково применимо ко всякого рода нетерпимости к противоположным мнениям.

Совершенно невозможно печатную дискуссию величиной в эту книжку очистить от всякого слова, способного дать повод к извращениям; одинаково невозможно точно определить каждое слово или предложение, вызывающее сомнение. Я, тем не менее, обращаю внимание на некоторые из них:

Слово „революция“, употребляемое здесь, не должно понимать в смысле вооруженного восстания или насилия, разве только тогда, когда это оговорено. Это — не необходимые черты революции. В истории имели место политические и социальные революции, совершенно незапятнанные насилием или кровопролитием, например, политическая революция 1787 года в Америке, когда старые статьи конституции были отменены, и в Соединенных Штатах была введена новая федеральная конституция; то же самое имело место во время политической и социальной революции в Венгрии в 1919 г., когда временно была установлена Советская Власть с Бела Куном во главе.

Кровопролития, часто сопутствующие революции, происходят почти всегда от незаконных контр-революционных попыток господствующего класса, лишенного

власти, удержать ее в своих руках или завоевать ее вновь посредством террора и убийств.

Если я прославляю большевиков и их систему правления в России, не нужно думать, что я рекомендую для Соединенных Штатов применение тактики насилия в целях захвата власти, как это утверждает, и по моему мнению ложно, капиталистическая пресса Америки. Я имею дело в этой книжке не с тактикой, а с фактами. Я не интересуюсь вопросом, какими путями большевики в России пришли к власти, но тем, как они использовали ее после захвата.

Так как я начитан в вопросах богословия, то я уверен, что моя позиция в этом вопросе достаточно ясна для того, чтобы не вводить в заблуждение возглавляющих церковь лиц на этот счет, но, не будучи сведущим в вопросах законодательства, я менее уверен в том, что возглавляющие государство лица также безошибочно поймут мою политическую позицию. А потому, во избежание неправильного толкования некоторых слов и выражений в этой книжке, я здесь определенно отрицаю за собой намерение нарушить уголовные законы штата Огио против синдикализма, что и резюмирую следующим образом:

„Ни одно слово в этой книжке не должно быть понято, как защита или проповедь обязанности, необходимости или приемлемости преступления, саботажа, насилия или незаконных приемов терроризма, как способов осуществления политических и социальных преобразований. Эта книжка не издана с целью защитить, советовать или проповедывать учение, что социальные и политические преобразования могут быть достигнуты преступлением, саботажем, насилием или незаконными приемами терроризма; ни для оправдания подстрекательства к совершению преступления, саботажа, насилия или незаконных приемов терроризма для того, чтобы пропагандировать доктрины уголовно-наказуемого синдикализма; ни для организации сообщества, группы или собрания лиц, с целью проповеди и защиты учений уголовно-наказуемого синдикализма. Если подобное намерение будет усмотрено читателем в каком-либо месте этой книжки, то это будет ошибочным и не ответит той цели, которую я себе поставил“.

Революция, в результате которой новая промышленная демократия (свобода производства в пользу всех трудящихся) заменит старую капиталистическую демократию (свободу производить блага в пользу собственников)—неизбежное событие в истории каждой страны в течение XX столетия.

Цель моей книжки—не в проповеди классовой вражды и ненависти. Напротив того. Ее цель убедить в необходимости изгнания богов с небес и капиталистов с земли.

Вера в бога и капитализм—темное пятно в истории человечества, которому оно обязано, более чем всему прочему, вместе взятому, своими величайшими ненужными страданиями, вытекающими из невежества, войны, нищеты и рабства.

Мой призыв к изгнанию этих зол и доводы в защиту этого призыва выступают на каждой странице этой книжки и для того, чтобы еще больше подчеркнуть его важность на ее последних страницах, я приведу следующее место из статьи Г. О. Уоренна (кажется, майора Британской Армии), автора нескольких блестящих статей в рационалистических изданиях по вопросам социологии.

„Если существует бог, управляющий людьми и вещами по своему усмотрению, то было бы дерзостью стремиться к уничтожению нищеты, так как она соответствует его воле. Если же бога нет, тогда будем знать, что нищета создана людьми и может быть устранена ими же. Если существует бог, отвечающий на молитвы, то тогда средством против социальной несправедливости будет молитва. Но если бога нет, то средством против нее будет мысль и действие.

„Если люди попадают в рай после своей смерти и если рай такое место, в котором все будут совершенно счастливы, нет необходимости тогда бороться против нищеты на этом свете, так как немного лет забот или даже лишений на этом свете не имеют значения в сравнении с вечным блаженством, которое ожидает нас, если мы будем следовать указаниям духовенства. Но если рай

нет, то для нас возможно большее улучшение условий существования на этом свете, единственно нам известном—дело первостепенной важности.

„Я утверждаю, что нет бога, который правит людьми и вещами по своему усмотрению и который отвечает на молитвы, что нет рая—вечного блаженства, в который мы переносимся после смерти. И я это утверждаю не только потому, что считаю эти религиозные верования ложными, но потому, что считаю их наиболее мощным орудием для того, чтобы сделать людей послушными и покорными самым унижительным условиям существования. Я убежден, что учение, согласно которому повиновение правительству и довольство бедностью соответствует воле божьей, согласно которому бедняки и поработанные будут вознаграждены за свои страдания в раю, является главной причиной существования трущоб, тюрем, домов для умалишенных и богаделен.

„Всякая политическая тиранния стала возможной вследствие веры в всемогущего бога и опирается на нее. Нищета переносится вследствие веры, что после смерти нас ждет вечное блаженство и благополучие. Для достижения человеческого счастья необходимы два условия: личная свобода и общее благосостояние. Но мы не можем стать свободными до тех пор, пока мы верим, что воля неограниченного небесного властелина требует нашего подчинения ограниченному земному властелину, находится ли он на троне по праву наследования или по голосованию большинства; богатство никогда не будет справедливо, следовательно и равномерно, распределено до тех пор, пока большинство народа будет верить, что вследствие своей бедности в этом мире они будут богаты в потустороннем мире. Апостол Павел сказал, что власти поставлены богом, и что мы должны подчиняться им, начиная с короля или президента и кончая полицейским! Он сказал: если окажете неповиновение, „божий слуга“ прибегнет к мечу, который не будет применять „всуе“. Он сказал, что носитель меча—слуга бога.

„Сам Христос рассказывает притчу о богаче, попавшем в ад, вследствие того, что он был богат, и о бедняке, по-

павшем в рай, вследствие своей бедности. Богатым христианское духовенство говорит, что вернейший путь в рай ведет через богатство; но сами богачи пользуются притчей Христа, говоря в утешение беднякам, что вернейший путь в рай—через бедность, и эта мысль подкрепляется словами Христа: „Благословенны нищие, так как им принадлежит царство небесное“.

„Я утверждаю, что невозможно доказать существование божества, способного что-либо сделать вопреки закономерному процессу природы, и потому слово „бог“ отпадает. Я не противился бы ходячему употреблению слова „бог“, если бы оно было безобидным, но это далеко не так. Этим словом каждый деспот пытается держать народ в невежестве и подчинении. Этим словом хитроумные политики пользуются для выполнения своих планов подкупа и грабежа. То же самое относится и к слову „рай“. Нельзя доказать существования такого места, и слово это употребляется для подкупа бедняков, поддержания их в повиновении несправедливости.

„Я не вижу, каким образом возможна жизнь после смерти, но если бы она и существовала, она не станет лучшей от того, что мы бедны и неразвиты в этом мире; бессмертие же дает скорее основание беднякам к недовольству земной жизнью, нежели к подчинению несправедливости. Как атеист, я против бога, стоящего на стороне каждого тирана, который сажает революционеров в тюрьму, пытается и порабощает их; бог—за помещика-бездельника и ростовщика против трудящихся; за толстосума-попа — против народа; за политиканов — против счастья народа; за белого эксплуататора против негра; за богатого спекулянта—против мелкого воришки и карманника.

„Если мне говорят, что бог не таков, я возражаю, что либо он таков, либо его нет вовсе.

„Бог любой христианской веры—бог господ, бог—бездельников-богачей. Мир никогда не знал другого бога. Этому богу поклонялась церковь всегда, поклоняется и ныне.

„В природе еще имеются непонятные для нас силы, которых мы, следовательно, не можем назвать. Но они могут лишь быть нам в помощь, если мы узнаем, что они собою представляют и как ими пользоваться. Молитва не является поэтому нашей обязанностью, ни нашим преимуществом, ничего хорошего мы ею не добьемся. Нам необходимо наблюдать и исследовать стремления привилегированных классов и размышлять над этим. Нам необходимо понять, что нет бога, который позаботился бы о повышении нашей заработной платы, что нет рая, который вознаградил бы нас за нашу бедность, со всеми вытекающими из нее бедствиями в этом мире“.

„И поп сказал: доволен будь!
Про десятину не забудь!
Кто счастье на земле презрел,
Тем рай достанется в удел.
Пускай в работах сохнет грудь,
Но поп сказал: „Доволен будь“!

„И с лордом за столом сидит,
А лорд от десятины сыт,
И поп набил себе живот;
Совсем недурно поп живет.
Кто благ земных не позабыл,
Епископский дворец нажил.

„Доволен будь! Доволен будь!
Пройди в смиреньи жизни путь!
Рабом живи и умирай,
На небесах найдешь ты рай.
Пусть в мире дороги и дворцы,
На небе дешевы венцы“.

IV.

Содержание этой книжки резюмировано в следующих тезисах моего политического и религиозного „кredo“:

I. Мое религиозное кredo сводится к следующим венадцати принципам.

1) Главная цель каждого человека сделать свою жизнь возможно более продолжительной и счастливой и помогать в этой цели другим людям.

2) Хотя родители живут инстинктивно для своих детей, и точно также инстинктивны все человеческие взаимоотношения, сознательная личная жизнь человека имеет земной, а не небесный характер.

3) Знание—Христос Мира. Боги-спасители спиритуалистических религий лишь символы знания.

4) Невежество—дьявол мира. Боги-разрушители спиритуалистических религий—лишь символы невежества.

5) Знание состоит в познании фактов и истины. Каждый реальный факт и каждая истина—слова единственного евангелия, которым мир обладает.

6) Факт нечто такое, что стихийно создано материей, энергией и движением, а вовсе не волей сознательно личного бога. Других фактов не существует.

7) Истина—объясненный факт, и, проводимая в жизнь, она способствует ее улучшению. Других истин не существует.

8) Следовательно, величайшие люди—ученые, открывающие факты, объясняющие их и убеждающие нас жить согласно им. Если вы утверждаете, что матери выше учителей, то я с вами соглашусь лишь только при условии, если вы допустите, что мать действительно велика, будучи и учителем.

9) Желание и усилие изучать факты, объяснять их и жить согласно им составляют нравственность.

10) Нравственность—величайшая сила в мире, так как она заключает в себе всякую действительную религию и политику.

11) Но, как бы это ни показалось парадоксальным, еще выше нравственности—свобода.

12) Свобода, стоящая выше нравственности, состоит в свободе изучения и объяснения фактов, проповедывания их и жизни согласно им; без этой свободы человек был бы либо аморальным ребенком, либо имморальным лицемером, и он не мог бы обладать величайшим сокровищем в мире—нравственностью, без которой человеческая жизнь не имеет смысла, если она вообще в таком случае возможна.

II. Мое политическое „кредо“ сводится к следующим двенадцати принципам:

1) Как вселенная в целом существует сама по себе, сама поддерживает себя, сама управляет собой, так и человек в частности, будучи лишь одним среди меняющихся космических явлений, содержит в себе самом все возможности своей собственной жизни, так что каждый человек может сказать о себе то же, что выдумавшие Христа, вкладывают ему в уста: „Я и отец мой—едины суть“.

2) Человек поставил себе отдаленную и возвышенную цель идеальной цивилизации, находит путь к ней своими собственными открытиями, приближается к ней своей собственной силой, так что он менее всего обязан кому-либо из богов спиритуалистических религий, как поставленной себе целью, так и успехами, достигнутыми им на этом пути.

3) Человечество также не обязано своим прогрессом на пути цивилизации своим руководителям; это явствует из того, что если бы не боги, оно ушло бы далеко впереди той эпохи, при которой англо-германская война стала возможной. Эти боги—дар, преподнесенный слепому человечеству его слепыми вождями.

4) Человечество своими успехами на пути к цивилизации обязано ученым не более, чем своим духовным вождям, так как ученые всегда работали, а вожди проповедывали в интересах господствующего при существующей системе экономики класса. Экономические системы были главными, если не единственными причинами войны; мировая война со своими ужасами была бы невозможна, если бы не наука.

5) Таким образом, история цивилизации имеет своим двигателем экономическую систему производства материальных благ (пища, одежда, жилище), а не божественное откровение и не великие открытия. Согласно Марксу, открывшему ключ к дверям истории, история движется не богами в небесах и не великими людьми на земле, но вытекает из экономической системы производства.

Эта экономическая система создает божества и вождей, а не наоборот.

6) До сих пор история человечества была основана на институте рабства. Были, в широком смысле слова, три различные формы его с соответствующими им различными цивилизациями: личное рабство, феодальное рабство (крепостное право) и капитализм. Каждая из этих форм рабства была фундаментом для постройки цивилизации, свойственной данному историческому периоду. Личное, феодальное и капиталистическое рабство были соответственным основанием для надстройки древней, средневековой и современной цивилизации. Второе из двух великих открытий, сделанных Марксом, состоит в том, что капиталистическое рабство, наихудшее из всех, основано на прибавочной стоимости.

7) Так как цивилизации достаточно отчетливо воплощаются в религиозных и политических учреждениях (церкви, государстве со всем тем, что к ним относится), чтобы утверждать, что религия и политика—две половины одной и той же действительной, реальной цивилизации, то отсюда следует, что я прав, распространяя свой материализм как на область религии, так и на область политики.

8) Экономическая система—почти наиболее материальная вещь в мире, она—единственный ключ, которым открывается дверь в храм человеческой истории. Открывая дверь этим ключом, первое, что мы видим, это разделение мира на два класса: класса, представители которого живут собственностью на орудия производства и обмена, и класса, представители которого живут трудом. Их труд создает машины и все материальные ценности в мире (пищу, одежду и жилище), обеспечивающие ничего не производящих собственников всем необходимым, тогда как производители—рабочие, которые все создают, ничего не имеют и обречены на прозябание.

9) Коммунисты и капиталисты согласны в том, что когда цель человечества будет достигнута, мир станет одной сотрудничающей семьей.

10) Капиталисты говорят, что сотрудничество должно быть между собственниками—отцами и рабочими—детьми. Капиталисты готовы признать в каждом рабочем, выполняющем добросовестно свой рабочий день доброго сына или дочь, а рабочий должен считать каждого хозяина, выплачивающего ему хороший дневной заработок, добрым отцом.

11) Коммунисты говорят, что сотрудничество между людьми, которые по своему положению являются все рабочими, осуществится тогда, когда будет достигнуто следующее: мир перестанет быть разделенным, как это было до сих пор с незапамятных времен, на немногочисленный класс собственников и многочисленный, но порабощенный рабочий класс. Мир образует тогда одну большую семью, каждый член которой будет находиться в одинаковых условиях существования со всеми прочими, за исключением стариков, которые будут рассматривать младших членов общества, как сыновей и дочерей, и которые, в свою очередь, будут рассматриваться ими, как отцы и матери: все же члены общества, принадлежащие к одному поколению, будут друг друга рассматривать как братьев и сестер.

12) Цивилизация никогда не была возможна и не будет возможной без рабства, так как досуг и возможность учиться, социальное общение—путешествия—необходимые предпосылки для цивилизации, но при капитализме только представители господствующего класса собственников обладали этими необходимыми условиями цивилизации, представители же рабочего класса были лишены. С заменой капитализма коммунизмом—все будут иметь одинаковую долю необходимых материальных благ для поддержки своей физической (телесной) жизни, и одинаковую долю досуга для развития своей духовной жизни. И тогда будет существовать рабство еще в большей степени, чем оно существовало до сих пор, но рабство машин на службе у людей. Остается еще, конечно, много работы, связанной с изготовлением машин и использованием их, но требуемые для этого время и энергия будут постепенно уменьшаться с неизбежным увеличе-

нием количества машин и их работоспособности, пока, по приблизительному подсчету, трех или четырех часов в день относительно легкого и приятного труда не будет достаточно, чтобы обеспечить с избытком каждого рабочего и его семью всем необходимым для жизни, так что все будут иметь все то, чего не имеют даже немногие теперь; это, конечно, произойдет без всякого чувства рабства, так как в работе исключительно на свою личную пользу и на пользу всего общества, к которому принадлежишь, нет места чувству подавляющего рабства.

V.

Мировая революция началась и быстро распространяется по всему миру. Почему? Потому что рухнула мировая экономическая система, она должна быть заменена новой экономической системой, или же мир погибнет от недостатка пищи, одежды и жилища. Эта революционная война происходит между рабочим классом, который живет впроголодь, хотя и производит все материальные блага, и классом капиталистов, которые утопают в изобилии, хотя и не принимают никакого участия в производстве материальных благ.

Приблизительно 100 лет тому назад, наш четвертый президент Джемс Мадисон, сказал в смутном предвидении того, что ныне каждый видит с полной ясностью:

„В настоящее время мы в существенном свободны, но настанет день, когда республика станет невозможной. И это произойдет потому, что богатство сосредоточится в руках немногих.

„Республика не может опираться на штыки. Когда наступит день, что богатство нации окажется в руках немногих, нам придется положиться на мудрость лучших элементов страны, чтобы исправить законы нации согласно изменившимся условиям“.

Рабочие России изменили в корне социальные взаимоотношения своей страны так, что они оказались наверху,

а капиталисты внизу. У последних остается лишь одно право: умереть с голоду или жить подобно всем, а не грабить, вести войны и поработать других.

В тот момент, когда я откладываю в сторону свое перо, Российское рабочее правительство ведет двойную войну, в Польше и Крыму, чтобы отстоять свое существование против капиталистических правительств мира, особенно Англии, Франции, Японии и Соединенных Штатов, которые в этой войне действуют объединенно, за кулисами, против него. Победа, нам кажется, за ним обеспечена, благодаря широким симпатиям и помощи товарищей рабочих всего мира.

Маркс, хотя и в могиле, живой. Голос его после смерти звучит еще громче и убедительнее, нежели при жизни. Россия—рупор, через который его голос распространяется по всем землям и морям.

Ни один бог, ни один человек никогда не говорили с такой силой. Его евангелие для раба, его могучий призыв — пролетарии всех стран, соединяйтесь, его воодушевляющие слова — вы ничего не можете потерять, кроме своих цепей, завоеуете же весь мир.

В. М. Браун.

Сентября 24, 1920 года.

Великое наступление.

ЭЛЛЕН КЕЛЛЕР.

Пробил час великого наступления. Вперед, товарищи. Стройтесь в ряды. Встретим радостным приветствием Новый Год. Сольемся с мировым шествием к светлому Завтра. С твердой надеждой и с мужеством в сердце Запад пусть встретит Восток. За нами, братья. Шествуйте с нами к новому миру. На приступ божественных высот лучшей, прекраснейшей жизни. Вперед, товарищи, сомкнутыми рядами, вперед навстречу Рассвету.

Оставьте страх и сомнения. Долой „если“ и „но“. Долой секты, группы, лиги. Все вместе, нога в ногу, плечо к плечу, пусть бьется за одно у нас сердце. Вперед к будущему, дерзайте на все.

Вперед, товарищи, сильные и свободные, смело вперед, из царства мрака, из царства гнета, из дряхлеющего царства ненависти и традиций. Вперед, товарищи, сомкнутыми рядами, к грозному Рассвету.

Нам мрак освещает Восходящий Новый День. Мы шествуем к Власти, Знанию, Справедливости, Истине. Время созрело. Нас ждет новый мир. Его плоды, его блага, его радости—наши.

Не бойтесь трудностей пути—не бойтесь бури, палящего зноя, зимнего холода, голода, жажды, врагов в засаде. Яркий свет впереди нас, мрачная тень позади. Новая звезда поднялась на востоке. В муках и боли из старого строя родился новый, на Востоке родился Сын Человеческий. Вперед, товарищи. Сомкнутыми рядами. Вперед к бивуакам России. Вперед к наступающему Рассвету.

Темную ночь отчаяния прорезывает смелый клич Нового Дня. Все силы мрака бессильны заглушить ликование далекой Москвы. Подобно огненной звезде на небе сверкают яркие золотые слова: Советская Республика России. Слова, подобно солнцу пронизывающие мрак, радостные, лучистые слова любви, изгоняющие ненависть, приглашающие человечество к Возрождению и Жизни. Вперед, товарищи, сомкнутыми рядами. Вперед к светлой заре Искупления.

Пусть мир и братство осенят страдный путь человечества. Да будут всегда в вашем сознании слова того, кто сказал: „не убий“. Пусть звучит хором ангелов: „мир на земле, благоволение в человецех“. Вперед, товарищи, держитесь, пока ваша воля не станет законом земли. Вперед, товарищи. Сомкнутыми рядами, к живительному источнику Рассвета.

Вслед за ними движутся змученные, истерзанные народы, женщины в слезах, плачущие дети, подобные птенцам, выпавшим из гнезда. Они приветствуют нас своими пламенными, неукротимыми, жаждущими мученичества сердцами. Вперед, товарищи. Там впереди—Звезда нашей надежды, красная заря на Востоке. Вперед. Либо погибнем, либо достигнем обетованной земли.

Вперед, товарищи, сомкнутыми рядами. Вперед, к пурпурной Заре.

РАБОЧЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“

Петроград, Смольный, комн. 74, и Просп. 25-го Октября, 52.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

М. Покровский. — Очерки по истории русской культуры. Часть I и II.

Н. Ленин. — Аграрный вопрос в России в конце XIX в.

Батурин. — Очерки по истории социал-демократии в России.

М. Покровский. — Франция до и после войны.

Херасков. — Англия до и после войны.

„Красный журнал для всех“ № 1. Ежемесячный художеств.-литературный, общественно-экономический и научно-популярный журнал.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

„Юный пролетарий“ № 5, журнал Р.К.С.М.

„Под знаменем Коммунизма“ № 2. Ежемесячный журнал Агитотдела Сев.-Зап. Бюро Ц. К. и Петроградского Губкома Р. К. П.

К. Каутский. — Экономическое учение К. Маркса.

К. Маркс. — Теория прибавочной ценности. Часть II. (Часть 1-я имеется на складе).

А. Бубнов. — Основные моменты развития Российской Коммунистической Партии.

Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира.

Карманный календарь на 1923 г. „Спутник рабочего“.

„Красный журнал для всех“ № 2.

≡≡≡

ТОТ, КТО ПРИОБРЕТАЕТ ЭТУ
КНИЖКУ в предположении, что
— она должна поддерживать идеи
христианства и американскую демо-
кратию только потому, что ее автор—
священнослужитель Епископальной
церкви и гражданин Соединенных Шта-
тов, будет быстро разочарован; на-
оборот, она от начала до конца стре-
мится внушить читателям взгляд на
религиозные вопросы с точки зрения
дарвинизма и на политические вопросы
с точки зрения марксизма, а эти точки
зрения вовсе не те, каких придержи-
вается в этих вопросах христианство и
американская буржуазная демократия.

≡≡≡